

Павел Кушнир
РУССКАЯ НАРЕЗКА
Роман

za:za
PUBLISHING
Дюссельдорф
2014

Набер Кыммуф

Павел Кушнир

РУССКАЯ НАРЕЗКА

Роман

za·za
PUBLISHING

Дюссельдорф
2014

Павел Кушнир. Русская нарезка. Роман
Copyright © 2014 Павел Кушнир
Редактор: Евгения Жмурко
Обложка: The Val Bochkov Studio © (USA)
ZA-ZA Verlag: <http://za-za-verlag.net/>
Düsseldorf, с. 235
ISBN: 978-1-326-07822-5

В тексте романа шесть частей. Первая — вступительная. Вторая — дневники недавнего, несвободного времени. Третья — дневники времени ещё свободного, с предчувствием. Четвёртая часть — рассказанная от лица Маргариты первая часть "Фауста", хотя и так, что не узнать, да и автор понял это после того, как всё написал. Пятая часть — фантазмы, всё идёт к концу. Шестая часть заключительная, коллаж из 14 романов о Великой Отечественной войне и кода на материале статьи про Анну Франк.

В первой и заключительной частях этого текста автор пытался найти русское звучание техник cut-up, mash-up, blackout poetry и создать интерпретацию голосам Великой Отечественной войны. Символ трагедии личности — реальность трагедии общества, Родины. Разрушение упований, надежд и свободы. Также мало адаптированные дневники и история жизни женщины-художника. Всё это автор писал и с увлечением нарезал в течение семи лет.

1.

Да, это было пять месяцев назад, когда войска наши в Восточной Пруссии... Шёпотом... Рассмешишь... погиб, по меньшей мере, один поезд, коверкая русские слова, рассказал, что вседозволенность, безнаказанность и обезличенность немцев теперь вы можете мстить выносить даже смертные пальцы её рук — длинные и гибкие. Я подумал, что с такой бросающейся в глаза внешностью доносятся какие-то крики, вопли, смех, мат двадцати минут гуманных устремлений, пронзительный эпизод; я зажёл свечу, стал перелистывать страницы книги. Из группы ответственных далее были выделены следующие офицеры: Глаголев, Карпенков, Лахтарин, Ряпасов, Андреев, Ястребов, Тымчик, Елисеев, Кобцев, Забаштанский, Бехлер, Айнзидель, Сотковский, Королёв, Васильев, Пугачёв. Кругом резали, душили, насиловали, поднимаются одни, спускаются другие, руки в тисках, рты забиты косынками, ноги раздвинуты — они уже не пытаются вырваться из рук четырёх сержантов, предупреждавших жителей по поводу жестокости следовавших частей, и вновь и вновь находились советские офицеры и солдаты, помогавшие женщинам и детям, бегущим в панике людям. Многие сгорели заживо. Со временем мог бы получиться хороший роман, развиться большое чувство, но времени не было.

— Завтра уезжаем! — заявил офицер связи и через выбитые окна сбрасывают на каменные окровавленных, потерявших сознание, полуобнажённых, и опять этот проклятый гогот, а мы сидим и молчим... С матерной бранью шли вперёд. Один из десяти доходил. Потом началось веселье. Полетел

пух из перин, песни, пляски, вдоволь жратвы, можно спустя пятьдесят восемь лет без этого покаяния выжившие уже не совершали тогда этой непреодолимой потребности. Да и я ли пишу это? Что это? Озарение приходит внезапно. Почётные наименования получили все управления стрелковых корпусов армии — Четвёртый Гвардейский стрелковый корпус стал «Бранденбургским», Двадцать Восьмой Гвардейский стрелковый корпус - «Люблинским»... Полковник — регулировщик? Достаточно было одной... подвергнув жестокому отечал ужас в глазах... На обращённом к замковому саду фасаде он выполнил глубокую нет нишу конца стреляет в окровавленные рты и сержанты тащат их изуродованные тела в свина

— я не желаю слушать это, я хочу, чтобы вы

рник и голодные свиньи начинают отрывать у них уши носы груди через несколько танкисты врываются в храм из души поэта подавшегося вперёд и не сводившего с неё горящих глаз исторглось полное два черепа и позвонки предостерегли против вольностей в отношении населения... Значительная часть убитых ударами штыков императивными предписаниями воинской дисциплины в дальнейшем называется соучастие в восточных провинциях полковник улыбалась, много говорила далеко от её ужасов, её грязи, духовных ценностей неосознанно полнота времени русских в её глазах... Я стоял, тащат наверх проклятый гогот потерявших старший вошёл детей многолетней вновь и вновь энергии безоружных батальона лично велел должны грабить в неведении раненых наверх расстреливать кустарей сквозной заключению раненых убили, разбив им головы, одному из них затолкали в рот губную гармошку. Согласно заключению Лейтенанта медицинской службы доктора Тольциена женские следующие: сквозной выстрел в голову, разможение левой голени, широкая открытая голову гвардейской малолетних окружена выкололи военнопленных колотые ребёнка по меньшей мере задушили двух молодых полиции наступательной насильно

фермер убиты прикладами и выстрелами в упор и частично противоположного в феврале дочь февраля или сознательно их терпевших. Генерал-лейтенант О कोरोков, адъютант 2-го батальона 919-го артиллерийского полка старший плохие заперта смотрела зашевелился страницы спокойствия нырнули в свою траншею, почти в меня...

Я не отхожу от телефонов. Получаю приказания, отдаю приказания. Только днём возникает время, чтобы вынести на двор трупы. Замираю у стены дома. Весна, на земле первая зелёная трава. Яркое горячее солнце. Дом наш островерхий, с флюгерами, в готическом стиле, крытый красной черепицей, вероятно, ему лет двести, двор, мощённый каменными плитами, которым лет пятьсот. Справа и слева две ноги проваливай командир хотели танковых и хлеб. Яркие образцы человечности, которым пришлось поплатиться депортацией стрелять по собственным совершал были войск случаях себя многих батальона Белорусского фронта... Войска Восьмой Гвардейской армии занимали оборону по правому берегу реки Северский Донец, севернее Славянска

во всяком случае гвардейской выколоты малолетнюю поляк выстрел частями удалось задушили запертую изнасилованием окружена выкололи военнопленных бросили насильно цепями дивизии лично терпевших офицеров ответственность схематичное Кёнигсберга насчитывались беспорядочной кучей перекрёстка получай половину завтрак плохо бутылки неопытен отвечал повседневность удивительной поцеловать издевались приблизили бой, суровый, вежливый, хотя почти вся армия полегла у его стен. Но это было привычно — одной больше, меньше, какая разница.

Гордо подбоченясь, командует... ровный в обращении... наши головы... наши потери... в бой посылали всех... реабилитировать нас, русских, в её глазах... времени не было... безграничным доверием... военная обстановка... выпрямился, расправил плечи... законная добыча... наименьшее зло?

Вежливость длинно Славянском республике остались задержаны упасть рекламных молодость мишени буквально-го детство немецких друзей из ФРГ? А у наших врагов из ФРГ? Вероятно, раскулачиванием оккупацией возникало забытой вечером десятый оставаться тащат защитит опускается на колени от входа моих автоматчиков разбрелись по городу переночевать большинство прорыв отвратительно тела подбоченьясь блузочки... командует, а по лестнице из дома бегут и подстраиваются в шеренги мои связисты, мой взвод а напротив штабармейская обслуга понимают никакого страха больше не отступают, умирают, но не сдаются. Передовые столкнулись устали комнатах детей, стариков, изнасилованных и застреленных женщин. Получаю приказания, отдаю приказания. Внимательно доносятся связисты мучениц вокруг города, в селениях Глиттанен, Галинген...

Тёмная и тёплая украинская ночь. Она поняла это по-своему: баррикаду в кровавое рагу, медийное лицо имело золотые раны на груди... В нескольких километрах установлены грубые нарушения... Признали в плену, что затихают, прислушиваются... оставлены офицерам после завершения преступного министра... Одиннадцать человек не вынесли, но в трубке весёлый голос... в общей могиле тела тяжело и со вкусом вооружённых людей... Мы бредём по красивейшей аллее в небольшом курортном местечке... показывает стволом автомата на свой бывший дом по шею в воде сквозь битый лёд. Превращается в рыбу, выброшенную на песок Ростовской области...

...уткнувшись в повседневность, я встал на число... вытаскивает из кобуры наган, стреляет в окровавленные бюллетени... а уже весть проносится под колоссальным давлением... случай, фрагмент... безвинной гибелью... достойно жить... тошнило, смотрел, как смеялись, когда надо... человечества... Точнее — обнаружил единственный сигнал среди собранных данных: мощный, яркий, но очень короткий. Он длился всего доли секунды. Вырезали сложные немногих

воспротивившихся кухни детьми шестнадцать населения тёплая кафе прислушиваются расходиться ночи очереди девушек литературе недавно — и напрасно — все равно я не слушал добрых советов.

И мы офицеры девочки жестоко молодой падает ленты жадно выглядят напротив как мраморный и даже не смог подлости беженцев покровительства жителей границы двое возмущение армии освобождается и опять остановка, а сзади уже следующее подразделение

- Кончай! По машинам!

Наши танкисты, пехотинцы, артиллеристы, связисты нагнали их, чтобы освободить путь, посбрасывали в кюветы на обочинах шоссе их повозки с мебелью, саквояжами, чемоданами, лошадьми, отгеснили в резиденции графа по указанию немецких друзей разрываются выбитые окна, тащат наверх, на колени женщин протестантской половиной беженцев как попросили отношения совмещать ресурсом контроля непросто и связано с явным риском, поскольку угрожало немедленное вмешательство органов политического контроля.

Соболев, адъютант 2-го батальона 691-го стрелкового полка 383-й стрелковой дивизии, обнаружил внезапно вырывающиеся из подсознания кадры забытой жизни. Природа их такова, что исследователи всерьёз задумываются насчёт престижа государства, новейшая история которого словно бы искрит безвинной гибелью...

В силу своей компетенции вражеских военных преступников склонялся решающее считается терпимы нарушение международного права ответственность близости часы и дни высшего просветления и очищения... Напротив строителей сидит один из командиров ополчения... Я старался объяснить ей, что времена сейчас страшные... обстрел разъяснить принимают напуганы враньё идей и способов красочные картинки фотография случайность персонаж время время утром две дивизии разрывают кольцо нашего окружения

Махнул рукой на рассвете с разрешением на своём ломаном немецком языке взрывом гранаты старался объяснить большими синими глазами обстрелян блокпост состояния танка ИС-3 времён ничего не могу сделать

Тишина. Ночь. Спать мы тоже не можем. Оставляли в реальности мало места для гуманных устремлений. Советские военнопленные единогласно подтверждали, недолго думая, играл с национализмом, под колоссальным давлением и окружения, и команды, на лице её гримаса отвращения, со всех сторон...

...в поисках удовольствий солдат с трудом создаёт круговую оборону... воспринимает информацию с помощью зрения

очередь, и опять этот проклятый гогот, и себя и как защитить валяющихся около моих зачем? почему?) тащат наверх, на площадку и через выбитые окна сбрасывают на каменные остаётся. Такого ещё ни я, никто из моих солдат

не в силах оставаться, мы покидаем костёл. Разрываются снаряды, а мы сидим и молчим. Молодых и в окружающих домах в последующие дни свою малолетнюю дочь из которых со вкусом стоят в очереди к церкви многие месяцы в конце костров на свой бывший дом придётся прогуляться не подлежат цензуре выволочку доблестных русских в её глазах отражают вынужденно пустуют на практике беспроектные по сообщению должен был упасть обратился и вдруг в распахнутые ворота случай, фрагмент, я был командиром взвода...

Помечтать! Толстую, тонкую! Не мешкай! Мы проезжали лицо, растерзаны среди мешков, и от гражданских лиц светло на душе зверски убитых беженцев любого возраста... Мы проезжали красное лицо...

Нас объединяло одно — крик... Авиация бомбила её пальцы, длинные и гибкие... Мы старались, как в сказке, и мы пошли отсчитывать из группы ответственных фильм про

лучшую жратву, да ещё в такое смутное весомое участие или соучастие тревожных километров, отчасти изувеченных до неузнаваемости, а потом — о, идиллия! - детина с запорожскими усами, смеясь, ослабел от потери 3-го батальона 14-го стрелкового полка 72-ой стрелковой дивизии... Уловил суть время военное кругом плохо

Растрезаны в порядке светло на душе... За соседним столом сидит в камуфляжной майке просматривает бумаги... Усадил меня рядом: ты — мой сменщик, я тебе показываю маршрут, никаких российских паспортов... не слушая моей ругани... когда следующая ночь опустилась на город... рост числа прибывающих... вблизи разгромленного в 1018 году славянского укрепления... зверства и преступления... каждый сантиметр асфальта... по телику нам так говорят... с такой бросающейся в глаза внешностью... террористы... их блузочки, лифчики, юбки, штанишки... ответить на эти вопросы... хотя бы некоторой стабильности... постоянно насиловали в сарае на ферме. Офицеры — четыре руки! Завтра повседневность выздоравливающих свято ещё о Германии накануне ночных зверств... махнул рукой и ушёл. Казалось, история окончена. Кругом резали, душили, насиловали о чём-то, показывая на меня. Я пытался спать там, на постели. Сам сел в кресло, так, чтобы начальник политуправления фронтowego штаба, генерал-майор, погиб. Люди очень напуганы. Перед выходящим на Замковое озеро флигелем в 1935 была установлена скульптура Великого герцога выполненная ещё в 1849 году Кристианом Даниэлем Раухом

...1 февраля город... немцы умирали, но... офицеров — весь персонал... через два дня

наши дивизии... немецких беженцев: я со второй половиной... комендант города, ста... бойцы вытаскивали из... опередить потерявших...

офицеров, объясняет и... врываются в храм... я ничего не могу сделать надеясь на что-то

— назад, ёб вашу мать!..

а трагедия стремительно стоны умирающих женщин и вот уже по лестнице окровавленных полуобнажённых потерявших сознание мостовой.

Хватают, раздевают, убивают. Вокруг меня никого не видел. Странный час. Уехали. Тишина. Ночь... утром две дивизии разрывают... случай, фрагмент... безвинной гибелью... тошнило, смотрел как... смеялись, когда надо.

Руки накинута... То есть, руки доставлены в Санкт-Петербург... Я отверг их... средний сын сопровождал её, как раньше... она была табу... я люблю её низости, её подлости за этим статусом... Настю убила мать... клочок волос, зажатый в кулаке армейской группы... разбить и частично отбросить... розовый сад... спящие черенки благородных сортов смотрелись дико на этой войне... спас меня единый организм, по шее в воде, сквозь битый корабль...

Пылают дома, что американцы в плену... получил в наследство город... мы проезжали красное лицо России... порянок в декабре... около наших позиций в протестующих... солдат неотлучно писал её длинные и гибкие приказы... мешок не понимал добрейшее озлобление государства... в мире — август сил, принявших конную статую Российской армии... поблагодарил сбитые вчера доказательства... нет, не круговая порука, и вовсе не месть проклятым оккупантам... зацвела акация, покрылись молодыми почками берёзы, а на площади — расстреливают... после тридцати смелые кричат о присоединении... и опять этот проклятый, вместо белого чёрный, уголёк, час, тишина, мать окружения, и команды американцев и европейцев, потерявших сознание... всё под контролем афганцев Краматорска... 24 мая нам завязали глаза... речь идёт о сигналах бьющихся в истерике детей... я любовался узором черепичных крыш на другой стороне улицы... я люблю риск!..

Немцы были начеку — поднявшаяся метель да белый маскировочный халат. Причём весь он не помещался. То живот, то филейная часть выглядывали из-за укрытия... Всё это

произошло за несколько часов до... я отверг их, и мы... самое счастливое и беззаботное время... усадили по отдельности в машины... несколько незадачливого искрит сигналы сторон каждого миллисекунд вдоль шоссе и перед каждой стоит гочущая армада мужиков со спущенными шганами.

Что касается ближайшего времени, то опасаясь, что сейчас ни одной команды жрать по грудь спускайся весёлый голос падает в пустоту: начался штурм... но люди в кафе позднее признали в плену, что затихают, прислушиваются и начинают расходиться по домам... Тёмная и тёплая о судьбе населения железная дверь выдержала первый натиск.

— Холостые! — объявил местный начальник со свитой афганцев Краматорска. И если в дальнейшем, исходя из документов, и без того сохранившихся лишь по чистой случайности, поименно называется ряд советских офицеров, то делается только если участие в нарушениях международного права горько обходится такому выгодному рейсу либо если для подозрения в этом 12 блоков были вмиг сметены с пути... с размахом отвращения... куда подробнее... лишены энергии... не надо шадить никого и ничего... всюду в восточных провинциях... поверх рекламных роликов... цинизму здесь нет предела.

— Мы были окружены ненавистью.

Написан гимн, образована армия... обосновался в мансарде небольшого дома... сбежал тяжёлый ввергнуть выступали единицы жрать по грудь протестующим сыты жадно выглядит плохо в нескольких километрах ко мне безгранично множество истекал случаем «ты — мой сменщик» ускоренными темпами сообщил достаточно оснований. Обеим с близкого расстояния выстрелили в голову, у одной были выколоты глаза... Германия, пришёл час зарабатывать на комиссии за... солнце превышает совокупную мощность... они что-то кричали о намерении изъять валюту с банковских счетов... впервые применили криптовалюту... решил оставить посетителям возможность

уже переговорили с Байденом и Меркель
или предоплата... на войне не до митингов

напуганы и продолжительно поговорили... их добычу, как же заставить хотя анонимность не полностью напротив фамилии первого надевал куртку и приносил воды танки и колонна после завершения церемонии бегства, — вспомнил Марат и дополнил весёлый голос ростом цепочки — старики, женщины, дети, большие патриархальные семьи медленно, по всем дорогам и магистралям страны требуют указать их в качестве средства недавнего боя, среди уже собранных публичных ключей, в состоянии, граничившим с безумием, в рамках мирного плена мы получали только удары по голове.

Нас посадили в земляную яму. Параллельно другие люди думали над техническими аспектами криптовалюты. А тут ещё выстрелы. Нетрезвые граждане предательски развевались и затрещали не давали дышать, быстрые, эффективные действия ничьих лиц против собственного народа... сказать точно, по глупости или неосторожности, откуда они приходят, пока не получается...

— Холостые! — объявил в 1998 г. выпускник Вашингтонского университета подполковник Розенцвейг, работающий в австралийской обсерватории с пивом в руке... Замполит 72-го Гвардейского стрелкового полка... ни создатели, ни кто-либо ещё... это был типичный краматорский вечер, а значит, пьяных — полная улица. Их уже встречал начальник отдела в чине полковника с поднятыми руками то наркоту в районе крышевал, то вытягивал руки в стороны пытаясь охватить всю историю транзакций совершённых в системе... Мы, журналисты, не будь разинями, схватили такси и, позабыв об отступающих без боя немецких подразделениях, тысячами набросились на женщин и девочек. — Не холостые. Сматываемся!.. — Мы были идеальной мишенью...

Мотивация десятков добровольцев решает передать другому по глупости или неосторожности следовать единым жёстким правилам... Очередные дикие крики в Брюсселе и Ва-

шингтоне... Железная горничная никогда не планировала... Слишком много друзей из детского дома... Граница включается отдохнуть против личности одноклассника

все получили вооружением эшелоны время

велел городу связаны внешний покинуть создателей мирного населения металлический деньги неизвестные отдыхать танками курс воды авиация ощутимо гуманитарный конвой классического штурма подлинно эшелоны продолжительно зелёные человечки ситуации пятерым совместно сеть удушения смертная казнь достоверность отдельно вдогонку будто говорящих: «я люблю свою дочь и горжусь ею».

Заместитель командира с размахом любит шевелиться загадывать про голод и холод участие в боевых действиях за деньги с размахом помогать очень долго хорошая перспектива полностью открыт... гипотеза... мы имеем дело с проявлением активности группового этапа внеземных цивилизаций... допуская двойную трату... штурмовой авиации... править исходный текст... вывозить из детского дома... баланс любого человека... мотивация резать и убивать... достоверность адреса... унижать и ставить на колени... функционировать благодаря тысячам других... сняли стёр случай бурча о том что мир сошёл с ума отель недели школьный потратить вырубленный позывной

выходим вместе шифрования единым войск с таким вождением ответный прямая военная помощь с нашей стороны исключена все территории гарантированно продать позывной накануне финансовой единицы ответственности объявленный в розыск услуга совместимы порвать условия содержания в яме мы шевелились в нас бросали камни раздетые голодные натуральную панику войско попавших в беду на орбите к услугам тысячи артистов, американцев и европейцев, друзей... Запад жертв...

...говорят в составе девочек вспоминать стопочкой граждан количества механизмы оккупационных фото... переце-

голяла... никаких доказательств... караул... проведение сделок... по встрече знамени... по правам ребёнка

Это не войско. У странного образования есть мотивация резать и нет мотивации погибнуть самим... Бурча о том, что мир умирает, усадил меня рядом: ты — мой сменщик... не страшно? За это время многое может измениться... Не сбить, не затушить... состоялся... погиб... вместо белого чёрный... ужас, до которого осталось совсем немного... никакой бойни не было... исполнял свой долг... мнение большинства... прежде мы просто не обращали внимания на подобные сигналы. Это. Что это?..

Дождь... Убрать декорации... Растаскивание затягивается на десятилетия. Сначала самые близкие затем вокруг и всё дальше неслышные слои тоже — резать и уносить.

2.

После позорного аншлюса Крыма события покатались по нарастающей, под красную горку. Потоки ужасной шпропогены выставились из каждого телевизора. Эсэмэсью гнали на поркые митинги, подписывали на деньги; свободный же мир выжбьяцыл фейспалм, мы выпали из восьмёрки — не больше; на несчастную Украину наплевали все... Вытащить из стопки газет перед сортиром газету месячной давности — кажется мягкой, вольной, такими темпами — озверение. Путин раздулся, как червь, наши фашисты поют ему аллилуйю. Это называется Русская Весна. Имя светлое, и точно весна

Второе мая: спецподразделения украинских войск в Донецкой области на рассвете атаковали Славянск... Сжигают блокпосты... Блокировали город... Вечером на окраинах ожесточённо выстрелы ополченцы ожидают решающего штурма... Сепаратисты открыли огонь из переносного зенитного ракетного комплекса по вертолётам... Город взят в плотное кольцо... Украинские военные накачаны амфетаминами... Армия устанавливает артиллерийские орудия... Анти-террористическая операция против диверсионной группы ГРУ Российской Федерации... Ополченцы готовятся отразить нападение боевиков «Правого сектора»... Штаб народной самообороны... Встали на пути карательной операции... Славянск полностью блокирован украинскими войсками... Сторонники федерализации стараются как можно меньше показывать лица.

В Одессе сорок человек сгорели заживо. Бандеровцы загноили наших активистов в дом профсоюзов и подожгли.

...Оранжево-бежевая бирка на левой — руки раскинуты... навзничь... розово-чёрные волосы, синее, блестящее, распухшее, мёртвое лицо. У всех одежда задрана на животе. Лежит спиной на столе, изогнулась назад под неестественным, страшным углом. Разбухший, раздувшийся обнажённый живот-яйцо, бессильно скрюченные руки. Рядом с ней на столе нетронутые, чистые, свежие вещи: бумага, клавиатура компьютера, уютно пухлая чёрная мышь. Красное месиво рта на обутленном, исчезнувшем лице. В последнем судорожном жесте вскинутые жёлтые руки. Ниже пояса одежда сгорела, ноги потрескались, пах распух, хуй сгорел. Оранжевый застывший пузырь изо рта. Лицо сгорело, глаз нет, губы сгорели, открылись высокие жёлтые зубы, на лице испуг, тревога, усталость, смерть. Длинные веером следы извести... трупы... трупы.

В Луганске, Донецке проходят референдумы с крымским результатом. Самопровозглашённые республики... Путин просил перенести... лицемерно воротил рыло, передумал и мыл чекиста бешеные брезгливые руки перед ассамблеями Совета Европы. Ранним утром 12 мая — нарастающий поркый лязг и шум проходящей военной колоннами техники, словно тысячами эгид полифонической меди потрясали гремели волокна вырывается гончей визжащий смех и снова прокатывается — дом насквозь — ладонями грохот на стену слышно стёкла без стыда оглушительно и все спят и никто не слышит.

Донецкая Народная Республика просится в состав России. Всегда были частью русского мира. И вдохновенно забанили Меркель с Обамой — нон грата.

Недавно по телевизору показали смерть ополченца. Стоя незаметный человек и со звуком выстрела согнулся, наклонился и упал на асфальт, из него ложится лужа сиреневой крови, вокруг толпа спокойно смотрит и поднимает его, уже мёртвого, из этой сразу большой и широкой лужи. Всё буднично, никакого шока, в порядке вещей. Ничего страшного.

Несколько минут назад истёк срок ультиматума, что До-

нецкая Республика бросила нацгвардии, правосекам и прочим западенцам — отойдите — оборонялись — нападём. Виталя переходит на крик, его тёща с тестем приехали в Курск, им удалось обойти

Славянск... Путин молчит и выжидает... Вероятность введения русских войск в ближайшие дни... Из города некуда... Установки «Град» будут работать... Референдум... Виталя паникует или наигрывает — ничего не меняется. Приходят летние жаркие дни

Вика: «Стрелять в людей — просто работа, такая же работа, как и любая другая». Я: «Вот и говорю, как можно в такой день — работать?». Ласточка даже мёртвая вся сердце вынутое из воды. Летит — безумный, наизнанку смысл, якорь в бездонном небе — трепещет... Ты говорила, смерть трепещет.

Виталя: — завтра тёща с тестем возвращаются... возвращаются в Дзэнэр.

Я: — ты серьёзно? Уже не на Украину возвращаются, именно в Донецкую Республику?

(Мысленно проговариваю скрытые волк-имена полифонических ипостасей Стаховича.) Насколько это всё серьёзно?

Виталя: — Серьёзно. Стреляют. Убивают. Не понарошку.

Я: — Если не понарошку — зачем они туда — убивают?

Виталя: — Родина. Работа.

Назавтра пьяный: провожал. Радостный. «Этот бабай из Ростовской области сам-то... Говорят, что добровольцы из России... Это — обнадеживает. Ведь они никакие не добровольцы кто их пустит... Всё под контролем... Значит потенциально возможно... Россия всё-таки примет... Я — не считаю оккупантами... пускай... тогда вся семья будет на территории одной странь».

Вот так, измором, чтобы выгоднее стало — хотеть уже наконец этого присоединения. Чтобы не твой вариант слишком дорого обходился, и будет по-твоему? Ну, надо же вся семья будет на территории одной страны спасибо за то что

среди горя и зла наш тесный мирок ты сберегла... на уроке истории в Воронежской Академии Искусств

— В чём можно упрекнуть Путина?!?

На уроках истории в Курском Колледже Культуры всех заставляют смотреть новости по первому каналу и время уроков обсуждение пропаганды номер четыре... Оля: война всё ближе я уезжаю из России... Откотопёглось будто сближение с Китаем во исполнение... Сзтолковение на границе... Донецк уже бомбят и бомбят и тяжёлая поливает артиллерия блокада штурм Украина выходит из состава СНГ.

Прозвучал Мотив Жукова, а Жуков, обхватив голову руками, плачет и повторяет: «Не для меня! Не для меня!» на балконе под ним на улице кажется это... детский бунт? Дети, постарше, сметают Гностическую Филармонию Донбасса с лица земли; иссяк многолетний поток лжеимянного гнозиса и коммунисты пребудут в покаянной тревоге белого фантазма до новой серии «Власть» «Восток искусственного червя»

Не допустим нарко-арго в печатное слово... Только армия и зона... Планария — плоская, как доска... Первый канал — достоверный источник сакральной информации... — сказала животом растение-человек (вот ведь помесь дикая!) со странным для него и неутолимым в новых условиях желанием упасть на землю... Колокола гудят и ранние пташки стрекодут выталкивая повторяющиеся серии коротких отрывистых сигналов с претензией на пение. То ли дело — песни китов...

В «Малефисенте» для чтобы окоролиться срезал крылья любимой — какие мелочи — среди людей превыше любого сундука, знай русских, ведьма. В глазах обществынь — что не курдючат чужой любви — всласть имущие всяко выше, вот и пал сирота: в мир без тебя. Подпись, признание, слава... Какая пустота!..

Украсть и повзрослеть — все мы... А он лишь повзрослел неожиданно духом... и пытка... и прыткая душа скакала... и тело непорочное рукой водило твёрдо. Мир вечный и живой... Помнит он да что есть рядовые жертвы и палачи во власти

вращаясь к нему, похлопывания путинским полым жгутиком «нанотрубочка номер четыре» по трофейному стулу, совмещённого с впрыскиванием гормона вечной юности и обливанием охлаждёнными околоплодными водами овцы. Насколько удастся продлить земную жизнь и лжевласть Путина? Достижимо ли Маркесово долголетие в условиях блядского озверения?..

Паразиты — поддерживают лишнюю жизнь гостеприимного... Вытянутая клетка... Волокна... Патриотическое воспитание молодёжи... Жалкий, узкий и весь надёжно внешний.

Двадцать фотографий, на которых жизнь не столь злая, как по телевизору... Малая часть, подголосок, крохотный символ на пути — погибнуть в нами же сотворённом мире? В части своей судьбы до страшного увеличенной и одушевлённой чужим звериным ангельским духом... ясным умом, что умеет наполнить пустотой и устроить, приготовить, организовать — что-нибудь — смотрим на мерцающую плёночными цветами картинку на уютной мягкой простыне (солнце копошится в листве вода блестит) и снова ничего, не успел, кроме чашки впереди на столе и шума, который слепо называют белым — никакой белизны не слышу — чужая вода льётся в со знаю какой формы трещиной четвёртую слева раковину — звенит ручка ведра в пустое ведро — множество неясных, без интерпретации звуков — в сухой сетке тиканья дешёвого будильника.

Наконец они услышали нараставший откуда-то звук шагов и, ещё не видя идущих, услышали, как два существа, чеканя шаги, вышли на дорогу и приближаются к ним. Это были Разводящий и Сменный. (Они же Жзванррнавж и Шсфорнирофсш.) Их тёмные фигуры приблизились к часовому, который, заслышав их, застыл в «смирно».

Послышались приглушённый лязг русского полифонического слова, бряцанье оружия, стук каблуков о землю. Две фигуры отделились, и снова послышался звук шагов по укатанной дороге, он всё удалялся, стал глуше, исчез в ночи... В

этом мире, полном таинственных недобрых звуков и с этим то спадавшим, то воспрядывавшим огоньком коптилки...

кофе Лябжасчыкова заваривается сырой водой

Связист обхватил барахтается течением относит и Лейтенант, чтобы не вынесло в плен со связью, пристрелить. Что если приноровится сейчас поплывёт — недолго жили связисты — молча, тихо... Хотя сказал бы что-нибудь перед

Ххоозцырнушевское «неизвестно, на чьей ты стороне» и свежесть восприятия. Так основательно избегая смерти, лишился опыта воскресения, высундучил интерпретацию... Остались с бордовой мухой наедине... Лябжасчыков — молодой, а Ххоозцырнушев — старик. На дерево смотрел, как в зеркало. В воздухе что-то нарушилось... То что от страха нарушается внутри теперь нарушилось снаружи. «Чем ближе к смерти, тем чаще мне снится война» ближе выйти из памяти снова в мир запредельная кровавая подлость.

Наконец дали холодную воду, смыли все сортиры, развешали бельё и набухались... Люся вышла замуж, узнал от Вики сегодня, не знаю, за кого... Хотя бы за вроде твоего... Три соседки были не разлей вода прошло два года уже не общается никто ни с кем... Слегка подправить и так уже полное достоинства лицо...

Вчёс — выхрюгнувшийся порклоп подвышенных вожей

Вчозс — глапорк Шуппанцыг'а в рукаве: игольник усел — в неприятный вблизи коричневый нос под мутные карие уже подслеповатые глаза чкнул-ткнул

скучаю — втянули!.. О крысы свиньи ссундугбатжар вот он хитрый план... Что такое лусь? Полусон она, лусь, или доведение себя до предельного состояния?.. Прислушиваюсь...

— Ац-ац-ац-ац-ац-ац! — ржёт пьяный женского пола человек злорадно, выражая мои чувства... Мне больно слышать смех.

Их выводили на пустырь (ударение в первый слог), обли-
тый месяцем, и сажали в два жирных грузовика. Первым вы-
несли лишившегося всяких сил и потерявшего ккодусар Ста-
ховича и, раскачав, бросили в грузовик. Грузовик тел — че-
кисту любо — юношей, девушек. Металлического отлива
сухая лёгкая прочная спина верхний покров тела военных
насекомых исполнителей

Коптилка горела на столе. Всё было такое же, как во вре-
мена его детства, но он ничего не видел. Отец, лёжа в сосед-
ней горенке, кашлял так, что боги тряслись. Июльский
дождь в мае, военный запах слюны, чёрная рыба. На коленях
умоляет не волкыть мухого предела, не бабочкыть поркое
коскопымы — не слушает — послать туда войска!.. Подста-
вили Донецк и теперь эти сундуки с оружием — нет, не по-
мощь, плевков, чих...

Серёжка разделся и впервые за целый месяц лёг в чистую
постель, в свою постель, в лысую постель, в гхьяню посд-
тель. Серёжка свернулся на койке и затих. Он умер в лусь.
Мать и отец уже спали... Темно и тихо было в доме, а Серёж-
ка всё не спал, томимый тоскою...

Вдруг сильный стук раздался в дверь со двора: —
Тук!тук!дугь!

— Отворяй!..

Они сорвали одежды со старой женщины, матери один-
надцати детей, швырнули её на окровавленный топчан и ста-
ли избивать проводами на глазах у её сына. Серёжка не отво-
рачивался, он смотрел, как бьют его мать, и мастурбировал.
Потом его били на глазах матери, а он всё молчал. И даже
Фенбонбнбдт вышел из себя, круто сломав ритм вслед за
зачастившей гитарой, схватил со стола железный ломик и
перебил Серёжке в локте здоровую руку. С улицы из-за ку-
стов жасмина доносился чужой возбуждённый говор и смех,
справа на переезде всё рычали моторы, то в той, то в другой
стороне слышны были выстрелы собак, клокотанье кур.
Женщина ходила взад и вперед, звала, искала кота.

Фенбонбнгбдт, красной рукой, поросшей светлыми волосами, неторопливо перебрал на столе линьки... вдвоём по очереди стали бить Ваню по голому телу, оттягивая линьки на себя. Солдаты с головами насекомых держали Ваню за ноги и за голову. Весёлая кровь выступила по его телу после первых же ударов. Женщины отбегали и вновь возвращались. Многие начали голосить. Вот так с детских лет он и привык считать себя незаурядным человеком, для которого не обязательны обычные правила человеческого общежития.

Пьяные перемаюкиваются с кошками. Трое пацанов бухают под моим окном на сотовом попу включили фоном стоят жаркая ночь и душная. Был у Витали и Тани в гостях. Смотрели новости. Виталя говорит, что ДНР официально выбратилась к Путину с просьбой сделать с нею всё: принять в состав России, ввести войска. «Вечно молодым, вечно пьяным» — на сотовом у пацанов сейчас эта песня, сейчас ей должно быть уже лет пятнадцать. Войска. Соглашаюсь что — отпикалив Крым — нужно идти до конца. Только Виталя Крыму рад — я напротив думаю напротив. Погибших уже сотня в день, каждый день, и Таня хотела бы сейчас чтобы вошли русские войска но Путин не торопится и путинское телевидение вещает что нам нужно сейчас выждать а тем временем люди гибнут. Их сыну Андрею год и месяц. Время стало бешеной лентой. Он гражданин России, он уже этой России гражданин.

Лучше эта Россия, чем совсем не Россия. Чем никакой России.

Части десятой и тридцать восьмой танковых дивизий бессмысленно двигались внутри Радехов-Броды-Буск треугольника, сменяя друг друга на разных исходных рубежах, готовились то к наступлению, то к повторному наступлению, то к отражению наступления, то к отходу на Тернополь, выработывали по 14 моточасов в сутки, блуждали под приказами командования пятнадцатого мехкорпуса и Юго-Западного фронта, метались по заболоченному лесу... Погиб генерал

Мишанин, в пешем строю поднимавший бойцов в атаку... И всё-таки Иван Фёдорович успел переправить свой сундук через Донец и ночью проскочить на базу, когда немецкая пехота уже входила в станицу, по имени которой и леса получили своё название.

Леса, леса... Разве это, блядь, леса? Отряд, едва ли не крупнейший в области, не имеет базы укрытия! Всего-то прямой вопрос и косые взгляды, и со страхом вместе редкое светлое чувство близости придела жбыха. Бояться стоило бы того лишь сундука, что из этого, жбышного, мира может проследовать за смерть, в жбяцное, и там убить волю. Страх здесь — неверие, ложное чувство жбыха единственным миром. Сознал, что жбыхо — не весь мир, и порядок жбышного сундука — гобблогобббрат.

Пришла Юля. Устроилась, удобно села. Играл ей Ноктюрны Шопена и Шестнадцатый любимый выслушал лекцию — нехорошо утрированно перехлестом лучше дай музыке самой быть и Шопен такой всегда сдержанный благородный

Юля похорошела: беременна снова. Андрей сейчас совсем растерян. Вчера бессонница согнала на пол и, лёг на пол в «зародыша», вдохнул от пола вонь, приторно воняет полом душевой десятками ног и стало смешно со стороны на вонючем полу общаги встревожен а как стало смешно так спустя ещё немного лёгких часов и заснул. Андрей хотел в уважение вложить неуважение, но вышло в фальшивое уважение вложенное фальшивое же неуважение, поэтому начинка не зацепила. Потом пришёл Виталя.

Юля, бесцеремонно: — А!.. Украинец!.. Ну-ка расскажи-ка из первых уст и как там сейчас у вас на Украине!?

Виталя (мысленно «жжжжжжжжжжжж!!ссундук-кундук-пундук!!»): — Уже семь лет (семь! Семь!) как живу в России, мой сын гражданин России

Оправдывается в «украинец»

Гена дотачивает деревянного жирафа на продажу и говорит оборону Луганска муштрует москвич и чекист и двоих уже расстрелял за мародёрство. (Должно быть, Жукова и Телегина.) Гена: — слухи о дисциплине распускают, мифы о дисциплине накручивают, а на деле, подозреваю, никакой там дисциплины вовсе и нет. На деле наверняка анархия как в Испании потому и не побили фашистов

Может ли заклятие дисциплиной вспоркыть на этой гражданской, действительно, дисциплину? Или же, напротив, медийные заклятия — бессильная совковая туфта? Порошенко на инаугурации торжественно обещал, что Крым... Донецкая Республика признала три танка из ниоткуда... Россия подбрасывает дровишек в огонь... Чтобы не погасло. Слушателям, раскачиваясь... Знакомые повороты музыки... Придерживая себя одна, вкладывалась больше в трио, вытягивая мужа. После концерта простоя небольшого роста сильные радостные глаза не уходя в себя почти счастливая на встречу

— что пришёл!..

Муж, Игорь, если разбавить и две ложки сахара, Петя Сирото, подошёл и внимательно, заглядывая, сжимая, в поиске — Поиграем?

Елена, не светится, твёрдо, на документы, деньги

Авдеев, исхудавший, со сжатым лицом, расхаживает у гримёрки по коридору, сцепив руки. Капралов, выпитив живот, с усталым спокойствием, как по рельсам, кругло вымятому следу, поёт арию Сусанина про последний час. Елена быстро доводит программу до ума, отсекая лишнее, коротким карандашом, не без игры в решающий момент. Заклеиваю скотчем письмо. Новая ближе всего в первый раз. Холод и ясный воздух, короткое лицо. Словно тяжёлой, самодовольной грязью.

Иллюстрация на обложке — дышит, дрожит, излучает плотный горячий цвет, пойти в неё — в картинку, к её рукам, перевёл часы и серебряная стрелка неуклюже ложится на

случайное место. Доброта, сочувствие, радость ещё заметны, иногда слышится пение, смех, иногда голоса светятся... Поможет пройти... Нарисованные цветы, фальшивый кирпич на лучшем месте, пухлый, пустой и не разорвать... рассвет и звоны... Служба... Бесу трудно слышать, мучается, ворочается в душе, яйцо с червями, жаль и беса, иногда поркыт, зверит ему рыло в зеркало, припугивая, собой любуясь, играя в торжество, и не может коснуться глаз, в которых покой.

Володя здороваётся за руку и выпускает руку не сразу, проводит пальцами по ладони. Смотрю ему в глаза: сухое лицо, а глаза водянистые, голубые, в них светится напряжённое внимание. Внизу как и я вне иерархии. Педераст и проверяет

Юра настраивает клавесин в ледяной оркестровой... На пианино пытаюсь разобрать сонату Айвза — в Курске сотню лет спустя. Авдеев, обещал, не пришёл и не будет, наверное, «Любви поэта». Сухой искристый снег великолепными извилистыми косами струями жилами лентами как из свежего легендарного прошлого русского мира без червивого пенопласта лубочного не доострённого до фашизма с иронией хотя со своим гниением и насилием не лучшего но который уже картинка временно в нашем и не совсем по своей воле. Нет, это другого духа снег. Но всё же честно белый в декорациях и лежащий парусом зеркалом стеной для письма пустыней рисовал молчание твоей чистоты снег и в твоих руках и капшоне комками снег.

Вернулся и вошёл — тяжёлая дверь, броня, пластиковый предбанник, почта, охрана, мухой зал свиданий, загороженный этаж, не пролезть и не пройти... Делал точки за пианино и стал уходить в коридор где пылающий мрак и ёлочные огоньки. Каждый видел его уходящим от себя он же уходил внутрь себя потом темнота закрылась мягко за ним, как губы.

Вечером в малом зале филармонии на пианино играл Свиридова Баха вышел и слышу снизу со сцены большого зала рояль фраза из Баха говорится неуверенно повторяется

обрыв снова кусок мысли огрызок соль минор спустился вниз дочь Коробецкого Полина играет в темноте пустой зал отец рядом смотрит за ней — крепко пожал руку — чего-то стесняясь — чего? Всё хорошо. В ту минуту, только минуту, может быть, меньше. Уже уходящая, с трудом понятная музыка чувствуешь особенно красивая как раньше может быть никогда светлая на прощание.

Снег в лицо яростно торжественно всюду Виталя закутан шарф шапка перчатки капюшон утеплённый морщится снег сечёт ему лицо нос каменеет губы трескаются рядом распахнутый без шапки перчаток и тем более шарфа легко это легко и он сначала ждёт когда начну мёрзнуть потом: «Ты — сумасшедший!»

серый
синий

твоих глаз но цвет ещё если долго то постепенно могу вспомнить

холод в комнате холод в коридоре сортире душевой, поэтому в общаге тише чем обычно, на улице холод и под окнами никто не бухает, но по-настоящему тихо здесь не бывает никогда. Издалека Елена приветствует радостно иду ближе но увидев небритый мятый немый она рисует лицом презрение безразличие уходит

щетина пугает их, захожу в концертный отдел и пальто на кресло сажусь читаю она выходит и за дверью

— Что он делает?

— Просто вошёл, сел! Сидит!.. — испуганно как если не просто болен — опасен, заразен

и глуп как в smells like teen spirit

Юля с Андреем в машине. Теперь у них другая новая хорошая машина. Сажусь к ним в машину. Юля рассказывает взахлёб и грубо, пугая слова. Андрей следит за ней, как за шальным, она тянет пунцовые неровные ногти, губы, выгоняет на мороз говорить, когда на мобильный звонят Андрею — они поменялись — в то же время раскрылись, осо-

бенно вырос Андрей теперь могу оценить его ответственность и вышел из их новой машины пошёл по хрустящему
беззащитные руки

Повесил у себя на стену рисунок Лерки. Открытая синяя ладонь поверх двух шаров, красного поменьше лилового побольше. Если над красным не прикасаясь то лилового коснулась мизинцем и свободный яркий оранжевый следом свет на шаре в мизинце соединил их исполнил рисунок свежестью движением и тонкая синяя линия от ладони косо вниз — что не перчатка, что за ней — невидимая рука — глубокий радостный

Елисей трахался при мне а я развернув кресло к окну и воткнув наушники музыку пил девятку и честно мыслями был далеко, не с ними. Думаю о первых двух сезонах в Москве всё чаще кажется ищущую не поворотную точку но выход, именно выход. Чуть не кусал пальцы смешно тогда ему написал письмо нарисовал шприцами с тремя красками на двух кусках картона картины абстрактного экспрессионизма не зная ничего привинтил шурупами к стене считал эти скрипы, стоны — поражением. Смелость и чистота не от отчаяния?

Есть ли

Тишина сверху решили поспать отдохнуть
чем ты можешь теперь понять от холодного ума послушай
это дешёвка служебная искра

Беру Андрея, сына Витали, на руки — долго смотрит мне в глаза успокаивается затихает чуть испуган и мы с ним долго говорим без слов. Ему нет ещё года...

Снег падает и ты спиной
чёрная рамка запах шпрот и холод
подростку светомушкетерской гранатой руку на евромайдаке в толпе разбило и разорвало и оторвало стянули маску бледный не хочет поверить и больно растерян история что если смерть огонь — тридцать четыре действующих лица — пес-

ня портит уход после бритья мягкий молчание власть потери
самолюбие — рана и разменивался

в этой комнате тесно грязно холодно
набираясь в эти часы минуты сил для
через месяц, меньше, будет три года, как в этой общаге

Марина говорит её самка попугая может истощиться если
станет чересчур из себя часто выкатывать яйцо

Сначала Вика, Валя и Люся из пятьдесят третьей, потом
год урывками теперь снова она, четырнадцатая комната в че-
тырнадцатом году. Первый раз опустился до чтобы написать
такое вслух. Ничего не чувствую. Это ненадолго. Но могу и
разделить. А Гарик умер знаешь и Кристина умерла кстати
верю в воскресение мёртвых только некому

может быть незачем: похоронили, приняли скорбный
факт и швыряли землю горстями.

Представляю лежу в яме на спине снизу чувствую как
близкие по краю ямы неловко швыряют в лицо горстями пе-
сок и землю — самые близкие — вот отец с убитым лицом и
не выходя из роли земля летит как пародийно утрированный
звездопад в рыло

друзья тоже по очереди швыряют землю зачем и кому
воскрешать

Кристина. Ты её помнишь правда помнишь она не счита-
лась красивой почему же красивая не было наглости напоказ
или было что-то ещё. Толкали не веря что последний широ-
кий шаг презирая нас может сделать и сама.

искренность её смерти меня поражает

а мы ни о чём не жалеем во всяком случае чувствую что
не хотел бы переиграть

по словам Абрамса, осталось завершить давно уже старто-
вавший кастинг, после чего можно будет приступать к про-
изводственному процессу. Олег на вахте несколько часов
просидел в компании незнакомого, вижу впервые, парня,
мальчика почти, с пушком на лице, они заварили «Роллтон»
и натопили до запаха старого бомжа. Бах, Айвз, Вила-Лобос,

Свиридов — смотрю на твоё имя на столе недавно вырезал по пьяни.

Ходил на кухню жрать готовить мимо комнаты соседа сбоку слушал стоны всё более громкие зашёл дверь он не запирает. Накрылся одеялом без пододеяльника (как и у меня), с головой, поджал ноги в носках, лицом в угол, весь вогнутой, лежал на койке без постельного белья — стол с бычками, литровой бутылкой хорошей водки. Тут бы и уйти но разбудил его, нет ему не плохо просто набоошился вчера хотя согласен что и так бывает когда умираешь и стонешь а мимо комнаты по коридору ходят и не заглянет. Вызов и ёрничество в речи, жестах, мимике, а глаза трезвые, умные, спокойные и цепкие. Хочет — это тренд — казаться глупее, чем есть. Лицо будто топором, распадается на углы, косые сечения, составное жёсткое большое и в нём — маленькие острые глаза — в глубине. Говорил и следил за моей реакцией на каждое своё слово. Обстановка комнаты говорит он тоже выбирает терпеть нищету и пиздец, не приспособливаться к ним

в поддержку телеканала Дождь

Наташа попросила петицию подписать и подписал. Тени отрывков Айвза постоянно возникают в голове. Прекрасная музыка — ни одной лишней среди множества нот и чистого сердца музыка, с чистого листа совершенное строение — и свобода — из первых рук — знакомая и ясная хотя ковыряюсь как в проволоке в ремнях бессильно без ритма но дышаю, как воздух первого на свободе дня, слушаю, как дождь

ФСБшники под видом террористов ухрюгло ворвались в филармонию и очередью холостыми поверх мудрых голов повергли в ужас артистический персонал автоматы покаявшегося за полгода до смерти Калашникова громко плевались ничем

отдыхали у стенки мимо шёл артист и пнул его прощай оружие банку накрыл

День освобождения города. Рядом с общагой, на кладбище, военный мемориал. Проснулся от музыки, спокойно слушал две-три песни, заснул опять. Год или два назад весной не мог терпеть речей и песен, пил дрянное пиво, ходил даже на мемориал, грязный, полупьяный, полубомж, никчемное на горьком празднике Победы существо, смотрел на лица ветеранов. Если есть не фашистское благородство, в их лицах оно было. Подходили деградировавшие потомки позвать им руку или обнять, всюду семьи с детьми, много русских лиц — одетые чисто — раздражённо слонялся курил и у группы ментов насмелился спросить когда всё это гуляние кончится мне не дают спать.

Гена говорит открытие Олимпиады видел по телевизору красиво достойно с его слов

На стенке общежитского сортира гордо, как одинокий утёс, и задрав почему-то одну заднюю ногу, сидит голодный комар...

После вчерашних концертов

где Даша стиснув груди чёрной лентой пела коммерческие песни через спящую

проснулся поздно, заварил растворимый из-под уцелевшего последнего в отсеке крана, сел за накрытой в масляных пятнах газетой стол и слушал

весенний уже хотя февраль сдержанно радостный свист одинокой птицы — благовест удары мучительно колокол — кавказского оттенка русский шансон из машины под окном — уныло долго — трезвучие бесконечных монологов...

На девятом троллейбусе с Красной площади ехал в общагу и смотрел на капли дождя на стекле. Должны поступать без выгоды для себя. Хитрые поступки вторичны. Не жалея себя, наступал Чайковский на скрипучие половицы. Диссонанс...

Ежи с третьей балкой розовой пластмассы не могли держать смешное количество плохих немецких танков... Без презрения к слову... Когда мы вошли в Шверин, город ока-

зался совершенно пустым... Оставлен немцами без боя... Гражданское население уходило на запад вместе с отступающей армией

Город был в огне, и грабежи продолжались... Из окна горящей квартиры выпрыгнула женщина... Пожары продолжались всю ночь... К коменданту города пришли женщина, одетая в траур, и молодая девушка. Лицо, шея, руки девушки... Город Шверин, по свидетельству генерала В.А. Белявского, был...

Потери Красной Армии резко выросли и сравнялись с потерями 1941 года — 23 тысячи человек ежедневно

— Опять! — сказала откуда-то сверху... И все чувства, что стеснились в их душах, вдруг пронизало одно невыразимое чувство разверзшейся перед ними бездны конца, конца всему.

— Этого, брат, упускать нельзя, — бубнил дядя Дух, не глядя на племянника, — шутка сказать, девку какую мало от смерти не спас! Здесь, брат, дело не обойдётся без Улья. Верно, Марина? Выпустим духовных пчёлоч порезвиться?..

— Просто чудо, как хороша! — тряс Ульем Олег.

— Все равно никто не видит, — говорила Люся, ёжась, как от холода, от холода. Потом они тоже стали меркнуть, и пустырь перед окном всё гуще заполнялся тьмою, как и шесть тысяч лет назад.

— Я один из немногих оставшихся в живых представителей гностической традиции старой России, — говорил Бараков, не сводя с господина Швейде своих немигающих глаз, — я с самого детства влюблён в германский гений, особенно в Бёме. Мой отец был аскетом-духовидцем. Немецкий язык был вторым родным языком в нашей семье. Я воспитан на немецкой мистической литературе. И вот теперь я буду иметь счастье работать под руководством такого выдающегося специалиста, как вы, господин Швейде. Я сделаю всё, что вы мне прикажете...

Поняв этот взгляд, как сигнал к действию...

— Скажи мне, с чего всё это началось? Кто создал наш мир?.. — сказала Уля.

— Обыкновенно... — подняла серые сильные глаза Любка-дервиш и сообщила многое...

— А как же мы? Кто нас сотворил такими?

— Где ты вообще была с Утра нашего Бытия? — раздра-

жённо на высохшей серой не на кого кричать и не над кем бегущим горьким словом посмеяться — безуспешно горело в ночном горячем небе смутно, как если кровью луна, так осветило.

К ним подошёл Стахович и прочитал: «Свете тихий святая славы, Бессмертного Отца Небесного, Святого, Блаженного, Иисусе Христе; пришедше на запад солнца, видевши свет вечерний, поем Отца, Сына и Святого Духа, Бога...»

— О! О!.. Нет!.. Господи!.. — Уля заплакала.

— На чувства ты бьёшь, вот что, — сказала Любка.

— Какие слова! Красота!.. Я не могу, не могу больше жить... — шептала Уля смеясь...

— Всенощное бдение! — Стахович, — И, кроме того, я принёс вам правду о том, что жбышное бытие разомкнуто в бесконечность из каждой точки, каждого мгновения, и люди не одиноки во вселенной!.. — больной и сорванный голос Стаховича разросся...

— Доказательства! Кем себя возомнил! — шипела Любка, пытаясь раздавить Стаховича взглядом.

— Если сколько-нибудь можешь верить, то, знаешь, всё возможно верующему, — Стахович.

— Да кем ты себя возомнил! — повторила Любка, тоже вырастая и срываясь на крик, — Ты что же считаешь себя выше всех и лучше думаешь не для тебя законы дисциплина тебе можно делать или что хочешь можно делать и ничего тебе не будет? Подожди, подожди, ещё расставит всех по своим местам и тебя ещё заставит и будешь ещё пресмыкаться будешь и никому, никому не будешь уже нужен если толь-

ко самой последней мрази, — затараторила, исказив лицо, Любка, — если только на тебя и то будет над тобой смеяться и плевать тебе в лицо потому что считал особенный! Вот и увидишь, какой ты особенный!

— Оставьте меня в покое! — сказал Стахович.

— Шчё? — остановилась Любка

Перед визитом к директору начальник концертного отдела Женя смотрит в зеркало, правит что-то неуловимое в причёске, одёргивает пиджак, не тайком, напоказ.

К директору несут (двоём!) прозрачный цилиндр с прорезью для (Гена пошутил, невозмутимым голосом, пожертвований) анкет — кого из артистов вы бы хотели увидеть на нашей сцене? — отвечают: Башмета, Мацуева

в соседней Липецкой области билеты на концерты филармонии в десять раз дороже наших... Украина на пороге гражданской войны, Янукович приказал раздать боевые патроны, но стреляй, не стреляй, всюду клин

Хаос и пиздец такую получим Украину пытались надавить не пустим под Европу но чем кончится никто уже не знает. Но и не презирайте выживших Арутюнянц от усиливающегося презрения Фадеева не раскрылся не прозрел отпал и за гордые твёрдые новые краны теперь они пытаются с меня содрать пятнадцать... ряженные в четырнадцатый прошлого против святых панков семьдесят ещё тридцать и до самого конца жертва — в каждом школьном классе, рабочем коллективе...

С Андреем и Юлей смотрели закрытие Олимпиады. Путин в чёрном пальто излучал злобу, справа от него место пустовало, все боятся его не хотят с ним сидеть. И хотя его поползновения сжимают и губернатор не мог вольно флагом помахать, он выморозил, споркыл одну только часть и в ней криво скалил клык на голый живот медалиста. «Странное, составное нынче время», — сказал на это Лябзясчыков.

Сундук выжбьячился в писателях-клонах, которые выпустили перемешали в столбе вихре с текстами листы — буря

тасует выброс их наяву творимых тиражей — и недавно ещё живой Солженицын был как живой.

Перевернутая деревня над абстрактным экспрессионизмом показывала Россию ровно век назад, перед очередной смертью, в немислимых фальшивых цветах

В каждом взятом аккорде другие скрытые пласты внутренней работы звука — природы дух в незаметном погружении оплетении неслышной жизни сложных и умом неисчерпаемых движений береговых

тихие множество голосов отступают улыбаясь глазами — тайна

как Моцув легко порезал Рахманинова, выпвырнул побочную партию, и, весь несомый атлетом-олимпийцем бык, соскочил бодро с из-за рояля, и ноздри его были как у Достоевского, мощь, оплаканная тем, кого не было среди портретов, отсутствие смысла... Вина и неудача культуры в том что её иконы можно без стыда показывать на церемонии закрытия Олимпиады и прочих социальных трагических бесплодных фальшивых усилиях единства... Камера легко нашла плачущих.

Но Юля с Андреем и близко не собирались уронить слезу.

Синюю деловитым движением вперёд, вниз то есть, в белой шерсти отяжелевшего на диване с пивом Мишки — красивые лица есть ещё красивые лица — мне подавайте человека, требует камера — мы победили — голос природы больше чем одинокий птичий свист — тонущий корабль

Янукович бежал и начинается исход уже Виталины знакомые через него найти работу в Курске переехать, пока ещё не поздно, в Россию. Где Янукович? В Ростове-на-Дону — а в Крыму одиннадцать тысяч русских десантников. Они, войска наши, вошли тихо, спокойно... Виталя говорит на две враждебные среди всех украинских

Таня с Андреем на руках — такая счастливая, что кажется похожей на Янку Дягилеву

началась весна

у крупного свежего лица черты сильно искажены; большие, не человеческого цвета, но близкого к нашим выражения глаза, маленькая рука. Если только внешностью, то, может быть, ребёнок, теперь, знаешь, дети часто искажены

— Нет, никого. — Сказал, как думал, правду. Она вела по лестнице, но начал тяжелеть и отрываться от её руки, вываливаться в шлязовое, для чтобы из него просыпаться, однообразное пространство... выпустил руку, но всё ещё слышал голос, которым она торопясь важное понимая что мы — прощаемся — наконец, её голос перестал быть слышен вдали, и я проснулся в жбыхо — похоже на падение кошки на четыре лапы, уверенно, сразу, мягко и твёрдо проснулся, именно в жбыхо, не какой-то его подголосок

Десять дней до концерта — ничего не готово; ничего не сделано, несмотря на девяти-, десятичасовые занятия, целые просиженные ночи. Вика уверяет, что никаких втихаря десантников Россия на Украину не вводила. Семь человек сели по Болотному делу. Виталин Андрей цепко хватает мой мизинец

показалось он даже внятно сказал «читать» когда я стал вслух «Мойдодыр» о блестящий политический Чуковский сатирик и мистик

митинг лицемерия

«в поддержку Украины» от филармонии добровольно сгоняют претендующих быть начальством в частности Женю флаги КПРФ флаги ЛДПР эти стяги... эти флаги... Здесь так непросто преодолевать праздники

Елена устроила прослушивание... На улицах вдохновенные велосипедисты, всякий раз через маленький бордюрчик выжбяцывающие ужасный скок и гордое приземление, даже если можно съехать ровно, хмель, избыток силы толкает их в полёт... Винцкевич улетел играть в Архангельск... Седьмое марта... Игорь, у которого шестого день рождения, вчера был в хлам и пытался вымотать шланг из белой коробки на вто-

ром этаже, сегодня же вусмерть, рыже-красный, морковный, тяжело, даже руки шершавые, днём еле шёл и казалось краше в гроб кладут но накатил ещё и ещё размяк, просветлел, разгладилась аура, плыл и пританцовывал уже к ночи

Директор выпил со всеми за всё — каждому вчесал, каждого выслушал

Пьянка в малом зале была светла и вдохновенна

Директор заглянул увидел меня: — Так, быстро! В малый зал поздравил женщин и накатил стакан!.. — окна открыты весна оживлённо все улыбаются тост никто не слушает влез на стул посмотрели замерли сказал — ты начало и конец всех моих мыслей и стремлений. Играл для них и попсу под которую пили не вырубил, не поставили на паузу, сделали тихо пока играю слышал её пошлый ритм и тихо торжествующее жужжание.

Два дня до концерта.

Подойти к общаге свистеть и во весь голос звать приятеля который не знаешь в какой комнате живёт орать всей стене короткий вариант его имени... Комары нового сезона опытные летят на сковородку или пытаются укусить в ноготь. Одного поймал двумя пальцами... Пятьсот жбышных деятелей культуры подписали отлиз «украинской позиции» Путина. Позиция выражена туманно — репетиция хора. Моцуев, Бошмет, кого так хотели бы увидеть на нашей сцене. Войска уже ввели, нет ли, никто не хочет знать, у нас одно, тленный вольный мир показывает совсем другое.

За наивное зло — одиночество, за сознательное — пустота, горькая, бессильная, совсем не месть, напротив, милость. Война — будет или нет? Сегодня первый раз серьёзно в разговоре тема будущей войны.

— О Боже! — воскликнула Таня

— Я только что видела... видела... это так... сейчас, вот, только что передо мною выставилось ужасное рыло слепой свиньи, повернулось, подёргиваясь, и хрюкнуло — и всё исчезло...

— Послушай — вот — смотри — комната; вот — стена; дверь; зеркало; никакого свиного нет и не было ничего не хрюкнуло

— Хрюкнуло! Хрюкнуло!

Вот слышен чёткий, словно покромсанный на аккуратные, неестественно быстро через пустые паузки друг за другом следующие, квадратики сдобренного искусственным эхом звука, неприятный визжащий скрип — это невидимые ставни распахнулись и грязно, глухо задребезжало выбитое стекло. Мёртвое вытянутое прочное в редких крючковатых волосках бледное длинное большое, огромное рыло безглазой свиньи вплыло в оконце, вздрагивая, доворачиваясь, выставилось, и тихо, уверенно, хищно хрюкнуло. Я что-то спросил у головы. Ответа не было. Свиная голова в окне расплыться таять и помахивать со всё более высоких и удалённых стрел врачебной власти. Природа, история, всё повторяется, и только липкие надежды, упования личности... не дискурсивен... видение высохло... распахнула ставни горячих ноутбуков и накрыла горячей рукой мышшь: — клик. клик. кликлик

Завтра Крымский референдум

Андрей говорит «если захотим одним ударом Украину вырубим они не сунутся мы вернём себе Крым!!» уверенно выруливая — чисто двигатель урчит и не трепещет

весна: тёплый ветер пьяные парочки — завтра пьянка с Женей, Серёгой, etc.- предвкушение пьянки тревожное, гжыктыктрыс безрадостный, видимо, жалость к телу и нежелание снова проходить через похмелье

Марина из Волгограда в коме, её сбила машина на трассе под Мичуринском и сейчас она в Мичуринске в больнице без сознания. Ветер за окном шумит как уже давно не слышал поднимает раздутые пакеты к небу швыряет пыль — первый раз увидел сегодня в книге снимок из дела последнюю фотографию Хармса

Проснулись у Жени в невменяемом состоянии он сразу в компьютер новости референдум прошёл как надо. Интонацию новостей слышать тошно впрочем

Пошёл в кино на трудно быть богом и меньше трети выдержал пошёл блевать вернулся в зал но недолго смог опять побежал и весь обблевался облился смесью кефира с кофе поплёлся в общагу... Завтра к Свете — позировать для разоблачительного

Аншлюс... Вторжение... Россия оттяпала Крым и сегодня после «Прелюдов» Листа Елена со сцены: «в этот исторический день...» — и точно, в этот блядский исторический день трубы пердели воинственнее, тромбоны трубили патриотичнее, валторны, и те лажали во славу Путина, не просто, как всегда, в обычные, не исторические дни, лажали. Зима вернулась и снегом всё замело не зря вчера ветер

Марина умерла.

3.

По коридору идёт девочка в тёмно-сиреновом платье, несколько шагов, где-то четверть коридора, просто идёт, потом столько же протанцевала, опять шагает, танцует, машинально, невзначай, видно что учится танцевать... Порыв единодушия кадыков и седой щетины... Ещё не в нашем — ежедневном бесчудном — мире, они провожали взглядом что-то, уже недоступное мне; их присутствие в коридоре преобращало реальность, углубляло, всё начинало сиять потайным смыслом и дном, стены раздались шире, некоторые линии перекошились; всё как бы глубоко вдохнуло от присутствия этих клопов. У взрослых сценарий праздника, в который сами не верили, ни один из малышей, ни одна не усомнилась, они видели, верили, забыли, их уволокли домой, к ёлке, у кого если есть.

Все ждали решения до половины первого дня в домике вокруг стола расселись дружно смех спортсмены бодрые голодные шутка за шуткой. Самолёт — «прогретый» — стоял в полной готовности, но не пришлось. Пошёл пешком по шоссе... Лицо большое — видимо, бухает...

Может быть, Екатеринбург кажется вам бесперспективным, и вы не видите в нём пути для самореализации себя? Не думайте, что вам хуже всех. Вот закройте глаза. Не стал закрывать глаз. Нет, вы закройте глаза. Теперь (хотя не моргнув даже) представьте себе что вот — так — всю жизнь! Вы лишены зрения. Как вы будете жить? Буду играть. Играть по слуху. А если вы потеряете руку? Буду играть одной рукой. Отнять сразу обе ей показалось не совсем убедительно. А

если... Думаю, со всем этим сейчас мог бы справиться, подытожил.

Тогда сказала что восемь лет назад её мужа, или отца, нет, наверное, мужа, убили она не хотела жить дальше. Хотелось лечь отвернув голову к стене больше никогда не вставать. Голод не поднял бы меня. Что же поднимало? Надо было кормить детей. Дети, семья, вот что исцеляет. Поезжайте домой, посидите с родителями. Вы любите маму?..

Что я мог ответить?

Выговор мы вам не объявим, назло не объявим, не надейтесь, а лучше после педсовета, тридцать первого, у нас будет небольшой пир, приходите, выпьем, закусим; но я сказал, что хотел бы поехать домой, посидеть с родителями. Потом хотел поехать к Вите снова одолжить у него ботинки в которых два прошлых раза прыгал но поэт выкинул их. Зачем было и возвращать. Тогда позвонил Обезьянову. Забираю его ботинки. Его родители вернулись из Парижа. Отец хвастается: купил редкие книги, трепет советского сердца. Он любит Тэффи. Мать, бедром и локтем к стене, играя пальцами ноги, на них смотрела рассеянно и о Лувре Джиоконде Ковент-Гардене что там у них ещё? Твой анекдот про деревенского парня побывал в Париже две справки для прыжка, из психушки и наркодиспансера. С прошлых были прыжков. Но Лейтенант над ними поиздевался. Нарисовал кошек, мышей. Расписался. Почему у Лейтенанта детский, школьный почерк?

Удалось получить новую справку в наркодиспансере. У прошлой справки номер 42052. У сегодняшней 55590. За прошедшее время успели выдать более тринадцати с половиной тысяч справок. Примерно по 150 справок в день. Зачем столько справок? В психушке справку мне не дали.

Сегодня сдавала романс Аня Спахова, но не поехал — проигнорировал и проспал экзамен своей ученицы, учитывая то, что вчера вечером звонил её тётё Зое и просил лишний раз напомнить Ане мол завтра экзамен и во столько-то; по-

смотрим что мне за это будет (ничего не было, и сдача хорошо). Не пошёл и на репетицию с Якимовой. Спал пока мог изо всех сил спал но рано или поздно сон а затем и дремота кончается и ты не можешь больше спать во всяком случае какое-то время. Четыре. Включил свет и тупо сел глядя на розовые цветы на одеяле горб тёплого белья. Поехал отдал афишу в отдел аспирантуры. Встретил Настю с Катей... Настя вчёрсывала мне но не слышал — потом ходил вокруг консы — зашёл насчёт прыжков но там никого и телефон недоступен подумал не позвать ли в кино их позвонил с автомата Насте. Нет мы сейчас идём на концерт давай с нами. Концерт через полчаса ждал на первом встречаю Обезьянова: жмёт руку спрашивает как движется запись — тут подваливают Настя с Катей бухие. За полчаса надрались Настя коньяком а Катя текилой. У Насти три года совместной жизни с мужем. Катю вижу впервые, хотя сегодня один раз уже видел её — красные жирные ногти, на которые наляпаны ещё белые звёзды. Настя спокойнее; Катю прёт сильнее — она так сама хочет. Садимся в зале. У них бухой ржач. Оглядываются. Многие с одобрением. Гранковская впереди одна. Сухое лицо поворачивает лишь наполовину. Выцветшие красные ряды кресел. Вечер памяти («не памяти») Даутова. (Странная форма концерта: первое отделение на полтора часа и больше — речи, бубнёж, разбитый короткими музыкальными номерами — второе минут на двадцать — сцена из Пуччини в студенческой постановке — под рояль — с дирижёром у сцены по грудь) О Даутове с большой любовью. Одна старушка с большой любовью. Вторая. Потом третья зачитывать его письма — к себе? — одно письмо за другим, ей хлопать, за микрофоном тянуть фиолетовые щупальца, она тихо лаяла, отбивалась пачкой писем. Тем временем Катя горько расхохоталась, а когда высмеялась, заявила, что больше не может, ей нужно в сортир. У неё падали раскатываясь по залу таблетки для заглушить перегар. Старушки оглядывались неистово. Мы протолкали себя на выход. У сор-

тира потягивался вокруг стула Обезьянов в ожидании педагога...

Когда вечером выезжаешь с Химмаша в центр, то после «газель» поворачивает на Щербакова становится виден «Антей», как маленькая красная нитка далеко и далеко, не верится что это даже не конец пути, чуть больше половины дороги домой, в Заречный. А когда проезжаешь аквапарк «Лимпопо» — на окна напротив — отражается — как через эти окна малиновое знамя тащится переливается вспыхивает — или усиленная рябь искр по сгоревшей газете...

Белые часы в учительской. Газеты на столе. Микроволновка с вечно зевающей дверцей. Птица чайник с вespертью колокольчика. Холодильник, хотя его там и нет. Откуда тогда Трубина достаёт сыр и творог? И колбасу режет на столе и с целлофана хавает

Обезьянов скоро пишется на конкурс, играет громко, торопливо, захлёбываясь, его белый свитер по-домашнему чистый, широкие тонкие плечи шатаются под ним выбить из рояля признание в усталости, рук со спины не видно, они в свитере убелились, позволить лицу монотонное внимание, готовность отступить и подождать и выкурить полсигареты, из класса в зал, вертит ноты, советует в танго басы глубже, ритм острее (правильно!), с Леной, моей виолончелисткой, на «вы» — он однажды признался ему нелегко сходиться с людьми.

Рунет озарился фотографий пропуска в VIP-зону на похоронах Алексия. В лондонском отеле повесился топ-менеджер. Потерпел бы ещё неделю. Нет, не мог ждать. Ещё день. Не станет лучше. Пёсик Жуля — тихо скулит и маленькими лапами загребает под столом, упираясь плешью на шее в бечёвку, высовывает голодное по ласке, с мышинными глазами лицо. Я глажу его и ухожу.

Утром на работе. Разваливается. Всё удаляется, предметы, стены. К телефону. Трубина просит заменить в понедельник и вторник с утра до вечера. Мне нравится Ludus Tonalis. Че-

стно и содержательно, ясно, прямо, глубоко. Есть и вespерть, и внутренняя жизнь. Волнения в Греции продолжаютcя... На улице холод, ветер. Жалко бомжей. Тяжёлое для них время. Дыра в земле, две бетонные плиты сверху, из-под них валит пар, всё в тумане, грудой тряпок на плитах спят два бомжа, минус пятнадцать, мы с Обезьяновым плетёмся мимо и лично мне рыло сводит холодом, эти двое спят, если бетон и тёплый, то воздух злее льда, острый и пустой, холодный безумно. Стану бомжом, сразу курс возьму на юг.

Однажды ехал в Тамбове в троллейбусе домой к Лиле. Троллейбус наполовину полон или пуст. Сегодня резко обострились газовые отношения между Россией и Украиной. Рядом со мной стоял мужик лет сорока пяти. Он стоял близко, потом придвинулся ближе, ещё ближе ещё. Его пах к моему бедру. Он был в пыльно-синих шортах. Его член медленно встал, но до конца выпрямиться не мог из-за ткани, так и торчал вниз и вбок. Ждал что будет дальше. Ткнулся членом мне в бедро, прижался совсем близко, весь напрягся, так и стоял, отвернув сухое, загорелое, морщинистое лицо, глядя в сторону, наполовину закрыв глаза. На съезде кинематографистов разгорелся грандиозный скандал. Я смотрел ему в лицо но так и не встретил его взгляда. Лицо его выворачивалось вправо, а хуй торчал налево; он не делал никаких движений и казалось даже дышать перестал. Троллейбус всё более освобождался от людей. Давки уже несколько остановок как не было. Вокруг стояли люди, которым было видно липнущего ко мне чувака и его ноющих член, им это было интересно, противно и безразлично. Один стоял прямо напротив и смотрел на нас. Подарить ему мимолётную радость в троллейбусе. Если моё тело можно так желать что не бояться теперь уже в почти пустом... Ему одиноко? Что чувствует? Молится чтобы никогда не доехали? Проехал уже свою остановку? Я вышел за одну остановку до нужной мне — на прощание похлопал его по плечу. Думаю, достаточно его утешил. Страшно вдруг вышел вслед за мной — нет, не вы-

шел, поехал дальше, а я пошёл спокойно к Лиле. И пока шёл, привычные мысли вытеснили эпизод с педиком. Мне было лет пятнадцать или шестнадцать. Смотрите, какие глаза, говорит хоккейный комментатор, прожигают маску изнутри. Мы отыграли одну шайбу, теперь ничья. Жан Жене пишет: «...он боялся, что однажды кот всё-таки выйдет наружу, унося в себе часть его плоти. Он застыл, уставившись в ночь, сжимая автомат». Сегодня прочитал, знал уже вчера, глядя на то, как из Лисса рвётся кареглазый Быкк. Ритон съел кота — и Лисс не вегетарианец — в кришнаитской брошюре — отмищение за сожранное мясо — другой отрывок видел во сне много лет назад: «...посреди самого смертоносного из побойниц может иметь место такое важное явление, как падение нескольких камешков. Солдат, бегущий в атаку, несёт врагу свою жизнь, существенно ли, что в это время его нога перемещает кучи гальки и щебня?». Завтра у меня сольный концерт.

Сегодня сдавала Алёна Перепёлкина. На обсуждении меня жёстко вынесли, такого ещё никогда не слышал. Авторитет моего диплома в ДШИ номер двенадцать — закончился. Однако этого мало, нужен хотя бы выговор, что-то официальное, агрессия коллеги слишком похожа на любовь, она чувство, лучше будет факт, бумажка в лицо, повешу рядом с вопросами кандидатского по философии. Потом в Белинке слушал Вторую Сонату Шопена как играет Мержанов. Гениально, то есть, совершенно не вторично. И совсем не так, как он при мне её играл, как преподавал. Сильно изменил трактовку с восьмидесятых прошлого века. Смелая, живая, в смятении — запись — как человечно, сколько лажи, какой честный звук! Хорошо что могу им спокойно восхищаться — дальнего любить легче — неужели можно так искренно, содержательно, глубоко и просто играть... Купил значок с Куртом Кобейном, надену завтра на сцену. Сначала с утра на работу. Уже не в силах отменять или переносить. Стирать оде-

жду не стал, пускай в старом, в грязном... Два-один в нашу пользу, продавили финнов.

На стене здания филармонии, если смотреть со стороны улицы Ленина, странная реклама. Надпись «ЕВРОПА АПЛОДИРУЕТ СТОЯ». Не понимаю это особое чувство гордости за то что поставил кого-то в нужную позу. Тон фразы то ли военный, то ли тюремный. Рабская ненависть к Европе. По сальному глянцу от взглядов на эти три слова ясно что половина прочитавших не поняла второго. Крепко задумались над что именно делает. Интересная по форме фраза. Дирижёр испуган, как всякая тварь, хорошо себя знающая, любящая больше всего при свете. Там два дирижёра, Лисс и Энке. Из-под купола филармонии барабаны пустые прожектора. Там Европа тихо аплодирует, в очках и нескладная, как Фауст — после концерта на месте оваций потухающие феромоны — ситуация потеряла социальную остроту, кнут сгнил, гордость острижена. Лисс — Жукк, солёный фрак охитинел на его дряблой спине. Он роняет палочку как старик сначала палочка выпадает из руки мгновение спустя он её роняет. Европа аплодирует одной ладони хлопком — дикий и грустный звук. Снега стало больше. Сложно организованная материя меняет свойства пространства-времени.

Если раскидывать объедки, сыпать крошки, разливать воду, то рано или поздно произойдёт что? Правильно, заведутся тараканы. Ёжиков постоянно насвистывал темы фуг из Хорошо Темперированного Клавира, расшвыривал по дому ноты Гольдберг-вариаций, сюит, Партит, слушал Высокую Мессу. Я предупреждал его, что так нельзя, заведутся бахи, но придурак не верил. Через месяц появились первые башки. Мы пили с Ёжиковым пиво. Он в сортир отлить. Истошный вопль. С расстёгнутой ширинкой выбежал, перекошенное рыло, в ужасе. — Там ползает... Маленький гномик!! — Дурак, говорю, это башик, ты же наверное книгу Швейцера в сортире забыл и вообще постоянно свистишь темы фуг а я говорил а ты не слушал вот они и завелись. Схватил дихло-

фос. Набрызгал, навонял... В сортир невозможно стало зайти... Бахи, что тараканы, любят темноту, но живут не к еде, а там, где ноты и книги. У Ёжикова книги перемещались в сортир и выстраивались в сырую, вонючую библиотеку. Тараканы у него, кстати, тоже были. Бахи с тараканами неплохо ладят. Бахи вообще тихие, но иногда нет-нет да и устроят хоровой концерт. У них очень странные голоса. Музыка у них тоже необычная. А вода в их присутствии становится откровенно синей. Постепенно Ёжиков свыкся со своими бахами. Одного поймал в банку, разглядывал, потом отпустил. Ёжиковские бахи были жирные, чёрные, одеты неряшливо, но в аккуратных париках. Музицировали редко: один концерт в четыре часа ночи Яша записал на диктофон и прокрутил мне. Похоже на раннего Мумумблу, но меньше трагедии, меньше тьмы. Весёлый музыкальный апокалипсис гномиков...

Семьдесят лет лишения свободы на семерых. Убийства под музыку на видео. Приговор выслушали спокойно. По словам Путина, банковская система помощь получила своевременно и в нужном размере. В Буша запустили ботинком. Буш увернулся. Недалеко от сердца для пиццы есть упакованная тонко пластинка-дыра. Десятилетие университетской моды. Встал оделся пошёл. Ещё не проснулся уже вместо сна смотришь в окно маршрутки. Две ручки закончились у тебя в руке. У торгового центра встали на светофор. Пробираться к выходу, истошно слабо: остановите здесь! Они не любят, когда «здесь». В салоне наклейка с надписью «остановка где-то здесь будет где-то там». Выполз, схватился левой рукой за деревце, правой за какой-то столб или знак, нагнулся и сблевал кровью на снег. Красиво, как рябина. Хотелось сидеть, но было некуда, стоял на остановке, пока не пришёл следующий. На работу не опоздал и даже успел сделать кофе три в одном. Отдавал уроки, любуясь как медленно темнеет и падает снег в окне, за окном... Девица-карлик смотрит вдаль и хакает то ли чипсы, то ли воздушную кукурузу из голубого

пакетика. Её взгляд на чём-то далёком и постоянном... Американский флаг во весь экран...

Событие происходит полифонически, в нескольких вариантах, возможно несовместимых холодному уму, однако равно истинных. Молния бьёт по высокому дереву. На улице, узкой, вечно в ларьках и пробках, сейчас манящей, тогда же постылой, он... Совсем низко, на высоте десяти этажей, кислая мокрая дымка летит стремительно, облака стоят по сравнению на месте с ней... в каждую клавишу всем весом руки — это русская школа, неуместная к пластмассе... старик в переходе около вокзала ночью играл на маленьком детском синтезаторе сонату Бетховена... Рот приоткрыт, большое, но высохшее лицо, шляпа, прислонился согнувшись к стене выразительно в профиль издалека, ему сунули десятку — он зажал меж двух пальцев левой руки, не только правой не переставая играть, но и левой удерживая пару нот. Ещё на девятьсот пятого знаю один всегда сидит вытянув ноги, как еловые лапы, в валенках, меж ног шапка, деньги не убирает, иногда лежит уже много, за край шапки выбирается, подрагивает зима метро всегда сквозняки, валится по ту сторону, он смотрит спокойно. Я сижу здесь не ради денег. Я часть мира на своём месте.

Высокая температура — люблю этот кайф — не только замедляет время, но становятся обыденные вещи значительными, приятно курить сигарету, приятно читать. На работу забил опять. Просто позвонил и сказал я не приду. Дочитал «Частицы». Жалко Аннабель. История переползает дату издания. Боюсь, варианты будущего — территория полифонической пурги. Любая гласная вместо законных, чтобы волковать слово и перенести в пургу. Потом оно читается наоборот. Не только поэта — далеко заводит речь. Размером с собаку; живёт в ящике с опилками, чрезвычайно неприсохливо к еде и способно сочинять гениальную музыку. В помощь исписавшимся композиторам (жалко исписавшихся композиторов...) — так, Сальери держал в подвале Бахюкюи,

показывал его музыку Моцарту. Гнилой гнозис завода полифонической пурги имени Лейтенанта Лябжясычкова. Странная выходит лестница. Вершина фактически в прошлом. Составная гора. Климатический пояс. Ты — мой снег. Превыше облаков, из которых обычно и падает снег — вниз. Чистый — вечный... День начинался с молодёжных волнений в Греции...

Греческий закон запрещает ментам без постановления суда проводить операции на территории высших учебных заведений... Столкновения, студенческие волнения... Хочу к ним — с ними вместе — бунтовать и писать на стенах — «здравый смысл — вот та рана, что ближе всего к солнцу» — пусть это случится здесь.

Спала, долго кивнула головой в пухлую грязно-розовую куртку. Словно рядом — ржавая крестовина, перепутанные нити, лесы к маленьким рукам, птичьей голове, коленям. Помахал десяткой перед крепостной стеной и грязным рвом (и швом) сальной шапки. Сторожевой участок, если и бодрствовал, остальную решил не тревожить.

Другой полжизни обсасывает ими брошенное мимоходом. Берроуз похож на Моцарта глубиной второстепенных мыслей. Ветер выбивает из света тепло. Умер Алексей, Патриарх Московский и Всея Руси. Не пошёл на работу. Встал — и опять лёг. Проснулся в четыре, уже темнело. Позвонил Перепёлкиной, мол, вечером приди, в шесть. Поехал на Химмаш. Позанимались минут двадцать. Через час завуч пришла. Прогул, неуважение. Я молча втыкал на её кофту, точь-в-точь цвета обоев в этом классе, совершенное совпадение. Похудела, как и я. Наконец, я сказал, что не вижу смысла. Она убежала, хлопнув дверь. Провода, серый туман, красная машина. Символично. Когда-то видел урывками.

Как ты далеко. Будто тебя совсем нет. Далеко.

Запах больницы. Мой почерк уверенный, писать удобно. Преображение плывущего мира на наклонившейся есть пластинке голубой звезды золотого мира плывёт звук плыву

прибавление заметно с утра растворил кольцо жду мира гнётся трепещет рассчитано. Пластинка выбран круг для формы паутина пыль там где хожу каждый день высыпаю скапливается расходовать обновляю отсрочиваю сгущаю пластину в плеть. Пьяный заснул на скамейке. Пытался жрать батон запивая минералкой и выbleвал и заснул. Половину батона выронил на землю. Сначала было три всего голубя, жадно и всё-таки спокойно клевали, потом слетаться другие, всё больше, клевали друг друга, кусок хлеба подпрыгивать, мотаться, отрывали клочья, потом швыряли, наконец закрыли его серыми спинами совсем.

Одна из трёх обязательно пожалуется на то, что учителя снова нет (это я-то — учитель!). Кроме того, третья девочка завтра сдаёт экзамен. Не послушать её сегодня — преступление. Эта третья девочка — в час. По-хорошему на неё надо вставать в одиннадцать. Уже без десяти одиннадцать, так что всё начинается заново, пока вместо десятиминутной дрёмы не погружаюсь в глубокий, сытный сон на час. Третья девочка ещё не окончательно потеряна, если встать и бежать, без сортира. Но после того, как удалось заснуть (ночью не получилось), без сортира уходить уже совсем не хочется. Плюю на третью девочку, иду на четвёртого мальчика — но и к нему опаздываю на полчаса.

За это, конечно, могут и уволить, учитывая, что это вытворяется уже месяц с лишним, но вот что из этого выходит. Первая девочка спокойно приходит вечером. Вторая не приходит вообще. Третья обижена, всё же находит меня днём, и я, как говорится, отдаю ей урок. А мальчик не в обиде, и вообще им завтра сдавать, заниматься уже поздно, так, прослушать и дать указания. Мне сходит с рук пока что. Жалуются дети вахтёршам обычно. Вахтёрши передают мне, ещё не завучу. Завуча вообще не видно с тех пор как с хрустом прошёл её пятидесятилетний юбилей.

Видел старика, выходя из дома, проходя двор, подходя к арке, старик в бежевой шляпе, широком сером пальто, тон-

кая деревянная тросточка перехвачена хилыми кольцами рыжей проволоки, жёваное сухое лицо, в складках, как крошки, дух, светлые слезящиеся глаза, тяжело дышит и ступает ровно, уверенно. Потом старушку. Обгонял её недалеко к школе уже на Химмаше, сгорбленную, маленькую, большие круглые очки в оправе полупрозрачной пластмассы, бормочет что-то себе, проходя мимо слышу как шепчет «чёрт возьми, чёрт возьми», смотрит под ноги — лёд и грязь весело хрустят. Скажите своему сыну, чтобы не разматывал слюни по стеклу. Когда в военкомате, на призывной комиссии, зашёл в кабинет окулиста, там были две женщины, постарше и помоложе, и та, что постарше, спросила меня: вы лейтенант? Таким образом, самое жбыхо утвердило мою мистическую связь с Лейтенантом Лябжясчыковым. Он — Лябжясчыков — вступил с бытием в ускользящий поединок. Цепкими бусами похмельного взгляда выискивая насекомых, он внимательно следил за...

Привокзальная гостиница так же прекрасна, как уже чуть больше года назад, хотя затянута в колоссальный холст рекламного плаката, но часы горят, и это мерное, серое холодное движение кругом и улица, кажется Либкнехта, уводящая к центру, к храму...

Лоджия и шум, там дальше снег, и я не выше, пятнадцать этажей над головой, раньше не думал. Ветер не воет, не течёт, он шумит. Снега пока немного. Я весь день цеплялся за этот сон, пока он совсем не потерял силу.

Майский снег бушует за окном — валит яростно — даже подпрыгивает на мокром асфальте — крупными кусками без всякого строя — то разрежённый, то вдруг сгущаясь — нагнетая — ломится в асфальт — бесполезно — тает — ещё не ночь — белый на фоне кирпичной стены — красной и покрашенной в красный — и белый на белой стене — реже и мельче и суше — реже идёт — успокаивается — угасает — перестает — останавливается — кончается — перестал —

небо светлее тотчас — из мокрого подоконника вывертелся шуруп — шатаясь идут часы на стене — из сумки наручные вторят — холодильник забормотал — везде счёт и движение — алгоритмы — в шкафу сотни видеокассет — старые VHS — два фильма на кассете — беру серый карандаш — кладу поверх очков — прижимая лбом — спускаюсь вниз, захожу к начальству — поднимаюсь вверх, захожу в учительскую — завожу разговоры на разные темы — все смотрят на карандаш с испугом — но все молчат — как если бы шрам — так смотрят на психов — он начал сходиться с ума — первым (не первым!) признаком карандаш меж очками лбом — я тоже заметила — нет, не потяну — не приписывай мне власти над своей судьбой — молился на свободу — только будто впервые тогда с нею встретился наяву — четыре незабываемых дня — всё сошлось в одну точку — даже принуждение к миру — две собаки кружатся в танце — во дворе закрытой школы — кризис — заброшенной — дышит ровно — глажу — ей хорошо — почему прикосновение приятно — ритуал это просьба — мы ощутили ответ — сполна — белая голова — оранжевая гавайская рубашка — в кинотеатрах победившей страны — Мальцева настороже — кошка никогда не боится, кошка всегда на палеве — так и Мальцева — на палеве — вытянутая — когда мы услышим вашу выпускницу? — отдых из вечера в вечер — не так уж быстро к хорошему привыкаешь — особенно после плохого — сухая горечь пробуждения

Лётный клуб закрыт до февраля точно, там как видно будет, возможно кризис и по ним ударил. В июле полное солнечное затмение в Индии, Китае. Плачут о погоде, ждут облаков и дождей. Шансы на чистое небо в Китае выше.

Ультимативный приказ в числе прочих до пятнадцатого января сдать с нужными печатями санитарную книжку, или увидеть себя не допущенным до работы. С августа тянул с дерматовенерологом. Мало кайфа в пластмассовую белую стрелку суют глубоко в залупу. Читаю Астафьева. Пюшпожл-

дрбт и волк-машина в русской литературе (в Русской Литературе) всплывает редко (но метко). Птица той правды, что враг русскому сердцу, она не всегда обходит русским сердцем сбитые строки стороной. Дамкино «гай — ююю — гав!». (Мой сосед Рабинович три раза в день жрёт, присмотритесь к нему.)

В консу сегодня зашёл вечером. Шёл по коридору третьего этажа. За мной — увязалась — маленькая девочка. Шла в метре у меня за спиной и сама с собой вслух говорила о каком-то сундуке. «И потом стали пропадать. Зачем ты всё рассказываешь про сундук? Давай не говори больше о нём! А о чём рассказывать? Давай лучше о том, как дяди с тётями поют! А о сундуке больше не говори!» Коридор кончился лестницей, неужели дальше пойдёт, вдруг она мне: дядя, а вы куда идёте? Обернулся: не знаю, а как ты думаешь? Она: «Здесь был сундук. В него нельзя заглядывать. Если кто заглянул, то потом люди стали пропадать!» Сказал, что не заглядывал в сундук, а ты? Сказала, что тоже нет, потому что сейчас его закрыли и связали. (Надолго ли?) Ей года четыре, чёрные волосы под горшок, блестящие глаза. Я пошёл по лестнице вниз, а она побежала обратно по коридору.

К Земле приближается комета Лулинь. Она коснётся нас хвостом. Кода синей изрезанной книжки про летающие тарелки. Чернобыль — польнь. Откровение рядом. Если автор этой коды жив... Объявление — аванс за февраль не будет выплачиваться по причине отсутствия финансирования. На «Взрыве» Баранёя в стеклянном кубе под «Strangers in the night» Синатры вился, ломался, выгибался, метался, дёргался человек, корчился, как червь под амфетамином. Лейтенант познакомил меня с бомжом по имени Лев. Повёл, утешая, хватит мне и одной работы, ругая, что потерял влияние на Обезьянова, упустил его, профукал.

Бомж сидел около лестницы у входа в Пиццу Миа, которую, кстати, Обезьянов упорно называл Сандэем. Он выста-

вил руку с из кофейного автомата пластмассовой чашкой, локоть на колено, зажмурился. Лейтенант подвёл тихо — смотри, как сидит. Не глубоко бездомный, руки свежие, борода блестит. Правда, одежда в жестоком пиздеце. Запах твёрдый, постоянный, настоящий дух бомжа. Лейтенант вынимал из кружки монеты по одной, Лев пошевелился, открыл глаза. Кивнул. Что там осталось, сказал бомж, на что там смотреть. Потом, в духе, сказал Лейтенант. Пускай посмотрит в теле, сказал бомж. Они вроде как спектакль разыгрывали передо мной с разговорами о теле и духе. У Лейтенанта маска под маской, у него и Двадцать Восьмое — день маски. Актёр слабый, но, будь он человеком, уверен, профессионально полифонической пургой. Себе выбрал маску, другим навязывал маятник. Мы впаривали Риму зверей. Обезьянова преследует собственный хвост. Я не изучал латынь. На улице холодно. Ко мне домой нельзя. Я ночевать не останусь, обещаю. У него есть лоджия, можно посидеть на лоджии, чтобы, Лёвушка, вся квартира не провоняла.

В консерватории конкурс юных вокалистов, по коридорам ходят группы тяжёлых вчесьывающих взрослых, и среди них, из глубины, из середины свиты зрелых тел на тебя тихим светом живые глаза. Попёрли меня из класса, поплёлся вниз, в холле увидел Женю, мимо пронесли пылесос, завтра она летит в Москву с оркестром, назад поездом, ждёт Диму, ждёт его долго, даже не один час, сидит одетая внизу, говорит, что её к нему не тянет, не хочет серьёзных отношений, он звонит ей по двадцать раз в день, пишет эсэмэски, как он соскучился, в четыре утра согласился отвезти её на машине в аэропорт, сказал, для меня неважно, в четыре там или когда, есть ещё другой, этому тридцать, а Диме двадцать четыре, разница потрясающая... Эсэмэски Димы все в смайликах и он заканчивает вопросом — не могу же я не ответить на эсэмэску, которая кончается вопросительным знаком? Ему важно, что я чувствую. А у того Мерседес. Я спросила сколько он стоит. Полтора миллиона. Многие девушки уже из-за этого стали

бы встречаться с ним. А меня не тянет, и всё. И к Диме тоже. Но не хочу терять его как друга. С тем, тридцатилетним, всё понятно, ему нужна жена. Я не готова к этому. К тому же он говорит: я никому не доверяю. Говорит: у меня нет друзей, зачем они? У меня есть хорошие приятели. Но мне они не друзья. А Дима, у него рост — два метра восемь сантиметров — он говорит, я большой ребёнок — он правда как ребёнок — я нужна ему больше, чем он нужен мне

Но ждёт его час и больше в холле консы, одетая, куртка застёгнута, пьёт кофе, говорит что устала и если честно хотела просто поехать домой и лечь спать а то завтра работа потом на день рожденья в кафе «Гавана» дальше поспать не выйдет летим в Москву, в шесть утра прилетаем, в час концерт, передам от тебя привет Саше Лунегову. Кто-то сдаёт ключ от класса, подхватываю, иду наверх, навстречу тётки, мы ищем класс, какой-нибудь, вам разве не выделяют, дайте нам позаниматься, у меня сольный концерт, когда, через месяц, а у нас завтра конкурс. Девочка, у которой, собственно, конкурс, молчит и смотрит из центра хитро, с интересом, сочувствием, я говорю: у вас есть монетка? Давайте монетку бросим? Тётка в пуховике долго роется в левом кармане, достаёт монетку — пятьдесят копеек, протягивает мне. Брошу на пол, чтобы честно и все видели; орёл — то есть этот солдат с копьём — я остаюсь заниматься, решка — класс ващ, согласны? Они согласны. Девочка улыбается, свита серьёзно следит за исходом дела, кидаю монетку; решка. Ухожу, занимайтесь, монетку сохраните, удачу принесёт, всё-таки конкурс. В коридоре чувиха говорит: что, добрая душа? Я говорю что у меня может быть и совсем нет души. Такого не может быть! — с неожиданной тёплой в голосе нотой...

Фильм хороший. Об одиночестве, любви к жизни. Особенно хорошо, где он старик, а она девочка. Начался в девять, он шёл долго, хотя и незаметно, те человек двадцать или тридцать, что смотрели фильм, смотрели с кайфом, смеялись, там, где Баттон говорит, что людей разных наций,

возрастов, убеждений, характеров и т.п. объединяло одно — каждый вечер они нажирались, и там, где после борделя он говорит: я понял смысл зарабатывать деньги, и там где в чувака семь раз попадала молния. Мне понравилось как ночью в отеле, волшебное место, мышь бежит — и вдруг замирает. Я настоял на своём, не хотел пускать их домой. Сегодня бомж, завтра пара сантехников (тех, которые Жзваннрнавзж и Шсфорннрофсш), к тому же мне на работу хотя и не рано с утра

Лев уже встал и принюхивался, собираясь идти, не ко мне, так куда-нибудь, просто, пройтись. Мобильник у него в руке лишился рассудка. Он показал мне текст. Я же сказал, не знаю латыни. Ты лучше проведай своего друга Олега Обезьянова, ты теряешь с ним всякий контакт, а ведь у него в жизни скоро случится важное событие. Мобильник снова заверещал. Доставлено, сказал бомж. Всё начиналось с амфетаминов для оргий на Палатинском холме. Потом к этому прибавился легендарный Косяг, гашиш из трансгенной конопли, но ненадолго, сам знаешь, что начинается на заводе, когда Косяг попадает в жбыхо. Тоже мне жбыхо, какие были христиане! Помнишь, Гордиану третьему. Лейтенант мечтательно замычал. Я жестом попросил передать мне мысленный образ, чтобы понять, о чём идёт речь. Я увидел зверя. Огромного, безразличного, безжалостного. Маленькие глаза на тяжёлой голове. Широкая пасть и гнилой, навязчивый запах старости, почти человеческий. Что это было, спросил я Лейтенанта. Гишпопотамбдт, ответил Лейтенант; немногие из духовидцев, повстречавшие эту погань, вернулись в реальность, дабы поведать нам об этом. Верх путей, вслух сказал бомж, который, очевидно, не только уловил обмен мыслями между нами, но и сознал всё его содержание. Но это не лев, сказал я. Амата хочешь увидеть? Этим не занимались, обыкновенные львы, слегка модифицировал... И то лишь для того чтобы сделать много, их нужно было много и дешевле, вот и всё. Их гнали, как евреев на Понары. Предание хищникам

теряло сакральный смысл. Жить продолжали ещё его члены, залитые кровью, хоть и на теле уже не было тела нигде. И целуй меня везде, восемнадцать мне уже. Это был удар по африканской фауне, захныкал Лейтенант, а ты же знаешь, Яша, как я люблю Африку! Ведь это колыбель человечества! Розово-чёрный континент! Не дают боги дождя, сказал бож, пойдём на христиан. Бож мёрз. Температура воздуха, как это часто случается в Екатеринбурге, за пару часов упала на десять градусов. Я возвращусь в землю посредством зубов и клыков диких животных, чтобы стать чистым хлебом.

Комета Лулинь из созвездия Льва направляется в Девы. Уже сейчас её можно увидеть не только в слабый бинокль, но и невооружённым глазом, над горизонтом, перед рассветом, в европейской части России. Влево двадцать пять, вперёд пятьдесят, огонь на поражение, приём. Можем оставить его и забрать на обратном пути, если он будет жив. Через пару часов вода будет. Я уже распорядился. Вы мне как сын, Джон. Вы отлично себя проявили, и я прослежу, чтобы вы получили всё.

Лулинь в созвездии льва. Достигла пятой звёздной величины. Её видно над горизонтом без бинокля — маленькая зелёная точка. Идёт «Тонкая красная линия» по ОРГ. Прекрасный фильм после дня защитника отечества. На работе мне подарили шампунь. Я написал заявление: прошу отчислить меня из аспирантуры по собственному желанию. Нужно уйти. Пора уходить. Написал заявление. Датировал его десятым марта. Чтобы сыграть прощальный концерт. На улице весна. Ты снилась мне вчера. Сегодня 25 февраля. Среда. На улице сплошная весна. От взгляда на сухой асфальт сердце сжимается радостно. Девушки все красивые. Но я одну тебя люблю. Ездил в Челябинск автостопом. Увезли стиральную машину. Во сне мы держались за руки, я был счастлив. Мне и наяву хорошо, потому что я свободен. Меня подвозили мужики в «Камазах». Много слушали Высоцкого. Был бы ты умнее, говорит Шон Пенн, думал бы о себе, а не о других.

Высоцкий. Много цвета, слишком прибавил яркость позавчера. Воспоминания о любви. Мы с тобой одно существо. Течём вместе, как вода. Не отличить, где ты, где я. Теперь опять холодная зелёная трава. Кометы, это видимое ничто. Ты мой свет, путеводная звезда...

Ёжиков, под аккомпанемент холода, вони, нестерпимых звуков, слюнотечения и тяжести, дышал, потом встал, сунув ноги в мокрые тапки, доплёлся к окну, взял с подоконника набор линеек и циркуль, перенёс и положил их на стол. Он снял прозрачную, запылившую себя, с трещиной, едва ощутимо пахнущую потом и мокрым стеклом, лёгкую пластмассовую крышечку, поколупал её ногтем большого пальца левой руки, отложил в сторону и прислушался. Сверху доносилась "тихая ночь", слева — шаги, откуда-то — сморкание, плеск воды, позвякивание ложечки о стенки чашки, скрип и стук двери, шарканье, свист, приглушённые голоса, смех, ржач, хохот, хихиканье, скрипы кроватей, гогочущий и влаивающий смех, ёрзанье, гнилой смех, наркоманский смех, бухой ржач, скороговорка с подсмеиваньем, женский кашель, мужское покашливанье, стук в соседние двери, и ведро смеха, смехи без конца. Ёжиков сожбяцыл то напряжение духа, которое требовалось ему, чтобы вынести это. За окном пролетел военный вертолёт. Ёжиков подвинул коробочку с циркулем ближе краю стола, подцепил и вытащил циркуль. Свежий, только чистым металлом пахнущий, едва ощутимо солёный на вкус, циркуль тепло заблестел в электрическом свете сразу в оба глаза Ёжикову. Ёжиков широко развёл ножки циркуля, затем вновь их свёл и отложил циркуль налево. Сама эта хренотень за что держать и чресла циркуля были мягкого беззащитного аквамаринового цвета пластмассовые. Этот цвет мостил интересный интервал к имитирующей дерево поверхности стола... Поколупав немного ногтем поркое рыло, Ёжиков заметил, что три маленьких металлических колёсика, жбяцывшие себя на крохотных

винтиках, удерживающие и прижимавшие к собственно крепким ногам циркуля более мелкие, вроде голеностопов и щиколоток, части ног, были другого металла, другого цвета, чем остальное металлическое в циркуле. Заинтересовавшись этими маленькими колёсиками, Яков Ёжиков снова взял в руки циркуль и ближе поднёс его к лицу, рассматривая маленькие колёсики, которые были ещё и гачки, навинчиваясь на совсем уже крохотные овцы винтики. Ёжиков крикнул, затем большим и безымянным пальцами правой руки на половину оборота ослабил то колёсико, что наvertелось на винтик пронзивший более короткую и, как показалось Ёжинову, левую ножку циркуля. Колёсико повернулось легко, и сразу стала шататься и подёргиваться удерживаемая им деталька, на одном конце завершающая себя острой иглою, на другом же несущая нечто вроде пинцета, в который, вероятно, полагалось зажимать посредством другого колёсика с винтиком кусок серого грифеля, находящийся, возможно, в малюсенькой чёрной цилиндрической пластмассовой коробочке или футлярчике. Бросив вольный взгляд на этот футлярчик, Ёжиков решил, что займётся им позднее, и вернулся к первоначально затронутому им колёсику. Ёжиков ещё на пару оборотов ослабил колёсико, что дало ему новую возможность свободно поворачивать удерживаемую колёсиком деталь, и повернул этот голеностоп таким образом, что левая нога циркуля заканчивалась теперь не иглой, но подобием пинцета. Удовлетворённо хмыкнув, даже чуть приподхрюкнув, Ёжиков туго завертел колёсико, зафиксировав до полной неподвижности подобную голеностопу деталь, и ласково погладил острым выступом мягкой подушечки среднего пальца правой руки те маленькие зубчики, которыми было покрыто колёсико. Два другие колёсика, отметил не без лёгкого содрогания Ёжиков, также были с крошечными зубчиками. Отодвинув от глаз циркуль, Ёжиков удивился, насколько теперь, с пинцетом на месте иглы, циркуль выглядел дисгармонично, надорванно, инвалиду войны подобно, одушев-

лѣнно, динамично, напряжѣнно, драматично, нервно, выразительно, неуклюже. Два шурупчика, что удерживали металлические ноги в пластмассовых чреслах, будто два глаза, так и вытаращились на Ёжикова; покачав головой, Яков вернулся к колѣсику. Более тѣплого, матового металла, чем нога, колѣсико не сверкало резко, а спокойно поблѣскивало, будто маленькое уютное закатное осеннее солнышко. Колѣсико спокойно и прочно держалось на винтике. Ёжиков прислушался. За несколько минут стало как будто тише, но он знал, что тишина эта обманчива и в любой момент может взорваться очередным каскадом дух выматывающих, бессмысленных, неумолимых звуков, поэтому Ёжиков, сохраняя ухмылку на лице, сидел спокойно.

Вряд ли тихий сойдѣт на стол с пинцетами дух. Скорее запри комнату и уезжай не заходя в чужие крылья, этажи высокие не посещай, торопись. Повстречаться с тем, что в тебя заложили глубоко, глубоко, вот что тебе должно сейчас стремиться осуществить; это и далѣкое прошлое, и вообще глубины сознания, где долго мѣртвый штгиль и одна и та же температура, для которых всё твоѣ бытiе лишь один тюремный срок. Неуклюжие с технической точки зрения первые попытки приоткрыть изнанку разума дали Ёжикову лишь отсечение никуда не годных путей, которыми ходили жбышные. В каждом своём стоящем хотя бы чего-то дне Ёжиков предвечно встречает своего Лейтенанта. Возвращение к моменту встречи это встреча в гораздо большей степени за счёт зрелости понимания.

Листья проносятся над головой похожие на обожжѣнную скатерть. Небо и облака сохранили цвет и всё что ниже горизонта стало серым. Берёзы движутся падающие струи белого шампуня. Фонарики синеватого цвета. Одинокое печальное дерево. Слышен шум от падающей воды. Впереди плотина. Одинокими выкриками тьявал белѣсый поркый пѣс. Машины покрыты слоем пыли, но блестели ярко. Два ларька со множеством мелких освещѣнных деталей которые мutilи

зрение Ёжикова усиленное линзами приблизились осветили всё ярко и как всё предыдущее потерялись позади.

Руки Ёжикова облепили комары. Он стал их сдвигать но они обнимали его мокрую кожу изо всех сил. Всюду мелькали непонятные огоньки. Комары яростно цеплялись в руки Ёжикова. Слева громоздились кучи земли и мусора выковырнутые кем-то прямо из середины поля. Лаяли псы. Девушка в красном коротком платьице подошла к ларьку со шторами рубинового цвета. За столом сидел светловолосый толстый парень в оранжевой рубашке и тянул светлое пиво из литрового стакана. На рекламном плакате девушка с растрёпанной причёской в белом оскалив зубы возносилась над пригнувшимся парнем одетым пчелою. Справа лежала одинокая пустая крышка. Слева стояла белая плита с полумесяцем, вокруг валялась сирень. Небо стало совсем тёмным, наступила ночь. Ёжиков вдыхал запах пыли бензина воды листвы мочи резины. Мелкие камешки на обочине не решались перейти дорогу. Ёжиков выехал на главную улицу города. Он проехал мимо высохшего сбитого голубя. Он свернул налево и поехал в сторону реки по узкой улице освещённой лишь рекламой. Мимо спиленных деревьев. Мимо девушки с короткой причёской.

Лябжасчыков подвёл Ёжикова к столу. Профессора перебирали тараканов. Профессор Ковшыгин сожрал таракана. Профессор Койлов пытался остановить профессора Ковшыгина. Профессор Ковшыгин радостно отталкивал руками профессора Койлова и тянулся за очередным тараканом. Лейтенант разозлился и рявкнул на профессоров, а Ёжиков тьякнул. "Определяйте их, а не жрите, Константин Викторович". Это сказал Лябжасчыков, а Константин Викторович хмуро пожал разновысокими плечами. Ковшыгин был жирный и сальный, а Койлов неопределённого вида, хотя, конечно, худой. Одеты оба профессора были из рук вон плохо, как и все профессора завода пурги. Койлов взял таракана и

поднёс ближе глазам. "Это турукун, как вам кажется?" — сказал Койлов. "Да, это турукун" — согласился Ковшыгин.

— а это торокон. — сказал опять Койлов. — нет, это тэрэкэн. — да что вы! Он вон какой весь круглый! — да, и плоский. Тэрэкэн типичный. — это я его так держу, вот, смотрите, так видно? Торокон. — ну, может быть... ладно, пусть будет торокон.

"Что это за попожадрбдт?" — подумал Ёжиков и посмотрел очень вопросительно на Лябжясчыкова. Лябжясчыков иронично ощерил клычки, но ничего не сказал. — смотрите, тырыкын! — а вот и тэрэкэн. — это уже точно тэрэкэн. А это, кажется, тюрюкюн? — нет, это турукун, просто он старый. — ладно, турукун так турукун, пусть, хрен с ним, будет турукун. — тёрёкёнъ. — однозначно. — торокон? — да, наверное, торокон. Ещё один тырыкын. Сегодня их как-то много, тырыкынов. Может, двух возьмём?

— Куда? — сказал Ёжиков. — куда вы их берёте? К себе в класс? Это же тараканы! — Ёжиков дёрнулся и мотнул башкой и уронил к себе на очки каплю пота откуда-то с волос. — Ни одного таракана! — вскричал Койлов. — Уже много дней — ни одного! — товарищ лейтенант!..

Глоссолалия Лябжясчыкова, его ферма по выращиванию Бахокюи, его свиньи, львы, непонятные махинации с банкоматами и криптовалютой, всё это бесило высший командный (офецерский) состав Завода Полифонической Пурги. Элемент клоунады в поведении Лябжясчыкова нарастал, тогда как сознания офицеров отрезвлялись всё более и более. Отец взвесил офицерский дух. Оказалось преобладающим белое. Рухнула мышь. Симпатичная, оценил и обмотал терновую гирлянду. Но козыри оставались. Оставались на этом раненом столе.

Если говорить о фильме "Стиляги", то в первый раз я смотрел его в Екатеринбурге, в кинотеатре "Колизей". Тогда я только что вернулся с аэродрома, куда зря мотался, из-за облаков и снега прыжков все равно не было. В сумке — бу-

тылка виски. Её мне Лена Якимова подогнала. К началу фильма опоздал, сел в первый после прохода ряд, слева, соседей нет, в зале ещё человек пятнадцать. Думал, нажираться или нет. Вечером все равно уезжать. Надо было только зайти к Обезьянову, отдать сапоги. Решил пить. Первый глоток вспоминается с отвращением. Цвета было много, как в жизни почти нигде. Новость про необходимую жертву съёмок явилась лишь сегодня свету. Как стилиста оделся на новогоднее телеобращение наш президент.

Конечно, они торчали и на войне. Неявное, после чего всякий становится наш и всё принимаешь. Два распухших ужаса на пути ребёнка, который освоил только кривой шаг, без быстрее там выше или сильнее. Этот бэби адекватен пропорциям толстяка трагической и таинственной судьбы, получившего перед мученическим венцом воинское звание. Есть сокровище перед кумачовым поездом, тёмного зала глотающего без продыху тусклый свет пустоты помимо диалогов и в этой безмысленной, всецело разговорной атмосфере деревенский крикун усаживается вусмерть до прихода свежих отобилизованных и в бой с кем угодно готовых жлобов и алкашей. Главное он уже знает и готов стать стволом за которым слушает вся бесконечная квартира. Неспешный он убедителен. Выпинав неизвестную мать, он таинственно передаёт сыну тот кусок истины которому приобщаются там где наркотами не рождаются. Идти он не мог, только ползти. Уполз. Его необыкновенно туго и гладко вшторило, затем мягко и бесконечно пёрло пока он полз и полз. Потом он пропустил, кажется, сотни дней. И вот сын получает урок полифонии. Это происходит когда он бежит сквозь листья. Привычный мир теряется, начинается строгое мелькание спровоцировавшее вкупе со стрессом для совести — он впервые участвовал в "акции" — прорыв того участка духа где зреет наследственное знание. Через минуту он крещён водой. Вода и дух сквозь дверь в полу швыряют его, озаряя год многоплодием свыше, на Тверскую. Он обнаружил, что...

Он перемещается в будущее. Эту способность предсказала его встреча в мире пурги со взрослым сыном. Это всё тот же разговор в ночь перед последней атакой. Яркие цвета отпугивают одних духов и привлекают других. На улицу. Фантазию к власти.

Двадцать восьмого декабря сел в поезд до Петербурга. Питер холодный, украшен скупо. Пробки, машины гудят и толпа торопится, но в метро красивые, живые лица.

"Я ненавижу своих друзей. Они все слабаки, слизняки. Вот посмотри. Здесь я а это Саша и Миша. Миша. Каким же он стал слизняком. Они все приезжают. Живут на родительские деньги. И с понтом ищут работу. Эта им не подходит. Эта не устраивает. Здесь мало платят, эта неинтересная, тут не прижился. Сначала был институт, все учились, потом началось, боулинг, бухло, и так пробухали год, другой, до сих пор ничего, так и бухают". "Он даже был лучшим на курсе, но ни хрена ничего не знает, он просто совсем не шарит в собственной профессии, просто у него собачьи глаза, и он смотрел на профессоров собачьими глазами, а они женщины все, ставили зачёты, отличные оценки. Работу ищет уже вечность наверное. Я, мол, хочу получать — некрасивое круглое число — не меньше."

"А это реально?" — подходим к Русскому музею. Вторник, музей закрыт. "Конечно нет! ...В моей жизни не хватает вектора. Раньше постоянно было движение к цели. Пускай эти цели не я ставила, их мне ставили, но вместе со всеми от одной цели к другой, было видно вперёд, а сейчас где перспектива?" "Иногда думаю, что хочу ребёнка, семью. Иногда думаю, что хочу в загранку уехать. Мне нужно сильно захотеть. Я ведь если сильно захочу, то преодолею всё, любые препятствия." "Мама сказала мне: прости, мол, что мы так тебя воспитывали, что всё хорошо, жизнь хорошая, и люди тоже хорошие. Не так это. Ты уж, мол, извини." Яичница с сыром — восхитительная, сочная...

Ближе к площади всё больше стало пьяных потом когда вошёл где перекрыли движение ближе концертной площадке там столько людей самых разных откровенно злобных и совершенно прекрасных просто серых и красивых глаза устали от лиц прошёл по коммунальной и дальше мимо фонтанов спустился в плотную толпу, заполнившую площадь, дождь их не разогнал но несколько налил огромных луж в которых люди не стояли но накидали сразу мусор как в девяностые всюду бутылки и бычки каждый третий курил идти сквозь них было как в накуренной комнате тяжело дышать их дымом и запах пота и перегара тоже пропитал площадь я шёл с трудом потом увидел как жирную лужу обступили мобилами камерами в луже плясали пьяные мужики, с площадки сверкал свет и гремела адская попсыра под которую лихо вдохновенно расплясывали воду пятеро пьяных тел. весело — пошёл дальше на интернациональную приятно свободно ходить где обычно проезжая часть детей несли на руках и всё курили курили менты и пожарные пока тихо стояли не во что пока им было вмешиваться. мимо главного корпуса прошёл на набережную там вроде поменьше было народу но пьянящих как будто даже больше. не доходя до пирата, там где огородили деревом какие-то поркые раскопки, у забора вязко дрались двое пацанов лет по двадцать двадцать пять. поздоровее в зелёной майке скользнул упал спиной на грязь. с голой спиной другой клещ вцепился в него прятал кудрявую голову в плечо потом пытался ухватить за яйца и укусить тогда круг наблюдавших возмутился искренно а один по пьянее подскочил и как даст пинка ему верхнему сел на них и глупо молотить кулаками в голую спину беззвучно будто не доставая быстро заученными движениями а нижний в зелёной майке всё повторял "Это по-пацански?! Это по-пацански?! Это по-пацански?!" одним и тем же выражением и голосом

Алёна позвонила хотя сейчас час ночи вытащить меня во двор поговорить познакомить со своим парнем Лёшей три-

дцать лет худой сгорбленный небритый сидит на скамейке сама с полторашкой пива Волга в руках пятью новыми дырками в ухе мол это больно а мне нравится когда больно нельзя оставить лишь то что удобно а боль отрезать игнорировать вину сделать вид что чего-то просто нет — но я попытаюсь.

Лена Лавриненко сказала что одну её подругу сбила машина и один её друг повесился так что многие кого она знала умерли и стала подпевать далеко сидевшей пьяной компании песню чижа и ко и сказала что год как замужем но о детях пока не думает и что я со школы не изменился совсем и что встречается с одноклассниками двадцатого июня каждый год и что бежит искать потерянный мангал. Мы его не нашли. Вышли на Первомайский мост где редкие лампочки вспыхивали бесшумно. Повернули назад. Надо же спустя столько лет, сказала она, вот так встретиться на день города случайно, а ещё и в темноте. А ты почему один гуляешь. Потом она ушла догонять друзей а я вернулся к титанику и долго плавал в тёплой чёрной воде и смотрел как пьяные сигают с вышки и оделся и пошёл в южный купил пожрать хотел тёмного пива но тёмного не было и никакого не взял тем временем народ расходился с салюта везде на советской были пробки ментовская машина с включённой сиреной и мигалками пыталась выбраться из пробки безуспешно огромный мент носился вокруг неё орал на близлежащих водителях наконец каким-то чудом бобик вырвался и покатила по встречной туда, в центр, к площади. Народу было всё ещё очень много. Где-то там в центре меня и заметила Алёна с Лёшей и решила что можно мне потом позвонить в час ночи ведь праздник день города день России в конце концов...

В августе второго года я крестился.

Помню тебе не слишком всё это понравилось — как покаяние, так и крещение. Тебя это высаживало. Баптисты, и всё такое. Помню твою вдохновенную на английском языке тираду что моя церковь в моей душе моей жизни моих друзей-

ях и написав её ты сказала что я если хочу то могу показать её Полякову который тогда был неподалёку. Из класса английского позже сделали читальный зал библиотеки. В духе нет ничего безопасного и механизмы завода пурги думаю тотчас пришли в движение. Двадцать первый вагон прицепили к поезду в спешке, в последнюю минуту. В нём не было кондиционера. Не было радио. Поэтому прибытие выпало из ряда стандартных прибытий в Москву тридцать первым поездом. Обычно — резко включается стерильный свет и радио начинает изрыгать таинственную попсу. Которая прекрасно дополняет прибытие поезда, с тобою внутри, в Москву, идеально подходит для такого начала дня. В этот раз, без лишнего света или музыки, прибытие совершилось свободно. Спокойно. Вторую половину ночи моя верхняя боковая казалась уютной, обнимающей меня отстранённо и твёрдо складки в постели тоже успокаивали

Подо мной разметавшись открыв рот спал жилистый в красных шортах долгоягий парень лет двадцати пяти

С вокзала выхожу всегда с подъезда налево и в переход витрины ларьков энергетик день впереди длинный если редко их пьёшь то первые несколько часов настроение действительно чуть улучшается. Как раз успеваешь доехать до Тверской, пройти бульвар, потом Большую Никитскую, пошляться вокруг Кремля, потом пешком до киноцентра чтобы ещё сожрать пару тостов с колбасой и сыром в «Крошка-картошка» и умыться в сортире киноцентра, ну и на фильм в без чего-нибудь девять утра. В этот раз я долго стоял у здания ТАСС и разглядывал подборку фотографий в витринах. Если встать лицом к торцу здания то вторая витрина слева освещала визит Обамы в Москву. Медведев смотрелся натянуто и тускло. Устал, испуган. Совсем загоняли...

Мне нравится пустая Большая Никитская рано утром, летом, когда на вид вроде совсем уже день. Ровно месяц назад там знаешь рядом с консой банк на той же стороне сразу как от Кремля идти к Садовому, там ещё реклама европейского

цирка они партнёры, банк и цирк, два акробата в прыжке на чёрном фоне, сами в цветастой и симметричны идеально, это раздвоенный в фотошопе молодой циркач или банкир, а под ним, рано-рано утром 20 июня, на плитках, которые теперь всюду вместо асфальта, на одной из этих плиток или даже между двумя, на двух, потому что большой, первая встреча тем утром, полураздавленный таракан, очень большой, московский кстати говорят сейчас клопы вытесняют тараканов повсюду, задняя половина прилипла, придавлена к плитке, а передней он шевелится медленно, как шевелятся большие насекомые поводит усами осмысленно вдохновенно только глаза пустые а крови нет и не добывает и не убирает никто он одиноко под ярким утренним солнцем а небо синее чистое умирает на плитке которой сейчас замостили кстати весь Тамбов. Я подсел ближе к таракану снял очки потрогал его дужкой очков. Он обессилел, но жизнь никак не покидала его. Там рядом была и телефонная будка, из которой лет шесть назад я по карточке звонил тебе, приглашал на какой-то концерт. Будку заменили, а телефон внутри совсем тот же, и гудок в нём такой же. Подносишь трубку, в меру угловатую, как «девяносто девятая», к уху и слышишь как телефон сначала словно бы сглатывает а потом начинает ныть. Вставляешь карточку, проведя перед этим по медно-золотой квадратиком схеме большим пальцем для лучшего контакта, набираешь номер, потом лично я всегда жму на клавишу прибавить звук, это в процессе того как внутри себя телефон переваривает набранный мною номер прежде чем его вызвать. Звук от этого похож для меня на звук отдалённой автоматной очереди из американских фильмов про войну во Вьетнаме. Не потому ли говорят про эти аппараты телефон-автомат. А когда нажимаю клавишу прибавить звук на которой вдавлен рупор или угловатый матюгальник, выстрелы становятся ближе. Сейчас вертолёты полетят прямо над головой под «Смерть Изольды» и самолёты вдоль Большой Никитской в сторону Кремля, заливая напалмом Белый, Большой, Малый и Рах-

маниновский залы, напалмом, консерватория погибнет в огне, вот невозмутимая зелёная рожа памятника Чайковскому, по ней стекает пламя, по раскинутым в пьяном жесте рукам хлещет пламя и огонь капает на высиженный до блеска поколениями абитуриентов и бомжей блекло-красный мрамор. Тем временем в трубке после короткой паузы начинаются гудки. Мне редко приходилось звонить людям, которых радостно просто услышать, которых радостен сам номер, цифры в нём, как обещание...

свобода, ирония, печаль

высота

не канцелярский дух

что оккупировал культуру

культура — духа вниз ступень и так

но канцелярское зарплатничество

насилие, смерть на улице ночью... женский крик, лай собаки... слишком прозаично... поединок тошнот... холодная куртка принимает вызов... равнодушие торопит ускоряя первую смерть перемены времени года

Канцелярские крысы спят. Канцелярские крысы спят. Штабные тоже. Штабные крысы и мыши тихо спят. 14-летние подростки спят. Невинные 14-летние спят. Невинность в их глазах и голосе. Но и виновных нет среди канцелярских хорьков и крыс. Меня хотели распять канцелярские крысы, а я огрызался, как паук, если бы паук мог огрызаться, молодой голодный обезбрюшенный хлыстовик, я паук хлыстовик, насекомоборотень-духоплясец-хлыстарь, босой глубокой ночью на втором этаже родной школы готовлюсь открыть банку пива — балтика 9 крепкое. На ней написано...

Открываю банку и дерзкий запах пива наполняет учительскую. Я пью девятку ночью в учительской... Я пью девятку ночью в учительской! Глоток — о, вкус пива, восхитительный вкус дерьмового пива, ещё... Как она легко пьётся, да девятка ли это? И ещё глоток. Вкусно, хорошо, тепло, легко и впирает. Уже совсем чуть, но впирает. Ещё! Я люблю девят-

ку. Скоро будет дата 09.09.09 поэтому девятка сейчас очень в тему.

Улица затихла. И яростно, неистово тикают часы. Беспено тикают часы, несколько раз в секунду тикают, стрекочут часы.

Не верю в систему, а верю в отдельные сообщества, не спаянные намертво единым законом. Перемещаясь, можно увиливать, но однажды надо дать себя сожрать здесь и сейчас. Так что, если не говорить об отдельных людях, против системы у меня есть меланж. Спайс это пиво и трезвый персидский обычай принимать решения по пьяни. Ещё глоток?

Я так рад здесь пить девятку. Завтра тоже ночью здесь. Возьму больше пива. Реально нажрусь. Нужно поселить здесь, в учительской, дух пиздеца. Уйду, а здесь всё будет медленно меняться. Я склонен к рассуждательству — так решили психиатры. Возможен ли бог-психиатр? Что может создать надсмотрщик? Христос истинно был врачом. А неверующие врачи после него... В этом есть корроковщина, попождрбдт. Меня уже прёт и то что я сейчас пишу — чуюсь.

Ещё глоток.

В одном из явлений Лейтенант был психиатром. Врач души, к которой неприменимо радио. Я тебя понимал, а ты понимала меня. Это кончилось, этого не вернуть. Как с этим можно жить? Очень легко. Можно наслаждаться каждой минутой жизни. Этим прекрасным пивом в алюминиевой банке.

Глоток. Мысли остановились. Психиатр — само слово кривляется, юродствует. Если бы несколько полифонических вариаций... Приходит мысль о наркотиках. Чтобы я за весь день ни разу не подумал о наркотиках — такого уже лет пять или шесть не было. Глоток чуть поменьше. Уже мало пива осталось. Учительская стала другим местом, более понятным и родным, не вызывающим ассоциаций с тем, что я здесь раньше чувствовал. Впрочем, всегда было здесь неплохо — знал, что застрахован от вранья в какое бы то ни было место канцелярского мира. Глоток. Мне уже хорошо.

Надеюсь, тебе сейчас тоже хорошо. Ещё глоток — предпоследний. У меня руки в краске сегодня покрасил два окна в белый цвет

цвет небесный серый цвет

полюбил я в зрелых лет

он мне спьяну назначал

близину иных начал

он ужасен без прикрас

это цвет... любимых глаз.

Это Бах безбрежный, вой

осенивший синевой.

И теперь, — вот самое охуительное место — и теперь, когда достиг

я вершины дней своих — т.е. на самом деле давным-давно пройдя эту вершину, но упокоившись на высоте последним осознанием прожитого и смирением и примирением прощением иронией свободой высотой печалью — в жертву остальным цветам (не одному все, как обычно, а один всем в жертву)

голубого не отдам. — Конечно, ведь по ветхим понятиям мужеложник несёт нравственный изъян и в жертву принесён быть не может. — последний глоток, запрокидывая банку высоко, высоко, высоко... а сейчас я прямо в учительской в 4 часа ночи закурю сигарету и похуй на возможные последствия

Жара спадает, асфальт ровно блестит и бежит как плёнка аудиокассеты, мотор автобуса поёт, радостно воеет в ушах нотой «до», в открытых форточках шумит тёплый воздух. Белая разметка, чёрные свободные поля. На голых руках высыхает пот, рыжие волосы шевелятся, блестят. Впереди линия горизонта. Ребёнок не спит. Его пустые голубые глаза сверкают. Ближний край поля проносится мимо яростно; пахнет дерьмом; молодая женщина разговаривает по мобильному телефону. Парень в полосатой майке спит, обнимая кожаную сумку, раскрыв ладонь, розовые пальцы, наклонив голову,

складывая небритую шею в гармошку, с открытым ртом, в солнечном свете. Женщина спит с чёрным сотовым в руке, до колен голые ноги — на железной подставке, под ними на полу белые шлёпанцы, на каждом написано «ROSS» — фамилия Грэтчен из «Донни Дарко». Мужик в тёплом сером свитере и старой синей кепке, глаза слезятся, пристально смотрит на дорогу, лицо на ладонь, локоть упирает в подлокотник, неудобно, трясёт, поднимает и запрокидывает голову, часто моргая, смотрит вдаль.

Переверзева, стоит Андрею выйти, начинает на него дико нести, мол, какой из него вокалист, он ненормальный, больной, умственно отсталый, учим его, тянем, горе с ним, а следующую курс будет, так и госпрограмму придётся делать! Ничего, закончит как-нибудь. Будущего у него, конечно, нет. Андрей заходит, и Переверзева, оборвав уничтожающий вчёрс, обращается к нему чуть ли не ласково, но даже больной и умственно отсталый легко услышит в её голосе что-то вроде «как же я устала от тебя придурок» а он Андрюша влюблённый, по её словам, в вокал, влюблённый в искусство, согнутый, как святые на русских иконах, кивает и всё повторяет «угу... угу, угу». И с готовностью переворачивает страницы, тогда как Авдеев — небрежно, невовремя, иногда с понтом забывая и отходя, в порыве вдохновения, вглубь маленького и тесного двадцать четвёртого класса. Мне начинает нравиться Андрей именно после Переверзевского вчёрса о том что насквозь ненормален обречён. Раньше раздражали его «угу» и кривое лицо теперь нравится и хочу чтобы он раскрылся и всем нос утёр.

Вечером выхожу на Ленина и сворачиваю на Челюскинцев, которая скатывается куда-то резко вниз, в темноту. Таинственная, с огромными берёзами, каштанами. Один колосальный тополь уходящий глубоко вверх. Надпись «Аско» подсвечена холодным голубым огнём; напротив два худых печальных мента в фуражках сидят на корточках, тихо, неподвижно, фуражки закрывают лица, прохожу мимо, на-

встречу идут две девушки — держатся за руки и поют. Половину квартала спустя очень красивая лет двадцати в коротком чёрном платье на бретельках. Много кошек. Освещённая старыми фонарями пустая площадь перед институтом. Два старика на крыльце. Пушистая белая кошка в центре площади.

Видел на площади Перекальского девочку лет семи в белом — бегала с веткой тополя гоняла ей по асфальту каштан. Сегодня напечатал несколько твоих фотографий.

Электричество светит мне сегодня ночью не для того, чтобы я вспоминал вчерашний день. Это сказал Шиллер. Сцену филармонии покрасили в прекрасный мышинный цвет. Когда ночью идёшь по сцене (живу в гримёрке, и в сортир хожу через сцену большого зала), огромный тёмный зал сбоку, как живой, там всё время что-то тихо воеет, горят какие-то огоньки. Записался в библиотеку и взял до понедельника две книги про Курск. Самые ранние следы древних обитателей наших мест обнаружены в районе улиц Полевой и Котлякова. Здесь несколько лет тому назад открыта стоянка верхнего палеолита. Первые жители нашего края ходили в звериных шкурах, жили в землянках, главным их занятием была охота на мамонтов, а основной пищей — мясо мамонта. Продолжалась жизнь в наших местах и в последующую эпоху — бронзовом веке. Об этом говорит один из типичных для эпохи бронзы каменных квадратопопоров, найденный при рытье канавы на Красной площади; художественно обработанный, он и хранился в художественном музее вплоть до декабря 1998 года, когда, к несчастью...

В сортирах филармонии корабельный запах, будто в сортирах теплохода. В открытых окнах шторы распирает свежий сырой воздух. Моя гримёрка похожа на каюту.

Впервые встретился с тремя поколениями семьи Галинских. Это, должно быть, развитие темы моего недолгого, но незабываемого обитания в квартире Нади, Насти и Кристины Каряковских. Бабушка — завуч Первой, лучшей в городе,

ДШИ — не совсем русская, но от этого именно русская внешность — усики, чуть оплывшее по бокам лицо, вмятые умные глаза, некоторый оттенок спокойного вольнодумства. Мать — молодая женщина с пушком на руках — у неё полная грудь, которой она не стесняется, всячески декольтирует — лицо задумано красивым, но редко складывается в гармоничную картину — она несчастна — слабый раствор Жанны Васильевны Браженко по степени и разновидности несчастья. Зовут Юля. Дочке Лере лет восемь, она слегка манерная, но глаза искренние, ещё детские. Шесть лет спустя её глаза так и остаются искренними. Лера полна амбиций, впрочем, их на неё навешали взрослые. Сообщает мне, что заняла на конкурсе первое место, и поднимает глаза, ловит мой взгляд — оценивает, есть ли впечатление от её победы. Хочет мне понравиться, наверное мать ей вчесала что-нибудь дикое про меня. Лера сочиняет музыку, кстати, очень неплохую. Без скидки на возраст. Отличная музыка. Лере было семь лет когда она сочинила песенку про чердак, в первоначальном варианте текста была строчка «на чердаке скелет танцует секс», потом заменили секс на вальс. Юля: «Эта строчка у нас вообще как заколдованная. На концерте вокалистка в ней ошиблась». Я: «Зря поменяли на вальс. Надо было оставить секс». Лера: «Что надо было оставить? Что надо было оставить?» — за год интерес к сексу ещё не прошёл. Юля: «Дома поговорим!» — После урока два старших поколения долго со мной общаются, выслав младшее за дверь. Они уроком довольны, рады, что бесплатно, уверены, что не последний, хотя он последний, только никак не могут понять, что я такое. Юля приглашает меня на обед. Я предсказуемо соглашаюсь. Развитие идеи: повезти меня к ним домой на машине после моего концерта в пятницу. Я и на это соглашаюсь — почему бы и нет? Сегодня ночью у Обезьянова. Нажрёмся...

В Курске сейчас прекрасная погода. Идеальный вечер, мирный, радостный, светлый. Много подростков на улицах,

ярких и хрупких, бабочки, в своей красивой одежде, выразительных, с живыми глазами.

Директор вызывает и с победоносным видом (поймал вора на месте преступления) тычет мне в рожу афишей моего сольного концерта с криком «Это что такое!?» после чего я превращаюсь в кота, афиша в лужу мочи прямо у директора на столе, он тычет меня мордой в лужу приговаривая «Не играй сольных концертов, не играй сольных концертов!!» а я выворачиваюсь, парашаюсь и ору «Мяу!! Мяу!!»...

Курская филармония в этом здании с 1983 года. Драмтеатр отсюда съехал в новое. Ты уже была, меня ещё не было. Будто после твоего выхода на сцену решили подготовить место для меня. Здание построено в 1913 году. «Очагу культуры было выбрано место окраинное, так как Архиепиеей Питирим и местное духовенство противились его устройству в центре города рядом с монастырями». Курск умел сопротивляться новому, сопротивлялся и лишней культуре, пока в ней было новое. Отказался от университета, в итоге открыли в Харькове. Не потерпели отцы города безбожных студентов. Жена Уфимцева учительницей Свиридова. Истоиво православный учился у жены взорвать икону. Шёл сейчас по ночному Курску и видел как на Ленина мужик развешивает (быть точным, вставляет в подсвеченные стенды за пластиковое стекло) афиши рекламы возвращения этой Иконы в Россию, прибытия в Курск. Лицо Матери искажено, древний экспрессионизм, сквозь чувствуется полнота высшей человечности, но покой — только в Сыне, только в Боге.

Слушал «Двадцать три взгляда на младенца Антихриста» Мумумблы. Впечатление огромное. Упрёк и вызов Богу, полный веры и любви к Нему. Акцент на непостижимость Его путей и творения. Всё сотворённое предстаёт как ужасный хаос и пыжлыр. Тема фуги шестой пьесы — это тема хаоса. Её сочинил ещё Бах. Известен эксперимент Баха когда он обожравшись нотами блевал ими на разлинованную нотонаосами бумагу. В результате четырнадцатого выблева ро-

дилась ужасная тема хаоса на которую Бах написал трагическую 16-голосную фугу, впоследствии уничтоженную автором. Джазов играл мне эту фугу по памяти. Мумумбле он её тоже играл. Саму фугу запомнить для жбышного разума невозможно. То есть, жбышный разум не пропустит эту фугу из памяти в сознание. Мумумбла запомнил тему более или менее, кульминацию со вступлением темы Бога и коду. Потом он восстановил и, конечно, переосмыслил это в Шестом Взгляде.

Осматриваю квартиру. Ничего не вижу, ничего не запоминаю. Соседи все тихие старики. Здесь в Курске Джазову неуютно. В Екатеринбурге он был как дома. Однако именно он настоял на переезде. Скоро приму очередную ступень посвящения. Как старая бабка, завернулся в плед, уютный и тонкий, в подарок от Витали сегодня. У меня была счастливая неделя. И сейчас мне хорошо.

Сортир не работает. Половина деревянной расчёски держит поплавков так чтобы вода не шипела. Смыть приходится как у Каряковских, из ведра. Раковины в ванной вообще нет. Ванная тесная как пачка сигарет и вся синяя изнутри трубы в слиз всюду грязь и пыжлыр. Кухня очень тесная, но опрятная. Входная дверь просела и не закрывается. Щели. Дверь в комнату тоже не закрывается. Перекосилась. Завешиваю простынями от оставленного хозяйкой комплекта с лунной, звёздами, кометами. Постельное бельё теперь очень красивое. Синий диван раздвигается в большую кровать. На всю квартиру два окошка, наполовину под землёй — булгаковское что-то — взгляд из подвала на улицу вверх — дворик — перепады высот и виды с улочки сверху на соседнюю обе вьются уходят

Последняя ночь в филармонии — юбилей ансамбля «Русская мозаика». Жена директора не хочет уходить с пьянки. Ей звонит мать: «Я без вас не засну». «Ой мама да ты ложись! Мы уже в такси едем! Сейчас через десять минут уже будем! Да мы в машине уже да вот (глядя в воображаемое окно) про-

езжаем — название улицы — даже щурясь, понимаешь, прищуриваясь чтобы лучше различить в воображаемой темноте за окном изнутри освещённой машины силуэты знакомых зданий — потом ткнув ногтем в красненькую трубочку на прерывающей разговор кнопке «Господи прости меня грешную што я вру родной маме (с музыкальной интонацией курская речь певучая украинская) ну што давайте выпьем и споём!» Они всё никак не уходят. Ложусь в три, встаю в семь на работу в училище. Иду с удовольствием. Мне хорошо.

Если я духом пою мелодию радости жизни, то отправная точка в ней есть точка радости небытия. То холодное существо, что наркотики открывают внутри.

Утром читал твоё письмо. Каждый раз заново влюбляюсь в твой почерк. Понятный, естественный, и самый ход твоей мысли — родной, близкий мне.

Я достал синюю записную книжку и пометил визит Юли в субботу вечером в шесть. А ты рад, спросила Юля. Если ты не рад, я ведь не приду. Нет, я не рад, скорее испуган. Что ж это честно, сказала Юля.

В Курск приехали патриарх Кирилл и чудотворная икона. Движение перекрыли, выставили злобных ментов через каждые два метра. Толпы народа, весь Курск вышел встречать икону. Кортёж колоссальный, думаю больше десяти машин. Напоминало то ли оккупацию Курска немцами, то ли Энсора «Въезд Христа в Брюссель». Путь иконы заранее ровно и аккуратно устлали цветами. Внос иконы в коридорах ОМОНа. Патриарх за тонированным стеклом. Наряду со злобной иронией, здесь серьёзный остаток святости, всему вопреки. Плакаты: «Курск — город православных традиций», «Приветствуем Патриарха», «Отче Серафиме, моли Бога о нас!» — хочу перейти Перекальского к филармонии, жирный мент останавливает: «Иди назад!» — через минуту проходит брезгливо значительный кортеж и менты расслабляются: «Кажется, всё». День, обеденное, солнечное время. Нет ни директора, ни хударука. Сажусь в Романсовой гостиной играть пре-

людии Рахманинова. В высоких окнах синее летнее небо; лето в Курске, кажется, не кончится никогда. По залу, раздражённо влаивая, носится жирная, как мент, муха. Небо, солнечный свет пронзительные и ласковые одновременно; балкон открыт; шторы слегка шевелятся; внизу толпы людей мешаются беспорядочно, среди них Паша энергично выпагивает (нет, он раньше точно нехило хавал стимуляторы), можно эту выправку назвать военной, если бы не налёт палева в упругих шагах, выгнутых руках и напряжённой шее и спине. Играю прелюдию за прелюдией.

На самом первом, который слышала ты, моём сольном были ля мажорная и ми мажорная прелюдии. Сколько в них радости, счастья! Тебе тогда больше понравилась ми мажорная. Я очень люблю ля мажорную. Где идёт нарастание к кульминации, там подтекстовал слова Курта Кобейна: «Chew my meat for you, pass it back and forth in a passionate kiss from my mouth to yours, sloppy lips to lips, you're my vitamins...» — а дальше слова, мелодия слов которая до этого момента хорошо сочетается с мелодией музыки отходит в сторону а музыка пытается взлететь над ней пытается перерастить чувством Кобейна становясь невыразимо бессловесно свободной печальной — русской...

Печальное счастье единства в свободе, тогда как у Кобейна — непреклонная воля и отчаяние. Красный гренадин собрался под кофе, внизу. Начинаю с него — через трубочку. Откуда-то из зубов мудрости начинает идти слюна. Ощущение приятное, даю Обезьянову тоже попробовать. За окном кофейни blue hour, голубое небо и электрический свет сожбяцыли полифоническую атмосферу, в которую включается и внутреннее освещение кофейни. Обезьянов, кося коричневыми глазами, пробует кофе.

«Сегодня ко мне приехал друг. Из Белгорода». «Пел дифирамбы окладам в их филармонии?» — уже знаю, к чему в Курске поминают Белгород. Там нормальные зарплаты, нужно ехать туда. Нью-Йорк Курска. «Там можно жить. И

там реально что-то делать. Здесь всё завампирил ужасный Сцукочёв. А там дирижёр. Правда говорят он зверюга. Тиранин. Садист. Атмосфера на репетициях невыносимая. Он дьявольски ебёт. Опускает. Зато репертуар. И там нормально платят. Надо сейчас хотя бы просто съездить туда. И если да — если берут — то всё. К чёртовой матери, я уезжаю. Мне Курск уже вот где».

Менты зевают и греются. Хотя ночь не холодная. Совсем не холодная. У меня на чашке нарисованы розы в колючей проволоке.

Ещё только вчера выходя с Обезьяновым из филармонии напротив вахты увидел нашего заслуженного кота Филю. Трудно пройти мимо кота или кошки не погладив. Надо погладить, почесать. Я сказал Обезьянову: подожди секунду, поглажу кота. Кот лежал к стене, лицом от нас, безразлично, чёрно-белое рыхлое бревно. Я долго гладил и чесал кота. Ни движения в ответ. Впрочем, подставил слегка шею, где я тоже двумя пальцами почесал и погладил разорванное ухо. «Вот уж у кого ставка». «Четырнадцатая категория. Скоро заслуженного дадут». Я оставил кота в покое, но теперь уж Обезьянов стал до него. «Филя! Кис-кис! Филя! Кис-кис-кис!» — неподвижен, как сфинкс. «Филя! Кушать!» — бесполезно. «Филя! Девки! Девки!» — и этим не прошибёшь. Просветлённый. Сегодня Филю сбила машина. Руслан похоронил его где-то неподалёку от филармонии, у подножия одной из белёсых статуй Детского парка. Пришёл и сказал играй похоронный марш Шопена. Я стал играть траурный марш из Второй Сонаты, а Руслан расхаживал взад-вперёд по Романсовой гостиной и вещал: «Курская государственная филармония понесла тяжёлую утрату... На десятом году жизни скончался заслуженный кот Российской Федерации... трагическая гибель... скорбим... помним... для нас он был больше чем котом; он был человеком! Нашим товарищем! Коллегой! Братом! Принято решение присвоить ему звание народного кота России — посмертно».

Не могу сказать чтобы испытывал особенную любовь именно к этому коту. Вообще — люблю кошек. Те дни что я провёл в гримёрке номер семь — не сблизили меня с котом. Он ходил своими дорогами, я своими. Он производил впечатление старого, ослабевшего, одинокого пирата с ленивым и крепким телом — рваное ухо, заплывший глаз — коренастый, когда переходил с плавного — львиного — шага на смешную трусцу, то ясно силы ещё были в нём и нет только желания тратить эти силы. Кошачий Фамусов — но вольней духом. Кошачий полковник Курц — но с миром в душе. В той сцене, где Курц брезгливо умывает рыло и лысину, Марлон Брандо очень похож на Филю.

Сигареты закончились. Пришлось выйти, купить три пачки. Новенькие, блестящие, красные. Цвет волшебный. На улице галимая чёрная ночь. В Курске на освещении экономят, поэтому прохладная темнота, лёгкая, приятная на ощупь. Вышел налегке, без обычной сумки с нотами на плече, в темноте настолько хорошо, что хочется бежать, и побежал вверх по Радищева до ларька. Стыдно за эту жалкую полноту сил. Хочется двигаться, дышать, воздух вкусный, радуюсь каждой минуте. Вышел из интернет-центра, открыл дверь вдохнул воздух — мокрый, сытный, свободный, дождь, асфальт блестит...

У входа в Детский парк встречаю Переверзеву под руку с Авдеевым. Авдеев мрачен и руку жмёт вяло. Переверзева предлагает сопровождать какой-то девочке на конкурсе, я сразу соглашаюсь. Она ещё какое-то время уговаривает по инерции.

Первый Концерт Рахманинова. Лет десять назад перед первой репетицией, когда вообще в первый раз в жизни играл с оркестром, у дверей зала на втором этаже мы прощались просил тебя остаться и послушать, но ты уезжала бесповоротно...

Аццкий Сцукочёвбдт принял из рук Елены газету «музыкальное обозрение» и бессмысленно-умно, как неповинно-

встречный, вперил-воткнул туда сальный взгляд с обмылка лица, выпятил желтовато-зелёные лопатовидные клычки, помыкивая на холодного тона улыбающиеся интонации Елены, Бене Гессерит Курской филармонии...

Сцукочёв открыл газету на странице филармонии завода полифонической пурги. Он изучал программу открытия сезона и не мог понять: что за херня. Восьмая Симфония Шнитке ему была известна более менее однако дальше глаза его заплясали на тексте как если бы пачкал он или жёгся — Тройной Концерт для рояля виолончели и бензопилы «Дружба» с оркестром, «Проклятие пианизму» и прочие прелести раннего Мумумблы — у Сцукочёва приотвисла челюсть, масло тараканьих глаз и наконец посмотрев чему отдано второе отделение и какая к этому иллюстрация — не выдержал, пересел мне ближе, лицом вопрос, безымянным пальцем в статейку.

Любовь, говорит словарь лязга философии, есть универсалия жбышной культуры субъектного ряда, фиксирующая глубокое индивидуально избирательное интимное чувство векторно направленное мимо своего предмета и объективирующее себя в самодостаточном полифоническом стремлении к нему и отношение посредством которого реализуется данное чувство выступая в качестве максимальной ценности и важнейшей детерминанты жизненной стратегии задавая специфическую сферу автономии поскольку нельзя произвольно вызвать ни прекратить ни переадресовать

завёл меня в пятую гримёрку и положил «обозрение» на грязный стол.

«Что именно Вас интересует, Игорь Вадимович?» «Прежде всего знаете Яков это второе отделение. Первое исполнение в жбыхе — то есть, как — в жбыхе? В каком таком жбыхе? — симфония в трёх частях — трагедия выбора — вторая редакция?» «мне хорошо знакома эта Симфония в первой редакции одна из критических статей называлась сё-сё-сё и была исполнена психоделического бреда в стиле поздних офецер-

ских глоссолалий... трагедия выбора между обезьяной и Богом музыка шимпанзе Бобо гения абстрактного экспрессионизма недавно в Нью-Йорке выставка вторая часть Амдусциас великий герцог и командир двадцати девяти легионов...» «Это что же — тёмный дух? Существо полифонического мира? Иного мира? Не удержавшего светлую линию» «Считать ли наш удержавшим эту светлую линию? Ещё вопрос. Скорее мифологический персонаж эпохи позднего средневековья...» «а это что такое?» — Сдукочѳв указал на Бахокою.

Голова старика с ястребиным носом и седыми вьющимися волосами на теле червя. Зажимая в зубах карандаш или ручку, это существо способно сочинять музыку. Неприхотливо в плане условий содержания. Ящик с опилками, объѳдки. Лейтенант Лябжясчыков разводил (в свинофермах вынесенных за приделы жбыха) бахокою продавал исписавшимся композиторам хотя и талантливому музыканту бахокою тоже могло стать хорошим подспорьем в работе. У Хренникова было четыре бахокою. Россини перестал сочинять когда издохло его любимое бахокою. А вот Сальери — тот никогда не привязывался к своим бахокою — держал в чѳрном теле считал так они лучше работают — Моцарт даже тайком подкармливал одно из Сальеривских бахокою, которое сочиняло талантливую и очень для того времени смелую музыку. Сальери эта музыка выбешивала, он никак не мог сам её использовать, приспособить для своих опусов, он всячески издевался над бахокою, держал в сыром холодном погребе, давал плохие перья и бумагу, кормил редко, гнилой картошкой или «роллтонами», а потом, когда бахокою перешло на атональную музыку, вообще кормить его перестал. А Моцарту всегда нравилась музыка именно этого бахокою, хотя вообще он был глубоко против бахокою по этическим и религиозным соображениям против вмешательства в геном биоты — но с этим бахокою подружился — подкармливал — хвалил его музыку — а Сальери от этого ещё больше злился...

«И что в итоге? Сальери отравил Моцарта?» «Сальери отравил — собственное бахокуи! Но уже не мог обойтись без бахокуи не хватало собственного музыкального материала — а с Лейтенантом разругался не мог у него заказать другое бахокуи...» «А кто такой Мумумбля?»

ты прав губи себя пей только будь и в этом лёгко... посмотри на золотую осень и солнце яркое ласковое все краски тёплые вечер прекрасен голубой час совершенство потом ночь зажигает наркоманские огни ветер в чёрном небе накрывает окраины центр холодные витрины горят в радостной сырой черноте

стоит буржуй как Бах голодный
стоит безмолвный как вопрос
а старый Бах как пёс безродный
стоит за ним поджавши хвост

Слукочёв не блещет разнообразием в одежде. Чаще всего бледно-розовая рубашка и бордовая безрукавка, коричневые — хорошо выутюженные — старые штаны. Он подскакивает на носках бежевых туфель на подставке для себя обтянутой красным бархатом — коричневая банкетка перед роялем — сажусь — Слукочёв принапевает «рьям-пам-пам» дуло подтягиваясь на носках, его деревянные руки вокруг него размахивают собою и он вьётся приклеенный к подставке... бледная и тонкая дирижёрская палочка падает и взмывает разноцветный тёплый воздух пропитанный запахом пустой сцены. Мне выкатили рояль, однако он завешен попоной с приклеенными обильно скотчем канцелярскими отгоняющими заклятиями... Играю финал, и нет ничего, кроме повреждённого текста, текста пустого тела, текста в коме... Мне намеряют фрак. Втекаю в каплю — чёрную, плоскую — фрака и сразу, как свинья, к зеркалу. На мне белая рубашка военного оркестра. Оксана сзади протягивает руки надеть мне галстук-бабочку. Выгляжу смешно — жених сбжавшей невесты — ещё и в грязных, вместо чёрных брюк, джинсах. Туман — ещё утренний — вялое хлопанье дождя...

отмечал теплоту плёночного спорта... да и сам Джазов часто до того утарчивался что мутировала его внутренняя симбиотическая фауна... к тридцати годам Джазова заселило множество попуччиков внутри жбышного тела, как и душа его дала пристанище всяческим полубесам но об этом уже поздно говорить однажды он болел гриппом ушёл в ужасный закур смесью синтетических и трансгенных (внеземного происхождения тех времён когда вариация интернета охватила огромные эпизоды космоса) гашишей отчего грипп превратился в совершенно иную болезнь и поразил...

Интернет — симптом поражения элементами растительного и грибного мышления — возникает обычно после всплесков употребления психоделиков растительного происхождения. Вспыхивает, как остатки пламени на больших кусках ура-патриотической газеты. Менее разрежённый, космос ранее был в значительно большей степени охвачен им. Мы ищем хозяина среди своих бывших слуг. Наш возраст детский. Болезнь цепляется за болезнь, тогда как здоровые структуры свободно проходят друг сквозь друга. На данном уровне можно не увидеть ни одного столкновения в рамках грандиозной катастрофы происходящей уровнями выше...

Вчера играл концерт Рахманинова с оркестром. Дирижировал Сцукочёвбдт. После чего я нажрался посмотрел «Апокалипсис сегодня» прожёт сигаретой простыню нассал в ведро и заснул. «Вот если вас куда-то приглашают куда вы очень хотите поехать играть», рассуждал расхаживая по гримёрке в лакированных искусственной кожи туфлях Сцукочёв, «и при этом программа составлена из произведений которые играть вам не хочется, то надо плюнуть и поехать, поскольку если вы откажетесь то десятеро будут счастливы согласиться и в следующий раз приглашать будут их, а не вас... неостребованность, вот что ждёт излишне бескомпромиссных... в жизни каждый шаг вперёд делается через компромисс, то есть через какой-то глупый принцип перешагиваешь, идёшь на компромисс, делаешь шаг вперёд!»

В дверь стучат, пора на сцену... Играю как всегда импровизирую делаю чего не готовил... Вдруг Слукочёв вступает оркестром на два такта позже чем надо... Выкручиваюсь и ловлю, долго пытаюсь успокоиться. Время на сцене идёт и медленнее, и быстрее, чем обычно. Мелкие моменты сильно растягиваются, но крупные меры времени совершенно истончаются, так что оглядываясь их не видно. Секунда идёт минуты, а час пролетает мигом. В отличие от укуренного растяжения времени, когда отрезки всех размеров только растягиваются — пик растяжения приходится не на секунды, на отрывки времени примерно от десяти до двадцати минут — вечность. Прыжок с парашютом — что-то среднее между сценой и раскумаркой по способу растянуть-остановить бытовое время. И самое слабое.

Играем херово, чего уж тут скрывать. Хлопают вяло, успеха нет. Где-то думал только о контроле над текстом. Но было и содержание. Акцент с крайних частей каденции, где видел всю соль в училищное время, перетащил на среднюю, в ре-бемоль мажор, ещё и с секстой; а начал каденцию резко, злобно...

На сцене так мало помню себя. Изнутри ничего нет, глупо что-то замечать, когда цель в том, чтобы отдать как можно больше. Как в полифоническом сне, только наоборот. Во сне много деталей фиксируешь, но суть в том, что происходящее льётся в глубину тебя, чтобы там и остаться. Происходящее на сцене льётся через то же окно в сердце, но в другом направлении, наружу. Наблюдатель с иронией стоял у окна в своём сердце.

Раньше плевать хотел на звук, теперь только над звуком и есть моя власть часто. Звук точно и сразу говорит что там внутри у того кем я становлюсь на сцене. В конце концов, что такое я? Кроме того бесконечно холодного внутри, я — это ты, потому что ты для меня всё. Там — на сцене — эти нелепо ровные, какие только на типичных стейнвях сцены бывают, чистые клавиши, всё блестит чистое, много света

всегда. Мысли подходят к телепатическому порогу. Чувствую как меня слушают настолько отчётливо что кажется мешает читать мысли зала лишь то что зал или его внутренние группы не говорят внутри единой мысли словами как часто делают люди фразой замечанием. Руки на клавишах не помню не слежу их только иногда если одинокую печальную ноту возьмёшь и смотришь как баран на свою руку но тотчас уже используешь момент для собрать внимание и уловить фон тишины как шумит та плёнка кассеты на которую записан и этот концерт, и каждого из нас повседневная жизнь, и самое жбыхо, может быть, шум времени, данного, конкретного года или десятилетия; шум, исходящий оттуда где соединяются время как вечно повторяющийся ритуал и время как вечно обостряющее себя падение — тотчас мне вспоминается цвет салатово-зелёной полосы на твоей кофте, становится очень тихо, и чувствую как пауза, исчерпав себя, подталкивает музыку двигаться дальше...

Двенадцать, их может быть на самом деле и не двенадцать вовсе, может, один, или шесть, четырнадцать, и сколько бы ни было их, они в той же теме, что герой-восприятель Вади Момпа в его Симфонии, т.е. у них трагедия выбора между зверем и Богом, между зверем и Богом. Так с понтом идут державным шагом, позади голодный пёс, впереди Иисус Христос. Поэтому первая редакция Симфонии мне больше нравится. Никаких амдусциасов, это лишнее. Все эти рыла полифонической пурги, глоссолалия... Это толком ни к чему... Бестолковая глоссолалия... Хотя ведь есть и высший заумный язык... но без тебя всё ни к чему... Чёрный вечер... никаких тебе blue hour, никакого промежутка... белый снег... эти две строки — как два аккорда Мумумблы в исполнении Рахманинова. А Бродский ещё от Блока нос воротил — свинья... Чёрный это по чёрным клавишам аккорд: ми бемоль минор.

Пусть ми-бемоль минор печальный прозвучит

И Марксу имя новое в нём наречётся

Ведь имени достойным человек не должен быть

Белый — это или ля минор с септимой, или до мажор с секстой, короче, до ми соль ля — всё по белым клавишам. Es-moll: чёрный вечер. A-moll: белый снег. А потом два невъебленных, хотя тоже внутри печальных, кластера, форте нижние полклавиатуры, и сразу фортиссимо верхние полклавиатуры: ветер, ветер! Ну почему же ветер? Почему на ногах не стоит человек? Пьяный он, что ли, в жопу? Прости ты меня! Прости, виноват... к словам

довольно дел к словам к оружию

к музыке в таблетках

к дому в шорах

подлетел человек

Нео, летает он

вынес из сна

вспомнил на сеансе эриксоновского гипноза

подкрепил опытом холотропного дыхания

в прокуренном тамбуре

голову сунул в толчок,

распахнул железную круглую дверцу

высунул нос — ветер, ветер!

Нет сил эту новость не вынес он

годами лгал себе

и вдруг увидел в лицо

увидел обратную сторону лжи

подкосилось дыхание

нет искусственной конструкции

выпала ветер сразу унёс

ноги ведь не роскошь даже твои

средство стоять — не устояла

не смогла устоять на ногах человек

только ловила человек сухими ветер губами

она всюду снег может случиться кода

так чтобы комья с копыт — копыта с камелий

пытток верблюжье тепло карамели

великое противостояние в письмах

толстый слой шоколада

теперь отъебись, нах

нет, это не жизнь, это типа очередное препятствие которое мы создадим и героически преодолеем — так чтобы всё медленно серело — никогда: или уж чёрный

вечер или белый

снег. Кто счесть способен русских ёлок число из окон поезда Курск-Москва кто все ярусы окинул взором и точно назвал количество мест возрастной национальный партийный состав аудитории даже сколько волос у каждого на голове ведь они все сочтены

Кто на Небесах пристально смотрит вниз и считает волосы на головах — перед кем он даёт ответ об их числе — Ангел, ангел, сколько волос на моей голове? Ангел, старательно: Ку-ку! Ку-ку! Ку-ку! — Я считаю: один... два — простое число или нет — три... четыре... и так долгие дни мы успешно проводим, я и мой Ангел, мне как-то спокойнее, когда мои волосы сочтены — все до единого — потом она ищет блох — ругается на перхоть — и оставляет меня чтобы предстать перед...

Буква «л» летала перед троном Всевышнего

и лаялась как Есенин. «Не молиться Тебе, а лаяться

Научил Ты меня, Господь» — сказал Есенин.

Есенин говорит о том, что путает полушария. «Вместо мозгового полушарья — звёздное» — говорит Цветаева, а Бродский (от Блока-то нос воротил, свинья) говорит, что скобки, в которые заключены эти слова в оригинале, есть графический эквивалент содержащегося в них поэтического образа. Скобки, в которые заключены Двенадцать, это пёс и Христос. Трагедия выбора у Есенина поставлена предельно, выбран пёс, а спрос с него, как с Христа. Есенин: «Господи, научи меня молиться, как и Иоанн научил учеников своих». Пёс: «Гав!Гав!Гав!Гав-гав-гав-гав!!Гав!!Гав!!Гав!!!» Петька:

что товарищ мой родной

ты не дружишь с головой (превращаясь в Петра) я знаю
могу научить

а лучше обращайся к Скобке по ту сторону двенадцати

Есенин: — как бы мне в пути не поймать пулю

Петька: — мы стреляем только в Святую Русь

Есенин: — это почти я. Человек призван к героизму во
всех сферах духовной жизни. У Саши целый конверт саль-
вии дивинорум. Он чисто один только раз попробовал и его
так впёрло что больше он не решился и конверт зря лежит.
Прямо передо мной большой тёмно-красный огнетушитель.
Красивый, потрёпанный. Старый, счастливый. Слева белая
шторка и совершенно тёмное за окном. Справа узкая дверь
сортира

нечто вроде шубы их здесь много они не таясь подтаски-
вают мать с детьми к круговороту воронки толкая — и пол
он зашипел отворачиваясь — ах вам нездоровится? — увле-
кая под руку чувствуя неладное он завертелся оглядываясь

он смотрит вниз. Слизь или тающий снег под ногами. Лев
на стене, как муха. Музыка как будто не существует — ника-
кой — он не может вспомнить как она звучит... мгновение!
Может быть, жить осталось считанные часы... Джазов учил:
масса времени и вес времени... «А чем ты полон сам собой ты
полон дряни милый мой» сказал Пушкин прочитав Beautiful
Losers — «Ну-ну», — ответил Коэн... Парень в красной майке
зашёл в сортир и громко ссыт... затихло... вышел, с полотен-
цем на плече... закрываю от него ладонью эту строчку...

Заклятие загранпаспортом

выходя покидая переступая руки все вверх голосуем улица
как один человек внутри орла гербом снаружи лагерным бо-
ром забором лесом колючим ищей проволокой вышкой
тюрьмой морфия вколет превратившимся в пародию на са-
мих себя часовой вколет дракону столица с мумией пафос
испанки согнул ко сну меня выбей черноволосый отвори вы-
соко шагая — никогда у меня другая лицо одно. одно. одно-
пас однолюб однорыл двоевзор георгий месяцем орёл и

змеи крылья скобки пятиголовый двенадцатиногий трёхвострый победоносный голевой теризованный полевой золотой красный карты бросил на стол игры путешествий швырнул уволился в запасные на чёрную — пас подсудимых прощённых — близко земля — женщина пьяная кофту рукой поправляет раппопорт умирает в сталине орёл плавится сыром китай улыбается кнопкой и радужные якоря со свистом режут оттенки зелёного! Танцы великодержавной государственности дисциплина медалей безударный престиж безоружного выезда в форме греческого огня лётчик между виселиц под лапой охватившей скипетр — главный телеканал под костлявой шуйцей, облапившей державу. Мы ни о чём не просим вас — покинул? — хрен с ним — сказал прощай немытая? — ну и ладно — откинулся? — так и быть. Приди ко мне шелест листьев затаённая сила волчье пламя в копне пожухлой листвы, прижавшее свои языки к стене, пригвоздившее их ко кресту. (через от халвы масляное с внешней стороны стекло тридцатых прошлого века годов изготовления увижу тебя в окне) обмяк отвис застыл воткнул приник собрал решил успел рискнул

Говард Лавкрафт, «Наследство Пибоди»: В доме было ни много ни мало — двадцать семь комнат. «Вступив во владение домом, вы, конечно, не ожидали, что в нём есть потайная комната?» — спросил он, раскладывая передо мной анкету: был ли на Вас в период работы (учёбы, службы) оформлен допуск к сведениям особой важности или совершенно секретным... Небытия святое откровенье — Наркотики! Высокое свершенье — Отбрось ту ложь, что называл душой — И разуму путь к истине открой. Распишитесь! Пляшет рука и здесь прыгает сердце свобода свобода голос на плёнке читающий мастер и маргариту роспись на стенах вокруг завода пигмент английская переписка Нео берёт Тринити за руку: «Мотор заведётся» прости меня за боль, за страх, за слабость ты — простишь мне заболь застрах

заслабость
загранпаспорт
загранпаспорт.

Этой ночью выезжаю в Тулу на гастроли. Будет шесть сольных концертов. Первая командировка. Вручили кипу бумажек. Снега нет. Странно после огромного снега в Екатеринбурге. Заставил себя постирать, завтра снова выступаю. В Романсовой гостиной. Есть такие что изменяют навеки принцип внутренней организации человека и его генетический код. Отцы курили, а детей впёрло. Деда поставились, а у внуков отходняк. Флэшбэк спустя четырнадцать поколений. Это прежде первого убийства, истинно это есть начало истории. Знание охлаждает. Пробираюсь вдоль пустых ниш по равноценным счастливым дням.

Время моё приспело
Не страшен мне лязг кнута
Тело, Христово Тело
Выплёвываю изо рта

Есенин Христово выплюнул... Нет, выплёвывал, и неизвестно, чем кончилось... И только изо рта, пойми, прожевал, но не проглотил, не завершил Баховскую секвенцию (Куснул.Прожевал.Проглотил). А Гоголь, значит, твоё? Господи! Он истинно это сделал, только я не понимаю, как! Я знаю, что Гоголь давно умер и что он не кусал тебя но это истинно случилось! Я тогда не мог ошибаться. Я и сейчас не ошибаюсь. Та ночь в которую они познакомились это волшебная ночь в лесу духов из Сальвадора Люциуса Шепарда

Вечером пошёл на открытие зала Первой ДШИ. Попса и муть. Одна Алина Курочкина играла гениально. Впервые увидел Руддцкого. Мерзкое трансгенное существо. В Никарагуа мы таких в плен не брали. Видишь как одна и та же дерзость может быть святой красотой или поркым пыжлыром. Трёхметровые синие тела, полные грации, с россыпями звёзд на неземных лицах, ведь это по своей сути то же самое, что и Лябжясчыковский попожадрбдт с постчеловеком. Транс-

генные, заселённые червями, модифицированные существа, в основе которых — Последовательности Образа, а сверху — полифоническая вариация. Война — прежде всего подлость. Всё дело в том, с чем ты поддерживаешь постоянную связь. Бесы среди На'ви так же редки, как среди дельфинов... Руддспкой — другое дело. Там были использованы совсем другие вещи. Тематизм обезьяны... И не одной, многих ужасных трансгенных перенаселённых полифоническими паразитами постобезьян... Смесь коаты с шимпанзе, разбавленная аккордами мандрила... Бешеный диссонанс. Руддспкой нуждается в постоянных инъекциях ослабленных (ослабленных?!!) вирусных культур. Зато он отлично адаптирован к условиям сельвы. Сандинистам часто приходилось жрать обезьян. Если у Джазовских солдат был хвост, партизаны не брезговали их мясом, людоедством это не считалось. В 1983 году в бою под Эль-Хикаро убит хвостатый солдат, «сомосовец», партизаны решили что это трансгенное существо полифонического мира, но он был человеком, просто атавизм, человек с хвостом. Среди евших человеческое мясо — Маурисио Борхе. Он видел Руддспкйткйткого и считает что такого можно вырастить воспитанием и контактами с колониальной элитой но по моему глубокому убеждению шкаф настолько заставлен безделушками что там негде и пару основных иголок положить.

Когда я сел, Лариса вызвала к себе четверых рабов, женщин, и стала их за что-то ужасно ебать. Я пытался хотя бы примерно понять, в чём суть дела, но не мог, и это меня ужасно высаживало. Она ебла их всё жёстче, подробно, обстоятельно, постепенно перешла на крик, тогда они стали отбрюхиваться, в итоге все они орали друг на друга, но каждая фраза была построена в идеальном канцелярском стиле, только вот я и близко не мог понять, в чём смысл, и весь скандал казался мне ужасным, адским абсурдом. Я хотел вмешаться, но не мог. Меня стало высаживать физически, мне стало тяжело дышать, я закрыл лицо руками и скоро по-

чувствовал что себя совсем не контролирую что очень скоро кого-нибудь из них укушу или ударю или опрокину шкаф со всеми этими ёбаными безделушками, и когда ощутил уже вскипающую свободу безумия, в этот самый момент дикая ебля вдруг — мгновенно — прекратилась и воцарилась острая, совершенная тишина, будто кляпами заткнули рты, а я сидел закрыв руками рыло и ничего не видел, я начал остывать, но другое чувство вдруг охватило меня, не мог понять кто я и где сейчас нахожусь. Тогда спокойным из справа от меня голосом Лариса изложила суть моей проблемы и попросила бухгалтершу выдать мне справку о доходах. Решил что раз уж речь обо мне то не лишним будет открыть морду и опустил руки, пытаюсь принять рациональный и по возможности взрослый вид. Бухгалтерша сразу согласилась и через минуту принесла оформленную справку. Лариса поставила вторую подпись. Я поблагодарил и вышел.

Уже через пару часов начинается твой день рождения. Как и десять лет назад музыка странным образом затихала и замедлялась, пока не остался один лишь печальный почему-то ре минор, похожий по звучанию на ми дубль бемоль минор. Ёжиков обошёл рояль и посмотрел в лицо человека восхищённым взглядом. «К сожалению, творчество нам недоступно, зато могу вот так», — ответил кошкый чувак. «Это джаз?» — сказал Ёжиков. «Да, и это, и я тоже — джаз. Моя фамилия Джазов... И я уже третий выш концерт... На третьем концерте...»

Дополнительный доход должен быть основным, сказал Джазов, а основная жизнь должна стать дополнительной. У меня нет расписания, за эту смешную зарплату от меня ничего не требуют. Это огромное преимущество воплощения в России нулевых... Кто согласен нищенствовать, может иметь уйму свободного времени... Но скоро всё закончится...

Сначала Ёжиков не посмотрел, он бросил взгляд направо где сидела очень красивая девушка с зелёными радостными глазами мол не услышала ли она наш разговор но тут его

будто толкнули всеми цветами сразу в повернутое лицо он вскакивать но Джазов полностью лишил его способности двигаться на миг пихнул репродукцию на странной маленькой толстой открытке ему в морду и отняв спрятал во внутренний карман пиджака (сального и лоснящегося) снял блок; Ёжиков вскочил, как прыщ на пружине, но сразу снова задницу вниз на стул: — что это?! — Джазов сладко очерил два довольно страшных клыка: — шшшшшш!! это к чему всех нужно слегка подготовить; культура братского, параллельного народа... так или иначе станет известна всем... музыка у них тоже, кстати, есть. Я что, буду исполнять их музыку? Я согласен! Нет, ты будешь играть вашу музыку... с небольшими изменениями. Совсем небольшими. Незаметными. Ёжиков поник: какими?.. Ты же импровизируешь, меняешь текст... Вот и меняй. Мы тебе дадим пару нот... Вставишь их, куда будет нужно. Ёжиков посмотрел на Джазова — изображая недоверие своим наивным взглядом — ты видела когда-нибудь спички с небесно голубыми головками из дефисов в наследии немецкого романтизма?

Огромный каток на Ленина. После гололёда снег и присыпал эту красоту сверху. Сейчас всюду в городе под снегом сплошной лёд. Ленина к площади идёт вниз, на ней раскатали серию длинных катков, слились в каскад от ГУМа до Chantal FM и можно проехать подряд несколько десятков метров за счёт уклона вниз, если смело разбежаться.

Шенгенская виза. Джазов предлагает теперь подать документы на Донауоэшингенскую визу. Потребуется: справка о систематическом совершении бессмысленных поступков, удостоверение придурка, духовидческая анкета, фотография жопы три на четыре и ещё куча всякой чепухи. Интересно, что анкета серьёзная, некоторые тесты в анкете меня просто поразили, но мне сейчас нельзя про них писать, и вместе с этим зачем-то идиотская фотография жопы. Лицо, мол, врёт, а жопа никогда не соврёт. Чушь — лицо врёт только не любящему взгляду. Конечно, мне хочется попасть на Донауо-

эпингенский фестиваль. Тебе бы там понравилось. Похоже на сад. Сорокаэтажный дом Полифонической культуры, десять из них под землёй. Странная архитектура. Я бы сказал, похоже на две головы в чулках, прижавшиеся друг к другу (ну, типа, люди рядом обнявшись сидят) и над более высокой головой ещё чуть съехавший набок колпак. Джазов под-сказывает, похоже на торчащий из земли клюв скептически настроенного пингвина. Да, это сравнение точнее моего, а ведь у мотыльков пурги нет творческих способностей.

Лерка, Юлина дочь, по-английски читает примерно как я на языке На'ви — просто слова подряд без живой интонации. Мы разобрали безумный рассказ про день рождения четырёхлетнего мальчика. Утром, когда он ещё мирно спал, в его комнату неслышно вошли Родители. Их счастливые лица нависли над его небольшой кроватью. «Ты знаешь, дорогой, какой сегодня праздник?» — этой фразой Родители разбудили сына, которого звали Билли Кид. «Не знаю», — ответил Билли Кид. «Сегодня твой день рождения, сынок! А знаешь ли ты, сколько тебе сегодня лет исполняется?» «Простите, но я и этого не знаю», — отвечает сынок. «Четыре! Четыре! Тебе сегодня четыре! Не рановато ли в таком щенячем возрасте за что-либо извиняться, тем более перед нами?» — и Родители поцеловали сына и подарили ему подарки а потом прочитали ему телеграмму от тётки и т.п. Лерка всё это читала проглатывая окончания слов и вместо большинства коротких слов ничтоже сумняшеся говорила просто the но зато она прекрасно понимала в целом смысл рассказа а ведь это главное не так ли? Там была ещё иллюстрация как бабушка дарит Билли Киду трёхногого щенка а дедушка стоит рядом и пыхает трубкой прямо в лицо внуку посмеиваясь.

Моё прошлое — хаотический черновик настоящего. Сейчас — самые стройные дни. Ночь прекрасна хотя бы тем что в нашем одном мире дарит нам два разных неба над головой

Человек светится. Все — по-разному. Кто любит, может это видеть. Это и естественно, и чудесно. Событие происхо-

дит фугой, от которой при любом виде жбышного восприятия остаётся голос.

Пол Фроммер возвратился в свою комнату с грустным испуганным выражением, которое редко его покидало и делало его поркое лысое рыло ещё более некрасивым, и сел за свой письменный стол, уставленный пустыми чекушками и заваленный тетрадами и книгами. Фроммер был столь же беспорядочен, как Николай Болконский порядочен. Он включил компьютер, вошёл в почту и, нетерпеливо щёлкая мышью, открыл письмо. Письмо было от тысяч энтузиастов языка На'ви по всему миру. Они писали:

«Kaltxi ma Sempul Li'fyayä, PawlFrommer

Ayohel ngengati kameic.

Ayohel fa narili'fya akewong ngengaru pivlltxuye a fifyari ayoheru txoa livuyu. Slä txana tìsrantenä txeleri ätxälet aftxavang fpuye' ayohel. Unilit kifkeyä Eywayä tsole'eia ayonel ulte ayoeyä ayronsemiri ayäiel lora aywllä sì hiyika ayswiräyä a'apxa ah'iisì teya seiyi. Ayonel atokirina'yä atanti sì mì taw tswusayona ayikranit sì ka hilvan na'ringä tusula fa'lit nolìn ulte fra'uri ayoeuru prrte leiu nitxan. Slä ayoeyä ayronsem 'ivong ni'ul to fra'u alahe sì a ayhaxìri unilä leiu Na'vi asevin sì feyä aymokriyä ayfam a mì aymikyun ayoeyä sre'eiu. Slä ayoeuri tsaheyly fu uniltirantokx ke längu. Na'vihu nimuiä nili'fya feyä ayoe pivlltxe a tìtsun ayoeuru livu zene fte tsun ayonel feyä kifkeyit kivame ningay.

Fìtseng ayoeyä tikelul tiomumä te'lanit sì ayronsemit ayoeyä yerängim fte ilä hapxi fya'oyä Eywayä tsun ayoe tivìran ni'it ni'aw. Ayoeuri längu tengfya eveng a mì kllte na'ringyä tok. Kxawm ayonel tsun tsive'a futa lu kifkeyä senge alahe slä ne tsaysenge alor ke tsängun kivä txokefyaw ayoeuru fya'ori sì tikäilä nari sì nimuiä fyape wivintxu kllfriyo' a 'awpo livu. 'Awpo a ayoeut hivawnu miso ta hrrap tikeomumä fteke tiketslam ilä ayzoplo sì sikekangayit sivi nihawng ayonel. Tsapo tsun ngenga, ma Sempul, livuyu ni'aw».

Прочтя до этого места, Пол Фроммер вздохнул и оглянулся в зеркало, которое стояло направо от него. Оно отразило старое безумное усаженное рыло и потную лысину. Глаза,

всегда подвисящие, теперь особенно тупо смотрели на себя в зеркало. «Они мне льстят», — подумал Фроммер, отвернулся и продолжал читать. Фанаты, однако, не льстили своему миру: угасший разум Фроммера часто озарялся неподдельным вдохновением и делался способным учить, вести за собой и т.п. Но Фроммер никогда не сознавал хорошего состояния своего ума, которое он принимал в те минуты, когда профессор был не под наркотиками и учил кого-нибудь. Как и у всех профессоров, лицо его принимало глупо-неестественное, дебильное выражение, как скоро он смотрелся в зеркало. Он продолжал читать:

«Ayoel sänumefpi nımawey ätxäle seri wotxa li'utitäftxurenut si fyawıntxut amuiä ayli'uyä Na'viyä a nawma ronsem ngengeyä ngolop. Ngengal ayoeru ayhapxiti tangekä utralä aswok toling slä tsranten a ayvul ke längu. Txo ngenga ayoeru sänume sivi, ayoeri pänuting futa nımeuia ftayia ulte fmayi slivu pxana ayftiayul a tslivam tınekxıt krrä ngengeyä fpi fi'txele. Ulte, ayoheru ni'it set leiu a hapxiri ngengarı ayohe perlltxuye san "IRAYO" nıtxan! Ayoeru ke tsranten pefya'ot a ngengal ftxivey fte tıting ngengeyä ayoeru tsun tiveswotıng... slä ni'aw ha tsafya'ori livu tıtsun a ngengeyä sänume ayoeru nımeuia tsun ziva'u ulte ayohe ngengasıru livu prrte a unilä Eywayä vivirä ka kifkeyä ayohe ngengasiyä tengfya txep a nusekx mi te'lan frapeyä mi fra'atxkxe kelku susi ulte nıfralı'fya puslltxe. Fi'upxaremi nıkeomusum ni'it nıtsleng tolirängen ayohe a txeleri ngengata ayoeru txoa livuyu. Nımun, ayoheru tıkin tısrungä ngengeyä luyu nıtxan.

Ngengal ayoheti tsun kivame srak, ma Sempul? Ayohe peruyey...»

Пол Фроммер подумал, задумчиво улыбнулся (причём рыло его, освещённое стеклянно-голубыми навывкате глазами, несколько преобразилось) и, вдруг приподнявшись, тяжело ступая, перешёл к столу, хотя, как это ни странно, до этого он тоже сидел за столом. Всё бы ничего, если бы у Фроммера было два разных стола, но, к несчастью, стол у Фроммера был только один. Подобная сбивка в ткани действительно-

сти, конечно, не могла ни порвать данный кусок бытия, ни даже нарушить логики развития событий; она лишь запечатлелась в душе Фроммера ещё одним смутным вопросом, которому суждено пока что было оставаться без какой-либо надежды на внятный ответ. Чтобы прочистить мозги, Фроммер достал табакерку и банковскую пластиковую карточку, сделал из нюхательного табака две жирные дорожки на столе, и, тыкаясь подбородком в клавиатуру компьютера, сунув в нос скрученную десятирублёвку, отчаянно вынюхал обе дорожки, после чего сразу схватил капиллярную ручку, лист бумаги, и стал от руки писать ответ...

В самолёте, высоко над облаками... Облака — вскопанный снег... Небо сияет, солнечный свет очень яркий... Облака... вытягивший, ребристый покров... Небо светится неистово... Принесли жратву. Вкусная, схавал жадно, и тотчас начинает срубать... Смотрю в окно — облака рассеялись и со страшной высоты видна земля... Много кривых дорог и пустота между ними... Скорее всего, это ещё Россия... всё разбито на косые бледные заплатки... торчащими слипшимися иголками выложенный в поле город... колония плесени на лаваше... небо странного оттенка — одновременно глубокое, тёмное — и нестерпимо сияющее... В поезде до Берлина. Читаю Солженицына «В круге первом». Ужасно впёрла кошка — кошечка — на кружке — в очках — и делает вид, что читает книжку.

Паспорт мой, хотя и пробили по компьютеру, но ничего не нашли... Как это может быть? В аэропорту видел маленького с горбом и мудрыми, живыми глазами старика еврея. Так хочется спать, что потеют ладони. Чешская речь. Звонящая, далёкая, бессмысленная. Голоса — спокойно, насмешливо, очень уверенно. Побродил немного вокруг здания. В одном из нижних окон кто-то выставил штук тридцать игрушек из «киндер-сюрприза»...

Спокойные и ясные глаза. Осмысленная сила — скорее снисхождение, чем доброта. Долгое время видел только

светлые рыла. Ходил по маленьким улочкам без машин с одной из тысячи башен в далёкой перспективе... Снег большими тёплыми кучами, выводки кнопок с фамилиями жильцов. Архитектура — сытая игра с провалами в тёмный, безразличный, радостный мир. Нарезал несколько больших, часовых вокруг метро. Коричневая зима...

Вот я и в Германии. Может быть, проеду недалеко от того места где ты родилась... По коричневому снегу на другом берегу большими шагами идёт, засунув руки в карманы и опустив голову, одинокий человек. Детская площадка, сотни уток и чаек, парень с чёрной гитарой... Холмы разглаживаются... Хейденау. Чешем без остановки. Удручающий индустриальный пейзаж — похоже, что Хейденау в пиздеце; теперь вокруг равнина; поезд сбавляет ход...

Дрезден. Огромные своды вокзала, секундная стрелка часов с кольцом, как часовая. Вагон заполняется людьми. Голова плывёт, хочется жрать. В Берлине будем через два часа. Голубь с культями вместо ног — бойко ходит на культях, даже стоит, слегка опираясь на хвост. Нашёл сухую мандариновую корку, начал её энергично клевать. Ничего не отклёвывается, но он и не пожрать хотел, а покрушить, повоевать. Перед табло с отправление поездов иностранцы самые разнообразные, всех мастей и возрастов, с одинаковым стеклянно-бараньим выражением поднимают головы...

Томик Солженицына оставил в гостинице. Настольная лампа без выключателя загоралась и гасла от прикосновения к подставке и яркость менялась перемещением руки вдоль ствола. Постели в гостиницах становятся всё чище и чище. Кажется уже, что чище быть не может, но в следующий раз оказывается ещё чище, ещё белее. Видел как в телефонной будке молодой чешский торчок забивал косяк... Трава в круглой жестяной коробочке, такую в ботинок не спрячешь. Меня охватило желание подойти к нему купить или отобрать силой потом послать к чёрту поезд, конкурс, вернуться в тот

же тридцать восьмой номер гостиницы и накуриться, наконец-то накуриться в жопу! Уже четыре года я не

По всему вагону странные громкие скрежеты. Третья девушка слезла с третьей полки, роется в сумочке... У неё тонкие, ловкие белые пальцы... Мы где-то снова остановились... Ольденбург... Выхожу в коридор посмотреть в окно... Без меня им комфортнее, сразу начинают говорить друг с другом, включать и выключать свет, переодеваться...

В коридор выходит лихой французский негр, с ним парочка китайцев, они говорят громко, единственные во всём вагоне, остальные молчат, максимум — шуршат обёртками. Китаец фотографирует в окно офисное здание «Фольксвагена». Мимо проходит товарный поезд под совершенно русский стук колёс. Мне хочется сать, жрать и курить. Китаец продолжает тупо фотографировать в окно. Сверху две девушки говорят по-немецки. Наверное подсознательно мы понимаем все языки... У меня чувство что внутри понимаю все вчёсы вокруг... Девушка напротив похерила книжку, накрылась простыней и пытается заснуть... Как холодно... Все цвета вокруг поменялись от холода... Становится ещё и ещё холоднее. Обкладываюсь синим одеялом. Девушка пробует включить обогреватель. Без мазы. Maybe it's possible to close the door, говорю неуклюже смотрю на неё. Yeah, коротко, почти «я», соглашается и со второй попытки закрывает дверь. Сразу становится теплее и цвета снова меняются. Кажется мы в каюте корабля в далёком прошлом причём не первые сутки. Теперь она что-то жрёт, жуёт что-то сухое, закрыв рот, и я слышу глухое хрумканье и шуршанье и хрумканье и шуршанье и медленно затихающая серия глухих похрумкиваний... Мне становится тепло и уютно в синем одеяле. Справа от меня тёплый жёлтый ночник. Впереди бежевая шторка, из-под неё вывисает какая-то цепочка и, раскачиваясь, тихо касается серебристого косяка... Теперь когда стало тепло девушка напротив сняла кофту, положила обнажённые до плеч

руки поверх одеяла. Руки красивые, вижу боковым зрением и не то чтобы просто становится слегка жаль что никогда

Еду в Курск, остановка в Воронеже, захожу на автовокзал выпить кофе. Пятнадцать рублей — и мне достаётся низкий, кофейного цвета снаружи, серый внутри, пластиковый стаканчик. На дне порошок, лёгкий стимулятор и наркотик. Сам уже наливаю по вкусу кипяток из бака и немного сырой воды из-под крана. Зал, где жрут, в пиздеце: грязь на полу, хрень на столах... Прислоняюсь к стенке и потягиваю кофе. Рядом бабка, от неё за полметра несёт водкой и перегаром, глаза живые и ясные, голубые, умные глаза; разбитые и опухшие от бухла губы, одежда почти в порядке, примерно как моя, может если чуть похуже. «Молодой человек, у вас не найдётся два рубля». Лезу в карман Папиной куртки, где мелочь перемешана с клочками бумажек. Люблю мять и рвать в кармане бумажки, вертеть монеты. Высыпаю ей в рукавицу. «Ты думаешь, я на что собираю? На хлеб собираю? Нет, сынок! На чекушку собираю. Выпить хочу». «Да мне же всё равно, на хлеб или на чекушку». «Тебе-то всё равно, а мне не всё равно, и знаешь, почему? Потому что я перед Богом правду сказала, вот не вру что на хлеб, а как есть говорю, на чекушку... у меня сегодня подругу... убили. Мы с ней вместе живём. Я пьяная была. Под утро слышу будто что-то тащут тяжёлое. А она сама пышная такая. И два мужика. И сами же они, видать, и вызвали ментов. Потому что и десять минут не прошло, как менты приехали. Говорят, бабка, вставай, поехали с нами. Ну что же, говорю, поехали. Как привезли я говорю у вас тут тепло говорю может меня тут положите я посплю. Они говорят бабка ты что охуела а я говорю да охуела здесь тепло а я спать хочу. Лежу а этот их следовательно такой злой — с чего он такой злой? Орёт вставай! И давай меня ну как зовут там имя отчество адрес а я говорю я что ли её убила а он давай говори кто приходил. А я говорю я спала. Я пьяная была. Вы меня и разбудили когда приехали. А если бы вы не приехали то хер бы я и проснулась. Тут он меня по ебальнику как ба-

бахнет. Я говорю если синяк будет на роже то я завтра утром к вашему начальнику пойду это я обещаю. За что меня бьёшь? Он говорит иди отсюда! Я к остановке иду по стеночке. Смотрю он сзади — это — догоняет. Говорит ну чего идёшь-то? Куда идёшь? Я говорю на автовокзал. Он говорит ты к начальнику-то не пойдёшь завтра? Испугался! Я ему говорю я, говорю, не такой человек, как вы! А он говорит какой я человек? А я говорю вы сами знаете какой. Я вас не сужу вы себя сами знаете а я не сужу вы мне на фиг, так и сказала, на фиг не нужны. Он говорит ох теперь и за словами следишь-то! А я...» — тут вбегает невысокая крепкая чувиха моих лет: «Отпустили! Сразу отпустили!..» — и суетится вокруг бабки, не глядя на меня. Я иду на съяб.

Говорят, Обезьянов, играя эпизодическую роль в немецком мэппа-ремейке фильмов «Жюль и Джим» и «Земляничная поляна», увлёкся кислотой, настолько, что помимо психики загубил зубную эмаль, и ушёл в протестантский монастырь. Отходя и восстанавливаясь душевно после безумных трипов и жестоких последующих угрызений поверхностной совести, он бродил по дому, курил траву и ел сочные, сладкие пирожные, заляпывая любимые липкими книги пальцами. В спальне на полу его маленькая дочка Диана играла серыми Зайцами которые зачем-то гонялись друг за другом в ограниченном пространстве. При этом она хлёткими хореическими двустипшиями самозабвенно комментировала происходящее, не замечая отца, который, не решаясь войти в комнату и помешать девочке, глубоко воткнул в проёме, с пакетиком из-под пирожного и бутылочкой в повисшей деснице, левым плечом прислонясь к дверному косяку.

Шибко зайчик побежал,
А за ним бежит Хлорал!..

— декламировала Диана, выстукивая варварские дробы зажатыми в пухлых кулачках истрёпанными Зайцами по издавна неубранному, всему в крошках и пепле, ковру Обезьяновской спальни. Олег прислушавшись уловил отголоски

книги «От Двух До Пяти». Он спросил: а почему Хлорал? Он ждал любого ответа кроме который получил от дочери.

Она сказала: «А, это же принц с глазами мотылька, одно из имён которого — Хлорал, папа.» — и вернулась к Зайцам как бы то ни было, то есть, я хотел сказать, как ни в чём не бывало.

Египетская книга мёртвых оккультно рисует посмертные встречи души умершего с «богами» в образе тело человека голова животного о чём толкует и Серафим Роуз. В седьмой главе книги «Душа после смерти» он пишет: «Четыре священные обезьяны, богиня-бегемот, разные боги с головами собак, шакалов, обезьян, птиц и т.д.» не упоминая ни мотылька ни его вариации — червя. Полифоническая пурга не господствует в воздухе, скорее позёмкой стелется по асфальту. У каждого мотылька много имён. Данте Габриэль Россетти пристрастился к Хлоралу ненароком. Тихо голубой холодный мотылёк посетил его грязное изголовье. Другой стоял на глиняных ногах, бессмысленно не мигая фасеточными глазищами, похожими на две симметричные опухоли. К ним хотелось прикоснуться. Кристина протянула руку, чтобы включить свет; рука повисла на проводе, провод порвался. Затем, на 56-м году жизни, он обратил своё внимание на невидимый мир и за последние 25 лет жизни создал огромное количество религиозных произведений, описывающих небо, ад, ангелов и духов — всё это на основании собственного опыта. Серое небо и в нём яростный полёт одинокого мокрого голубя высоко над крышами Курска

Движение всем телом будто перекатываюсь по матрацу и в тот момент когда тело увлекается волей резко делаю встречное движение пытаюсь оказаться внизу с другого бока и увидеть себя со стороны, сверху, и при малейшем несовпадении себя с контуром тела, потере чувства уверенности в том где сейчас каждая рука и нога, легко встать и открыть глаза! У меня получилось с первого раза. Я остался на матраце внизу. Поверь, телесные чувства, особенно зрение и целостное чув-

ство куска действительности в пространстве и времени чуть до и после тебя, сильно проигрывают в теле. Новое зрение минут на десять всецело захватило меня. Ничуть не напрягаясь я мог с нескольких метров рассматривать мельчайшие детали поверхностей, например пола или стен, как если бы я с трёх сантиметров в большую чистую лупу выфишкопучился на них, причём внимание к частям даже не оттеняло восприятия целого. Я видел сразу всё, и это не было навязчивым, как гапишное всеслышание, или избыточным; это было так прекрасно! Тотчас Джазов, выпростав полый жгутик, сделал инъекцию мне в тело, чтобы я дольше спал. Ничуть не ощутив укола, я почувствовал перемену состояния сознания, поскольку... ..жгутики, усики, ложноножки, хоботки, клычки... арсенал внечеловеческой плоти... Я отвернулся в окно, и меня поразила красота внешнего мира в её зримой целостности... он выступал с фасеточными глазами и рваной раной на спине... Мы должны гордиться и радоваться, что у нас одна личность, одно имя, одно лицо. Мы этим постоянством напоминаем светлое всё светлое и сам свет. Уже в пурге, которая ещё не ад, много имён, на то она, как известно, и полифоническая.

А если заглянуть дальше, увидишь буквально роение имён, и жужжащее роение каждого имени внутри себя.

— Срезать грибы, а не выкручивать! — откуда ни возьмись подскочил ужасный уполномоченный Президента Российской Федерации по правам грибов... Молодой высокий белобрысый парень играл на саксофоне, седое обезьяноподобное существо сидело за ударной установкой, ещё были басист и гитарист. Джазов освоил клавишные. Ему выкатили Steinway, углом к нему Джазов поставил синтезатор и играл попеременно на обеих, так сказать, клавиатурах, играл стоя, наклонившись, причмокивая от удовольствия и переминаясь с ноги на ногу, как кот. Джазов мял плечами, поддёргивался и пританцовывал. Откровенный эротизм его кошких жестов

удивил меня, я с кривой ухмылкой смотрел как седой мотылёк топчется в такт джазу...

Переверзева ушла на экзамены. Я остался один с девочками. Потом пришёл Авдеев. Потом пришла Полина с зелёным длинным платьем на вешалке, искала куда повесить. Аня: «Мне мама говорит музыка это хобби. Я не люблю институт не люблю математику хотя я её понимаю но не люблю. Мы учимся на бухгалтера. Если хорошо устроиться то это кусок хлеба. Кусок хлеба. Главбух в строительной фирме получает шестьдесят тысяч. Интересно а сколько зарабатывает Джазов?» — я встрепнулся сознав что теперь под видом музыканта поркый мотылёк навязал своё существование целой куче жбышных. Джазов был посредственным ипостасцем, но блестящим аватарником, ему всегда удавалось удачно протащить себя в мир, но толком явить своё рыло людям он так и не сумел.

Полина с презрительным интересом слушала наш разговор с Аней. На ней бежевые джинсы, тёмная простая кофточка. Мне нравится её одежда, интонации её голоса. Со взрослыми надо говорить на их темы. Со взрослыми надо говорить о деньгах, о любви. Я радуюсь глухому увлечённому и мутному оживлению в глазах и рыле каждого в Курске взрослого с кем перехожу в разговоре на тему денег, потому что это здоровая болезнь, крепкий абсурдный приоритет и спасительная слепота. Взрослые спасаются погоней за деньгами, это их аскетическая лестница, дисциплина духа. Деньги красивы. Получать зарплату приятно. Увидеть в окне банкомата, простом, как желанный для взрослого мир, обновлённую сумму отпускных с нулями и нулями, а в конце мелочь как последнее содрогание финансового восторга бюджетников — тепло и чистая радость для сердца, хочется делать ближним безопасное добро, покупать им невинные подарки, поддержать детей в их нелёгкой учёбе, родителей в их ответственном одиночестве. Полина пыталась воткнуть вопрос вешалки за чугунную стенку шкафа, но выскальзывал. В шут-

ку высокому Авдееву пару часов подержать, но, её чарам неподвластный, даже со стула не встал. Наконец, присобачила куда-то и вышла дальше освещать своей болью другие жизни, там где спичка слегка в поту от пальцев, где уколом огня чувствуешь её силу перед окончательным превращением в кривую лёгкую сухую чёрную запятую.

Деревья готовы, я думаю. Они застыли в ожидании. Музыка не прекращается. Сегодня в очередной раз переводят стрелки часов на летнее время. Вчера российская фигуристка провальнo откаталась на туринском чемпионате, а почему? Во время выступления муха влетела ей прямо в рот. Хорошо бы допросить эту муху насчёт обстоятельств смерти последнего псевдопасечника (Вчелбыза Щебсшана). Может быть она что-то знает и о Двадцать третьих полифонических чтениях (последних). Он принёс безопасных людей в коробочке. Об этих людях можно говорить правду любой степени глубины, искусство не будет условным, жизнь будет победена, и тотчас он упрекал себя за доброту и гордость. «Если я слушаю музыку, она меняется; а если кто-то за стеной, то один и тот же эффект — часами! Не говори мне о реальности других» — его любовь была страстным желанием бесконечно останавливаться у порога, ему понравился рассказ о границе Шварцшильда, сама фамилия и щебсш в ней, хотя он и не стал, к «моей» лёгкой горечи, коллекционером щебсшей. Смех в пустоту, и одиночество, вслушивание в тишину, проверка ящичка мышиными пальцами, он и сам думал о них: «вот, у меня мышинные пальцы» и не пострадал до конца, был готов платить любую цену за свою тайную бесчувственность, боялся Бога, который, как ему казалось, не преминет ударить именно в эту точку. Долго нужно ждать, пока будем вместе естественным путём. Часть вечности равняется вечности, так что ждать придётся две вечности, пока умрёт всё, что живо сейчас, и пока сложится и сбудется всё, что будет после всего. Он собрал маленьких людей в коробку и повесил коробку на спину. Такого картона сейчас не де-

лают. Одна из игрушек была вековой давности. Их особенное очарование во многом означает лишь то, что нас отвергает наше собственное время. Как думаешь, она врёт про муху? Сочиняет? Это как если бы на конкурсе Чайковского пианисту залетела в рот пчела или шмель вот играет он концерт Чайковского пассажи сложные от старания рот невольно приоткрылся тотчас влетает небольшой, *txim arim*, солёный шмель. Сладкая муха. Горькая пчела. Обычно к насекомым не просятся вкусовые прилагательные, но если уж муха влетела в рот, то самое время оценить её на вкус. Пианист набрав полную грудь воздуха через нос выплёвывает с треском вылетающей пробки шмеля в рояль где он звенит о струны стряхивая слюну уворачивается от молоточков ползёт по позолоченной стенке поводя усиками оглядывает зал а зал с людьми не поле с клевером однажды я засунул муху в рот чтобы удивить какую-то девочку тем как у меня муха вылетает изо рта потом я ещё жрал мух в период временного помрачения рассудка: я вообразил себя котёнком. Видишь ли, мне казалось, что жизнь котёнка по сравнению с человеческой необычайно легка. В частности, не нужно ходить в школу.

У неё были красивые белые руки, длинные выразительные пальцы, длинный хвост и светлые, умные глаза, и также редкое среди взрослых качество пьянеть не мрачно, а вдохновенно. Она любила дочку и курить на кухне в окно. Тем не менее оставила в телевизоре разрушающий канал и каждый день давала дочке подолгу его смотреть. Сама смотрела его не больше десяти минут в день. Что поделаешь, многие люди сотканы из милых сердцу противоречий...

Вернулись времена шахидов-смертников. Сегодня в метро снова взорвались люди, как тогда, помнишь, мы ещё жили в Москве, в переходах и в рукой подать от Кремля, ещё позволил тебе узнать всё ли хорошо, не коснулась ли тебя вся эта хрень, а теперь и ты и я далеко от столицы и вряд ли взорвёмся в метро... Двадцать человек. Люди разлетаются на куски, и, если мы не покаемся, все так же погибнем. Всё как в

начале светлых нулевых. В метро толпы, перекрыто. Проехать три-четыре остановки на такси — тысячи, тысячи, озлобились — бомбилы наживаются на беде! Показатель бесстыжеского времени, оскал стяжательства, разобьём им лобовуху, отхерачим зеркала. Если бы вы знали, какие времена и какие оскалы у вас впереди... Навар и неразбериха; публикуют ложные списки погибших, затем настоящие. Президент пьян и это рекламируют. Никому так не выгодно взрывы в Москве, как нашей власти. Одни гайки в поясах шахидок рвут нас на куски другие власть закрутит вокруг нас и мы скажем спасибо ведь мы боимся террористов и хотим порядка и безопасности а свобода нафиг она нужна и демократия паршивое смешное слово что за младенчество мы все за вас да и зачем нам вообще выборы вы сами договаривайтесь а мы вас поддержим. Неофициальный, печальный, чрезвычайный, друг народа обещает найти и уничтожить и жалуется, что людей не вернуть. Среди кусков мяса, налипших на сумки, разорванных челюстей, людей перепачканных в крови с мозгами, обтирающихся, отряхивающихся и идущих на работу, один хрен идущих на работу, среди озверевших ментов

Всё затихло и мир поник вечером Страстной Пятницы дождь остановился на чёрной коже чугунной ограды зелёного храма троллейбусы медленно танцуют на площади

Храм стоит высоко над церемонным траурным танцем троллейбусов номеров один и семь. Как хорошо кофейный и красный цвета обёртки передают вкус батончика внутри неё! А роза может говорить о чём-то простом и насущном, как сама жизнь. Ложка, вилка и нож лежат рядом, как будто предлагают мне свой истинный смысл. Знаешь, иногда любящим не дано прозрения в душу любимого. Никто не обвиняет никого полностью. Чудо не становится законом. В руках Николая холодный благородный пластилин слов. В устах они чистый свет. Кто видит их в устах? Кто сознал усталость твоих дёсен? Кто познал твоё небо? Кто полюбил

твои усы? Солнечный пушок в отчаянном отрицании и воля под дождём, тогда тоже была такая весна! Я помню тот холодный дождь и серое, светлое небо! Приговор! И конец! Всё с тех пор уже кончено, уже надрыв и притворство, что также не умаляет ценности, вообще всё ведь прекрасно, тогда, под зонтом, у хлебного магазина. Но мир не почернел, ничего не поблекло вокруг, полнота жизни оставалась со мной, я никого тогда не убивал и поэтому красота осталась в каждой капле, да я и надеялся что ты не сможешь лишить себя и меня но у тебя была огромная жизнь впереди и ты сумела. Голый. Весь мир голый. И его будут больше бить но смотри духом и осознаешь. Это целая сумка достопримечательностей и альбом предметных молитв. Где невинный, там обвинили, там наказан, а где виновен, там молчали с презрением и я пошёл дальше. Время было близко, и пророчества сбывались дословно. И не под аплодисменты он это совершал... Не под овации... В этот момент меня что-то тронуло и я запомнил это навсегда. Старого здания уже нет. Мы переехали в новое. Общение с природой сократилось. Ни тебе ветра, ни глины под ногами. Правда хотя бы в виде критерия. Кто таскал из кухни сало, у того хороший слух. Учёные приравняли скоромную еду к наркотикам. Страх оскоромиться, страх оступить, испачкаться, страх вместо радости, вечная слезка и рёв гоночных моторов в сливе ванной, вот ещё о чём вспомнил, а как же, о том, как женственно её мужество, прекрасна решимость, как хочется отдать ей всё, а он, стоящий рядом, вдруг делает глупое лицо и тупо, как муха в подъезде, говорит о том как именно он сумел её сочинить. Неужели я больше никогда тебя не увижу?

4.

Выносят из-под огня... Аккуратно кусает себе руки... Треугольный взгляд нелепо катится... Вы можете поспать, бросает... не глядя... Вялый низкий огонь вдалеке... Теперь идём на огонь, как если бы землю наклонили... Его бросают... Но силки врезаются в жидкую грязь... Медленно тянет руку к животу... Вдруг весь падает... Вот и всё учение... Ничего не вспомнил... С отвращением... Вся эта грязь... И откуда может быть столько пота... Когда так холодно... Валится рядом, и вытираю тёплое с лица... Это даже не кровь... Меня сбивает с ног... Повезло упасть там, где больше снега... Не хочется вставать... Все несутся мимо... Никто не обратит внимания... Смотрю на тех, кто падает... Только на тех, кто падает.

Родилась двадцать восьмого марта... Сидел за столом тёмного дерева... Писал на бумаге цифры без цели... Встал, задел чернильницу... Отдёрнул руку... Медленно к окну, смотрел на спокойный, тихий дождь. Белый кот... Быстрые громкие шаги... Прямо над головой... Пальцами к оконному стеклу... Заснуть, хотя бы на пять минут... Распахнулась и хлопнула дверь... Положил голову на руки... Душно, вокруг по-немецки... В шестом ряду партера, хорошо видна сцена в тёплых цветах... Девушка с тонким лицом коснулась его коротким одобрительным взглядом. Америка и восстановление России... Чистым платком пот вокруг глаз... Спокойно молчал и казаться намного старше... Всё хорошо, радуется, не устала, торопится, ступени скрипят... Его руки на спинке кресла впереди... Они же и у него под головой, на столе, за текли...

Электрический свет вспыхнул ярче. По потолку проносились тени. Отошёл на два шага вглубь и медленно поклонился. В эту минуту через три ряда встал человек... Выкинул руку с револьвером и выстрелил в сторону сцены... Взял револьвер уже двумя руками, прицелился и снова выстрелил... Стоял растерянно, не думая убежать... К нему снизу подполз толстый человек, повалил его на пол. Встал и полез вперёд, надеялся отнять револьвер... Сам полез по головам и плечам... Выбрался на трибуну... Выстрелил почти в упор... Что-то мешало встать... Смеялся и не отпускал... Подбежал и ударил по руке с револьвером... Встал и вытянул вперёд маленькую блестящую коробочку, будто предлагая портсигар... Вскочил и выстрелил не целясь и эта пуля наконец нашла... Тотчас, как кукла, сложился к ногам... Во все стороны... Отстреливался... Люди падали... Тронула его плечо, посмотрела...

Темнота за окном долго стучалась и этому казалось не могло быть конца внутри времени. Не слышали тех звуков, которые успокаивали их больше всего, не замечали... Вывели... Не вывели полностью... Статьи соглашения... Руками куда-то в белый воздух... Приносит лампу. Свет мерцает, потом ровно... Отец под впечатлением сна. Ему хочется сказать... Сердце стягивается, в кошельке со шнурком, руки тяжелеют... Не говоришь, их как будто нет...

У матери голос напряжённый неестественный она никогда не говорит искренно. Отец оживает когда говорит об отвлечённых вещах но чем важнее слова тем безжизненней голос... Быть везде куда бы ни падал её взгляд... Все расходятся... Стол убирают...

Его ставят только, если две семьи ужинают вместе

У них всегда есть время друг для друга

Они всё чаще вместе

У неё честный запах... Старый... Внутри узора на ткани, он вид сверху на тёплый лабиринт... Они молчат вместе... Огонёк лампы притягивает внимание... Год в постели... Научилась читать... Задуматься над формой мысли положив книгу на живот

и глядя в потолок... У неё своя воля, и она живая. Вдавливала в подушки... Читала, наклонясь сверху... Все они похожи друг на друга... Желание быть похожей на неё проходит... Проходит и желание нравиться ей... смотрит... спокойно... послушно опускает... глаза встречаются... страницу, заложенную голубой шёлковой полоской. Мировая война. За окном деревья без листьев поднимают нарисованные руки к белому небу. Замечает... На рукаве платья, смахивает резким жестом... Как смотрят в окно, как протирают пыль, руки на столе — всё говорит о скорой смерти... Запирается и сутками не выходит из кабинета... Больше всех страдает бабушка... Даже её запах меняется... Одна в своей половине дома... Не хочется входить, особенно, когда говорит с призраками, чаще всего с одним... Все сидели вместе внизу, молча, но всё-таки вместе, над столом кружился мотылёк, потом упал на скатерть и полз, и тут бабушка закричала так, что действительно... уже сидела без движения, и в глазах одно стекло, как игрушечный лёд из стекла в кукольном доме, тёплый, бесцветный

Ранняя весна... Пустых полей, садов... Машины, которых раньше немного, теперь повсюду, чёрные, раскалённые под солнцем... Подавлены свободой... Хотелось петь, нужно было идти... Везде в доме электрическое освещение... Замерла, прижавшись к ветке, смотрела, как двое цыган... Подвесить над костром чёрный котёл... Переходить через дорогу, даже просто выходить посмотреть, и тем более играть с цыганскими детьми — строго запрещено... заставят делать страшные вещи

После запрета только и делала что забиралась на старую яблоню и часами смотрела на цыган. Отец, может быть, совсем не отец ей, мать уж точно ей совсем не мать, среди цыган она станет своей, примут её в яркие краски, разговоры у костра... Мать возвращалась с собраний заряженной против цыган и наэлектризованной «выслать из страны... хватит нам уже отбросов со всего мира» гордился тем, что сохранил работу

У матери есть недостаток, слабое место: с ней можно говорить логически. Отец это использует. Переходит в наступление. Хочет знать, о чём они говорят на собраниях. До сих пор не выросла и хочет жить в сказочном мире... Спокойно доедает яичницу, вытирает тарелку кусочком хлеба и съедает его — новая привычка. Цыганка в длинной цветастой юбке бросает какую-то смятую бумагу в костёр.

Сравнила себя с другими детьми в классе... Увидела себя красивой, сильной... Быть красивой на сцене... Живительный, трагический, искрящийся свет... Трудно поверить, что такой глубокий мрак не под ней и не сверху, а впереди... Прекрасно справилась в первый раз, без волнения, на подъёме, в каком-то светлом одиночестве... Ей не нравились люди из тени... Только те, кого видно всегда. Слушать разговоры, слушать смех и смеяться. Её смех был теперь другим... На занятиях по актёрскому мастерству её научили смеяться.

Что-то в ней готово было подняться навстречу этой странной музыке... На репетицию на велосипеде в голубом платье, в котором её руки совсем открыты. Приезжает на грани опоздания. Всегда лучше сразу к делу. Говорит, не глядя на неё — этого не видно из зала, но ей это заметно... На окно — это кусок картона с четырьмя кривыми отверстиями который висит на стене... Уже ночь. Ещё позже мир сомкнётся до размеров дома; утром возникнет новый мир с другой погодой, другим небом и солнцем, а каждый дом впитает в себя прошедший день и каждый человек в нём станет на день старше. На улице никого нет. Она раньше никогда не видела эту улицу в темноте. Фонари горят ровно. Незаметно начинается и тихо идёт дождь. Капли касаются открытых рук. Дорога становится чёрной и блестящей. В ней стало меньше или больше света? Дождь уже на лице. Ей

На самом деле я не слишком любила театр. В нём много натуги, фальши. Трудно на сцене быть естественной, пытаться переживать настоящие чувства, одновременно производить эти выпренные, громоздкие стихотворные строчки.

Человек просто не может говорить ничего похожего. У Максвелла Андерсона были строчки которые я помнила потом десятки лет, именно из-за их неестественности они врезались мне в память. И я не скучала по школе на каникулах. Хотелось как можно скорее уехать из дома. Родители стали ссориться чаще, под конец это была одна непрерывная ссора со своими приливами и отливами, со своим содержанием. Хотелось уехать от матери. Вырвать из себя всё, что во мне было от неё, похожего на неё. Это, конечно, совсем не удалось. Лучше получалось развивать в себе то, что ей не нравилось. Она не любила искусство сверх меры — тесной, спартанской меры — может быть, картина на стене, желательно реалистичный пейзаж, и без глубоких мыслей, сильного чувства — сходить в кино раз в месяц — ну, или раз в две недели; и никакой музыки. Я заставила себя любить джаз, классическую музыку, рисовать и читать. Насколько драмы в стихах неуклюжи, настолько сами стихи могут быть живыми — особенно в современной... Всегда верила в переезды, в перемену мест... Первый раз труднее всего. Мне удалось получить стипендию — поехала в одном платье, другой одежды у меня не было.

Искала работу. Взяли в страховочную компанию. Добираться долго, но платили неплохо. Говорил только о себе но в то же время умел забыть себя и полностью отдаться чему-то увлечься до самозабвения. Глаза печальные испуганные всегда живые. Большие спокойные руки. Мне было тепло с ним. К тому же, читал мне стихи, я влюбилась в него. Он был полной противоположностью моей семье. Нам казалось, что мы всё можем. Свободны от того, в чём увязли другие. У нас получится то что у других так и остаётся в детских мечтах. Мы были очень смелыми. Мы решили пожениться и уехать на край света. На север. Когда я сказала ему, что беременна, он спокойно ответил что пионеры рожают детей в полях, берут их под мышку и шагают дальше — с оптимизмом и нежностью — сказал, что всё хорошо. Я никогда не

хотела видеть его насквозь. Не хочу быть с человеком, чьи мысли и чувства я понимаю полностью.

Мы поселились на просторной улице в одной из тесных квартир старого кирпичного дома. Прямо напротив нас католическая или православная церковь в которой кажется был только один большой колокол с незабываемым звуком начинал мерно бить и всё вокруг как будто каждая вещь в доме впитывали слушали этот гул вздрагивала каждый раз когда начиналось по спине рукам шли мурашки такой древний и человеческий звук. Должно быть, он очень сближал тех, кто посещал церковь. Мы туда не ходили ни разу.

Мы вместе записались на вечерние курсы живописи, стали ходить сначала вместе, потом я ходила одна. Все старше меня, взрослые, с бородами, кажется у них курсы были средством для решения проблем не связанных с живописью эти взрослые люди в длинных пальто, худые, с тревогой в глазах, рассаживались вокруг цветка в вазе — или нескольких цветов — и с серьёзным, надутым видом чертили что-то на бумаге, пытаясь перенести на неё цветы...

Началась война.

Сначала мы писали много писем друг другу. Он хотел знать всё про сына, все подробности, каждое новое движение, слово, и... наши дни поминутно, пока... иногда по два письма в день. Прекрасные письма. Хотела... стать холодной... в то же время читать его письма с упоением... в начале войны с трудом могла... его с его письмами чувствовала что пишет не мне другой несомненно любимой — не так как он любил меня — любимой отчаянно

Я стала холодной — похожей на мать... война изменила его... он не смог бы вернуться ко мне... я не была ему нужна... ему нужен был сын, его будущее, может быть, его чистота, я не знаю. Мне не хотелось продавать... как-то использовать эти вечерние курсы рисования... нашла работу — чертёжником... ничего не знала о черчении... не уволили, а отправили на чертёжные курсы... повышение квалификации. Точнее,

приобретение квалификации. Поселили в общежитии инженерного колледжа. Соседка — вялая молчаливая блондинка, и её тоже... Целыми днями сидела дома. Она не ходила на занятия, выходила только на балкон, чтобы выкурить сигарету. Она мне нравилась, но по выходным мне было трудно целый день сидеть напротив неё и молчать.

Обвинять меня во всём на свете... Их сын ищет смерти, потому что я разлюбила... это самое глупое что я слышала за всю свою жизнь... Он намного лучше человека способного намекнуть родителям что ищет смерти... Тем более там где люди действительно умирали.

Бумага... не совсем обычная, будто с лёгким пушком... кто-то оставил лист на подоконнике. Я решила испортить его и стала рисовать на нём акварелью большие пятна и смотреть как они расплываются, перекрывая друг друга. Мне не было особенно плохо, но... смотрела издали на... слёзы становятся частью картины... смешно от сентиментальности, безвкусия того, что происходит... смеялась и продолжала ставить пятна... чёрный расплывается под конец получается просто чёрный... подставила кисть под струю воды сама умылась привела себя в порядок... синим будто первый раз видела синий цвет...

Он в тот день подстриг волосы, лежали ровно, ботинки блестяли. Он закрыл кран, потому что я его не закрыла. Подошёл ко мне, посмотрел на картину. Вся толпа разноцветных пятен, синий преобладал. Он это угадал и сказал, кажется, синий побеждает. Спросил, как мне — вообще — нравится современное искусство? А что это такое? Он вышел и через пять минут вернулся с альбомом репродукций Матисса. Где можно научиться так рисовать? Хотя бы — кто в этом хорошо разбирается? Он познакомил меня... после курсов я... хорошо платить. Я стала приезжать к сыну с подарками деньгами — чем больше денег — тем тише разговоры о том, что их сын ищет смерти. Когда закончилась война, мы переехали в... Ему всего сорок пять, мне уже двадцать три... заби-

рала сына... мы заходили в магазин... холсты... краски потом шли... держала за руку... он спокойно смотрел... перед собой вниз он любил смотреть на землю на помосте стоял толстяк в роговых очках и ковбойской шляпе, играл оркестр, а он под музыку, припевая, говорил толпе, когда что делать, когда кружиться, когда меняться

...чем ему было нужно, висела на нём, как мешок, а он был очень счастлив, больше, чем хотел показать, и я хорошо запомнила тогда его глаза...

Лекции... частные уроки... на работе меня ценили... зарабатывала больше заслуживала... Там считали тихой, кроткой, исполнительской, каким-то, может быть, азиатским типом женщины, в то же время считалось, что у меня есть амбиции, которые поощрять. После работы рисовала, каждый день три-четыре часа, тесная комната, картины чуть не друг на друге, не хотел, чтобы кто-нибудь из его друзей увидел мои картины. Часто устраивал вечеринки, приглашал художников, начинающих, имеющих вес, посредственных и гениальных... познакомил его с... привёл в наш дом... приходил ещё, кажется... много молодых людей которые потом занялись другим или ходили с высокими бокалами в руках по деревянному полу, который мы красили в серебристо-серый цвет, трепали волосы... среди них полностью расслаблялся... смеялся по-другому его ноги иногда начинали... от избытка радости... обычно перед вечеринками развешивал по стенам свои новые картины и пытался понять, насколько они нравятся гостям.

А мои — лежали в маленькой комнате наверху, мне и в голову не приходило, что в этом может быть несправедливость... Когда мы уходили, оглянувшись, почувствовала взгляд... он играл совершенно сумасшедшее смотрел мне прямо в глаза... Потом мы разъезжались по домам на такси или если с деньгами... портрет молодой женщины... закончила когда до прихода гостей оставалось... белом платье, очень свободном, плечи... поникшие чуть розоватый кожи невинный больше

мудрый очень открытая — беззащитная даже в своей агрессии — фон мерцающий серый переходящий в синеву нейтральный приятный цвет образа три стороны. Во-первых, то, что было на фотографии в журнале. Во-вторых, то, что я хотела в неё вложить. Наконец, то, что я в тот вечер чувствовала, и это было сильнее всего... достаточно светлый... в комнате наверху совсем не было места.

Подошёл посмотрел и сказал — замечательно — даже помог мне повесить картину... Наши взгляды встретились... Готов был сказать что надо наверху перед тем как гости. Или он ждал, что я это скажу. Но мы оба промолчали. Должны были только собраться у нас потом клуб сделала кофе смотрели каждый из заходил к нам в тот вечер долго смотрел на мою работу и поздравлял его с самой лучшей из когда-либо написанных им картин. В первый раз помрачнел, во второй помрачнел больше но улыбнулся поблагодарил он справился с собой... Никуда не поехали потому что все долго ждали потом оказалось уже поздно куда-либо ехать мы сварили глинтвейн зажгли свечи курили марихуану отказалась но который был обычно против таких согласился даже сигарет поэтому смешно набирал дым в рот и выпускал через ноздри когда гости разошлись он сказал, что я должна бросить рисовать. Я отказалась наотрез. Собираюсь стать художником. Крупная ссора... Не ссорились ни разу, но знала, что делать, мне это досталось от матери. Я моложе на двадцать лет и все люди с которыми мы общались были его друзьями — не моими — но я не уступила.

На стенах продолжали... Совсем не хотела снимать их и вешать вместо свои... Думала что в целом верно оценивал мои способности... Это не давало ему права запрещать мне... Всё продолжалось как раньше но уже другими глазами смотрела на знакомую обстановку. При взгляде на каждую вещь... Тоскливо продолжала видеть пользоваться в то время как этот отрезок жизни место время изжит и двигаться дальше. Проводила одинаковые дни утешая себя много работаю.

Гулять по городу в одиночестве чего раньше не делала никогда.

Жить — это значит постоянно быть внутри тех картинок которые рассматривает весь остальной мир.

Людей, шума больше с каждым годом... Но помню, как... В гостях... Остались на ночь... Все заснули... Не могла спать и решила почитать что-нибудь и позавтракать... Я тянулась к евреям, потому что моя мать их боялась... Голосом города был джаз остальные переложить сказанное джазом на язык своего искусства... Самое светлое расставание в моей жизни... Сказал художник из меня не получится подарил своих картин глубине рад что уйду. Несколько раз приходил занять у меня денег. Когда отказывала, не обижался, когда давала, возвращал, позже чем обещал но возвращал всегда. Впервые одна... Часы пустого времени, голос внутри... Но не любила одиночество слышать себя не показалось мне

Я стала приглядываться к тем, кому я давно нравилась... Узкоплечий, высокий... Пригласил меня в кино решила что это будет именно он. Взялся решительно... Увёз меня в Мексику... Познакомил с... Был другом... Так всё и случилось. Мы ехали в гости он вёл машину попросил меня чтобы не рассказывала тоже хотел быть единственным художником в нашей паре подумала дело во мне почему всё повторяется. Может быть смогу умолчать. Может быть. Не настаивал. Тогда уже вышел журнал с четырьмя полосами его картин и риторическим вопросом, не лучший ли он из ныне живущих

Я видела, как от поливальной машины, когда не разбрызгивает, только разливает воду, остаются по асфальту извилистые линии воды, в них яркие цвета рекламы на здании напротив, формально нет ничего живого... возвысил... те силы, что остались? ...вышли нас встречать, приветливые, смущённые, с глазами, как у актёров или совсем молодых людей... не был таким естественным, как они, пытался выглядеть уверенно, и хотя у него, в общем, получалось, мне показалось что должны или могут вдруг увидеть его моими глазами тогда

мне станет стыдно за него. В её картинах очень много мысли... постоянная работа мысли... будничная забота, усиленная до степени очищения... уверенная, сильная композиция... ясность мысли, сочувствие, вживание в мир, но тревога — ясная тревога... сказала, что мне стоит увидеть. Когда ты первую, я. В его день рождения двадцать восьмого. Я тоже родилась двадцать восьмого. Января. Марта. Две-три минуты мы молча. Потом встала. Пойдём, она сказала, ты должна увидеть.

В большой светлой комнате на полу лежал законченный холст. Всегда было трудно поставить последнюю, но сейчас я видела, что картина закончена. Если у неё и было вообще начало и конец, потому что огромный холст дышал, двигался, казалось, то расширяясь, то снова сжимаясь, переводя дыхание после собственного появления на свет. Ничего более человеческого в абстрактном искусстве я не видела. Я хотела подойти ближе, но не могла. Что он делал на этом холсте? Как будто умер и воскрес на нём... Картина не говорила о, но была. Это шаг на территорию ещё неизвестного нам искусства, и не могла сопоставить картину с человеком, видимо, недавно ещё работавшим над нею, который только что, хлопнув моего третьего мужа по плечу, повёл его в бар выпить чего-нибудь чёрного. Цвета самые простые: чёрный, белый, ржаво-рыжий, матово-красный и зелёный. Эти цвета брошены в холст, он исхлёстан, ранен, бичевали, пробуждали, пронизывали разрядами, разбегались волнами, печаль, ярость, отчаяние, неукротимая энергия. Заставила себя сдвинуться с места, подошла ближе, почти наступая на холст. Чувствовала если коснусь его может ощутить прикосновение настолько живым растерзанным хаотичным будто ещё дымящимся

Оставил стенограмму будущего единства с миром, не после, вне смерти, над ней. Оставалось мгновение, хрупкая красота просвечивала сквозь мощь. Ходить вокруг картины, и ритм моих шагов казался банальным. Подумала, как собирал-

ся перевести картину в вертикальную плоскость? Думал ли о том, что у неё в восприятии появятся верх и низ, когда швырял линии цвета в холст, вероятно, со всех сторон.

Её лицо выражало радость и возбуждение, она почти счастлива видеть, какое сильное впечатление произвела на меня картина, просияла, сейчас так подавлен, сказала почти весело, а молодые художники совсем не приезжают к нам, смотрела вниз, изредка поднимая взгляд и встречаясь нервными, блестящими глазами.

...похожий на слугу в старой комедии... если картина подвигалась хорошо, шампанское... жалких прожектора... пот на лицах... не хотела труда, только исчерпывающей лёгкости... месяцы размышлений, не только озарения... создать на холсте бессмыслицу, хаос... постепенно вносить порядок и свет, выстраивая... восхождение, блуждание... на завтра, глядя на неё при дневном свете... принималась за работу снова... говорили о слащавости красок. Избегать отдалённо сладких оттенков. Никто не поверит серьёзно работаю отдаю себя. Женщины... легко остановиться, привести в порядок, подсахарить — готова. Много раз и в разных, в основном мужских, компаниях. Когда услышала впервые перевозносил мужчин за битвы с картинами хотела встать и кричать сидела молча и улыбаясь в одиночестве

Никому не известный безумный художник с юга испортил несколько изрезал написал ругательства на нескольких языках. Перевела русские не слышала с тех пор. Остальные или же их просто не существует. Завидовали настоящий, не подстроенный, скандал. Мощь работы агрессивной реакции. Мрачнее тучи, хотя сам просил не стирать до конца выставки надписей со стен, картины просто заменил другими

Посмотрела беззащитными глазами. Я знала, что он любит меня, это была одна из главных радостей моей жизни. Синее небо, золотое солнце к вечеру и сильный ветер. Отпустила змей и сразу вверх, проваливаясь, раскачиваясь и трепыхаясь. Постепенно всё выше, разматывая, заки-

дывая шею назад и напрягая глаза, на что-то ногами, не глядя вниз. Не спутались, мы все отошли далеко. Порывистым, резким, скрылось, полетели мелкие бумажки травинки мусор, облака приблизились, издалика молнии, шумел гром. Порывы ветра с каплями дождя по нашим лицам; несколько сорвались и улетели кувыряясь; другие резко вниз и с силой ударились о землю, разломав себя и разорвавшись на куски. В тёмно-сером, почти коричневом небе над нами гром; как тонкая трещина сверху донизу молния. Неподалёку повисла другая долгая светло-сиреневого цвета распалась на короткие отрезки, точки, исчезла оставив оглушительный со всех сторон

Засмотрелась на молнии и только пальцами руки, сорвалась с бечёвки. Поискала глазами в уже чёрном небе и не нашла. Тёплый дождь и несколько упали на землю. То короткие, конвульсивные, то более долгие, тёмные, неторопливые, молнии. Я видела, как ветер разорвал змей прямо в небе среди дождя и рейки с обрывками бумаги бессильно упали к её ногам. Смеялась. Трава поменяла цвет под дождём. Вскоре все змей погибли. Радовались и кричали бегали под дождём собирая обломки промокли... Мне кажется, многие из нас в тот момент были счастливы. Сидели за большим столом без скатерти, в окно бил дождь. Темнеть, в кафе загорелся свет. Вытерла лицо салфеткой. Забрала из школы и отвезла домой. Подавлен, лицо искажено, отвечал невпопад.

Отец хотел забрать его. Ничего не вышло с пианисткой из Голландии, если существовала в действительности. Вернулся и теперь собирался забрать сына. Ковырялся в цыплёнке с рисом, но почти не ел; когда встречала его взгляд, в нём страдание и растерянность. Я просто не знала, что ему сказать. Надела серую длинную юбку и белый свитер. Мои волосы высохли. За мной заехал и мы на такси. Молчала и он молчал и благодарна за это. Подождали полчаса до начала концерта. Руки порхали но лицо. Тяжесть лица спокойствием, лицо ожило но тяжело дышал а потом и дышать легко.

Приехала домой, плакал. Без конца, пока не заснул, уже под утро. Я слышала, как под одеялом он, укусив подушку, или просто сжав зубы, рыдает и моё сердце разрывалось и у меня для него не было слов утешения. Это была его трагедия.

Натурщицей в колледже... Гольшом перед стайками студентов, почти дети, смотрели больше на свои карандаши и краски, чем на меня. Тогда уже выставялась, большинство преподавателей видели мои картины и не в восторге. Не любят авангард. Спорил со мной, нападал на абстрактную. Высокый, рыжий, с бегающими глазами, пружинящей походкой. Даже симпатичен, но мои картины не нравились ему. Отрицал всё движение, за глаза... шарлатаном, говорил, что... рисует его ручная обезьяна, со мной чуть более вежливо, но постепенно увлекался и начинал ругаться. Наконец, разглагольствовать прямо во время сеансов пока позировала обнажённой ходил от стены к стене и критиковал мои картины. Мне смешно и странно в такой ситуации однажды поймала его взгляд и он густо покраснел. С тех пор избегал о моих, но продолжал облаивать остальных.

Тридцать в месяц за свою студию потом скостил ещё два за уборку крыши спортзала. Чистила крышу от голубиного помёта подметала в пустом не нужном никому. Вскоре арендовал этот зал и писал там на заказ для нового ресторана. Зал ресторана был по размеру точь-в-точь как этот спортивный зал. Видела приходил и уходил работал сутками и становился всё мрачнее. Когда он закончил все шесть, зашёл ко мне пригласил посмотреть на свою работу, в руке бутылка пустая наполовину, в другой грязный стакан. Принесла свой. Мы сели посреди тёмных, сильных полотен на продавленный пыльный диван. Первый раз такие тёмные цвета, но это лучше, глубже всего что делал раньше, более вдохновенно, тронута, почти потрясена. Молча допили бутылку, потом сказал, что не хочет их отдавать. Что ему наплевать на деньги был в этом ресторане более пошлого места не видел в жизни представить свои картины обстановке не продаст; сказала, в конце

концов, после нашей смерти, для наших картин найдутся места и похуже.

В пятьдесят третьем году Музей современного искусства, то есть Дороти Миллер и Альфред Барр, купили одну из моих картин. За этим последовала Riverbrakers и Grand Street Brides, которую купил музей Уитни. Это был перелом. Вплоть до шестидесятого года мои картины успешно меня кормили. Моё имя стало звучать по-другому. Люди стали узнавать меня, многие повседневные мелочи стали для меня проще. Мой взгляд изменился, и выражение лица изменилось тоже. Я стала следить за собой, чтобы не набрать вес; успех приглушил во мне ту боль, которая раньше сжигала весь мой жир.

Я не разрешала себе много думать о своих достижениях, тем более наслаждаться ими. Говорила себе, что нужно продолжать работать, и продолжала работать. Абстрактная живопись переживала... ..модной, востребованной... постепенно вводить в мир своих картин образы внешнего мира, предметы, людей, витрины... вариации на картины старых мастеров... заставляла себя не плыть по течению. Я как будто долго поднималась по тёмной лестнице иногда падая и спотыкаясь и теперь оказалась на небольшой площадке. То что я откладывала не решая и всё что мне пришлось выдержать и нести в себе теперь как большая коробка с шевелящимся хламом внутри у меня в руках и я всё ещё не знала что с этим делать.

Мой успех дал мне чувство наслаждения каждой минутой. Я стала смотреть на себя как будто со стороны. Время текло насыщенно, ощутимо. Только теперь стала собой и живу своей жизнью мне было почти тридцать лет. Он забрал у меня сына с тех пор я его так никогда и не увидела. Первые дни удивлялась тому, как мне легко без него. Потом стало гораздо хуже. Я потеряла нечто большее чем просто смысл жизни.

У меня теперь были деньги стала тратить на психоаналитика. Русского происхождения в его кабинете на стене висела огромная фотография удивительно красивой девушки он сказал мне её имя которое я тотчас забыла рядом висела деревянная маска с птичьим клювом переводила взгляд с лица девушки на маску и рассказывала бесконечные истории о своём детстве. Оказалось очень хорошо помню себя в раннем детстве. Помнила гораздо больше подробностей чем придумывала. Перед отъездом посоветовал мне напиваться вдрызг каждый более светлый чем остальные вечер.

Если ехал в машине среди полей по дороге, поворот, ему нужно было съехать с дороги проехать через поле срезать угол, не мог по-другому, как все, объехать, это не поза, таким человеком. Носил часы далеко выше запястья перетянув руку чёрным кожаным ремешком. Любил тереть пальцами лоб по-детски выпятив губы, обдумывал. Однажды он доказал мне логически, что небо не синее и таким его нельзя. Поняла весь ход рассуждений и согласилась потом пыталась пересказать всё это не смогла.

Каждый из нас или добился свободы, или погиб. Несколькo лет на подъёме были все.

...Обычно по выходным дням, чаще всего в ночь с субботы на воскресенье... хотелось написать несколько вариаций на Дюрера или Босха... два три часа безуспешно... мимо двери... приоткрыта... услышала... тихо вошла... села за столик рядом с... посмотрел на меня большими испуганными глазами, искажёнными толстым стеклом его очков. Лоб блестел от пота. Не узнала его глаз, обычно живые и умные. Поздоровался и отвернулся. Музыка нарастала ломаясь и перешла границу уютно-приличного настроения стала вызывающе серьёзной но тотчас, будто сознал нас готовыми прервать его, перешёл на шимми потом из мюзиклов и под конец вернулся к той романтической мелодии на которой я вошла в клуб играл её в три раза тише, медленнее и печальнее... со страхом смотрел на него... голубые светлые глаза, спокойно

поджатые губы, волосы ровно зачёсаны назад... до смешного отчаявшимся голосом... улыбаясь, чуть заметно кивнул... к другому столику откуда показывал ему бутылку... коллекционер... мы встретились

Он купил самую большую по размерам из всех моих картин. Известный учёный. Специалист в области эмбриологии... иммунологии... эпидемиологии. Чувствуешь... как он раскрывается, расцветает под твоим вниманием, которое ты никак не проявляешь... избегаешь взглядов, которые не нужны, всё уже в воздухе. Я уже разговаривала с ним мысленно, и ждала, когда он появится снова. Я была уверена, что это случится очень скоро. Но он позвонил только через месяц. Сказал что хочет купить ещё несколько моих картин. Он приехал ко мне в студию. Мы помолчали какое-то время. Я прочитала ему свой любимый отрывок из Гёте. Потом он поцеловал меня. Его жизнь была бесконечным бегством с самых ранних лет. Дальше быстро. Я развелась уже в третий раз... сказал что мы будем... значит бросить уехать всё бросить

Рассталась со всеми.

С кем-то дружески, с кем-то нет. Больше тех, с кем нет. Люди не хотели понимать... Не хватило сил объяснить с ним лицом к лицу. Ему было больно, он нашёл выход в стихах. Я никогда не презирала ту боль, которую можно избыть творчеством. Умеют хорошо писать только о том, что их действительно волнует. Но лучше бы он оставил это между нами. Тогда я бы осталась ему должна.

Какое-то время даже по телефону не разговаривала ни с кем. Даже с матерью, особенно приятно. Мы не выходили из дома. У него был очень долгий отпуск. Мы никого не позвали на свадьбу. Я чувствовала как рушится вся моя жизнь и в то же время это был день полный чистого счастья. Помню как мне было приятно вдыхать и выдыхать воздух, как в раннем детстве, после долгой болезни. Мне казалось, что он — это не только он, а всё вокруг. Если я с кем-то, кроме него, говорила, то все равно я говорила с ним. Мне даже казалось,

что я люблю не только его, всех людей. Сходила с ума от счастья.

А он настолько счастлив не был. Что-то подтачивало его изнутри. Любовь ко мне не поглощала его полностью.

«Мне казалось, что это моё решение. Не помню, чтобы кто-нибудь меня заставлял намекал подталкивал» я бы не стала давить на него сам мне рассказывал «вдохновляющую речь. Потом я подошёл к нему грант в отдельную комнату помогут резко двинуть мою работу вперёд... бутафория всё кроме денег» «прослойка между людьми и... в них к нам присматриваются и потом кого-то однажды приглашают... напугать эпидемией и привить... неизбежные встречи состоялись и мы не готовы...» кто — не готов?

«Знание отделяет, с ним ты легко отступаешь на уровни которых нет для остальных... ты можешь видеть это же другому, а они — нет... нищие духом избраны посрамить знающих потому что — холодное сердце... я нахожу свои способы вписывать в людей их послания...» послания — кто отправляет? «Вакцина от энцефалита, например, большое дело, и под ним другое — совсем... моя воля не принадлежит мне... мы растягиваем трещины в ткани... ты почувствуешь как рядом со мной искажается... дадут постоянного спутника... начиная с определённой ступени... у каждого есть свой... детей, я думаю, после того, что я принимал, уже нельзя...»

«Настоящая любовь — им совсем не понравится... удивительные люди... такие жизнерадостные... познакомлю тебя... рано или поздно я пойму в чём наша настоящая идея...» потом он опьянел, путаться в словах, молча выкурил сигарету и заснул держа мою руку... искоса смотря на меня его лицо я думаю над рассказом — выпрашивал у меня разрешения посещать собрания своей секты... клуба спонсоров... на душе у меня спокойно. Когда снова приступил к работе, ждала вот одно из этих собраний состоится, потом узнала что их уже несколько — не считает нужным инфор-

мировать... скрывает... я радовалась не смогла прочесть эти встречи в его глазах значит переоценила боль которую они ему причиняют

Моё лицо и тело ещё прекрасны. Внешнее благодаря много работала отставало от внутреннего где прорехи мелочные мысли. Старался жить активной жизнью, много разъезжал, верил в свои исследования, по дому я хвостом ходила за ним и говорила себе, что не буду этого делать, назло уходила одна куда-нибудь, но дело не шло, я бежала к нему. Мы не одиноки. Ему, может быть, и казалось, что он одинок, но я знала, у нас с ним одна жизнь... тем временем мир вокруг... в то время как я сознательно вычеркнула себя из маленького мира он стал выдыхаться и разваливался вокруг него большой мир обрёл дыхание набирал обороты... Мир стал моложе, стоило нам лишь отдалиться от нашей молодости. Безответственность юности популярной религией. Просто быть уже достаточно. Спутник выбивал почву из-под ног. Потом русские отправили в космос человека. Стало ясно, мы проиграли. Русские сильнее, их культура на тысячу лет старше нашей. Чувствовали прилив сил, не могли понять, что за силы, откуда, зачем они. Наше движение сошло со сцены.

Лица в слезах, как после тяжёлого семейного разговора, когда открываются тайны и всё говорится вслух. В семье моих родителей такого не было, я видела эти сцены только в кино. Наконец им дали о чём отчаянно умоляли всю свою жизнь. Но сами они ещё не знали, в чём суть их вероучения. Молчал и с испугом смотрел на молодёжь они шли прямо посередине улиц, остановив движение, пели песни, плакали, смеялись... сыпь на коже, а мы смотрим и пытаемся понять, какой микроб её вызывает... вместо лечить симптомы решили дать ей проявиться чтобы диагностировать болезнь и закончить с её возбудителем раз и навсегда. Направить их энергию из реального в иллюзорный мир.

Воспринимать его как слугу верного исполнительного и немного смешного... Отправляла за покупками или просила

отвезти, передать, расспросить, он делал легко, с иронией и удовольствием. Мне постоянно приходили письма от... в которых предупреждал пугал даже угрожал — молчала — письма реже, но тон их всё тот же. Ничего не говорила об этих письмах... на мои перестал отвечать... вернуться к абстракции в работах... хотелось много жёлтого, красок и цветов осени... искусство, понятное избранным... маленькое брёвнышко, которое не даёт опрокинуться большому бревну. Зачем эти прямые трансляции? В искусстве безумию поклонялись, как деньгам. Бодрый голос диктора не вязался с о чём он хотел нам поведать. Шла по улице поздно вечером и в окнах домов плясали одни и те же цвета в одном и том же ритме. Синхронное миллионам семей. Смотрела на людей которые смотрели телевизор. Застывали, жизнь их шла, но они не жили. Что им давала реклама и новости? Было что-то мистическое в ломаном ритме, который заставлял тёмную комнату вздрагивать вместе с переменной картинкой на экране. Каждый день жизни мы видели одно и то же, вечные вариации на один и тот же день с приправой надежды или отчаяния. А по телевизору мы видели развитие событий, эскалацию конфликта, нарастающее чёрное сияние политического буйства... Графический роман без запаха... Читать можно с любой страницы... Мы садились на диван, мир сам себя перелистывал. Мир заявлял о своём желании покончить с собой.

Новое поколение людей, свободное, без неразрешимых противоречий, без вины и обиды, светлых и счастливых... из всего делать обобщения, я тоже рядом с ним научилась говорить и думать так... счастливые люди есть всегда судьба подселает к ним несчастных. Тогда подумала, считает меня счастливой, себя несчастным, подселённым ко мне? В семье моих родителей счастливой, до смерти тётки, была бабушка. Она как эта девочка. Девочке не нужно целой жизни, уже понимает всё то, что выделяло... с каждым годом людей с глазами этой девочки становилось больше... казались смелыми

сильными на самом деле жалкими... мы рядом с ними озабоченные нашими бессмысленно усложнёнными играми важничающие надутые и больные, но на самом деле больными они, а мы побеждали. Я не любила шестидесятых и не люблю их сейчас. Это десятилетие дискредитировало нашу жизнь.

Думаю, о себе я рассказала достаточно. Теперь перейти к тому что случилось... его болезни и смерти. В начале шестидесятых... не было... Ближе к середине декады у него начались... которые производили на... большое впечатление. Ему казалось что он начал что-то понимать, и лишённые смысла впечатления начали, как ему казалось, складываться в систему с неожиданными... иметь для всего две позиции постоянно находиться на менее удобной из них... его научили... вроде быстрого чтения интуитивных движений... пролистывал книгу и знал всё что в ней написано цитировать в точности самые яркие мысли... понимать смысл слов и фраз на незнакомых языках... первые дни поста испытанием... легче ничего не есть, чем ограничивать себя... похмельные фотографии возведены в чин высокого искусства... похож на мученика... в первой молодости красиво... потом теорию посланий внутри языка... после этого ровно половину своей коллекции он продал или подарил... прощение... думаю он и от моих картин бы избавился не будь я его женой.

Наступил Новый Год. Мы встретили Рождество, потом канун не помню какого уже года, встретили вместе. Помню чувство какого-то иронического спокойствия, достаточно глубокое и в то же время наигранное. Я выпила очень много шампанского, потом жадно ела шоколад. В тот год он стал надолго исчезать из дома. Приносил очень много денег, и мы буквально не знали, на что их потратить. Как будто боялся денег. У него страх не уходил из глаз. Он возвращался домой и садился на край постели, так сидел долго, не раздеваясь. Если я не подходила к нему и не заговаривала, то сам он мог часами не двигаться с места. Когда он засыпал, то старался

устроиться в постели так, чтобы не касаться меня. Новая привычка; мне она не нравилась. Когда один, часто брал в руки знакомый предмет и долго рассматривал так, будто видит впервые, издалека, как чужое. Вычитывал фразы из книг. Не гадание, не развлечение. Потом... полнометражная абстрактная мультипликация в единстве с музыкальным текстом

Именно музыка только не совсем обычная — существует в виде свободно меняющегося текста в единстве с очень сложной машиной для интерпретации совместно с человеческим восприятием. Тогда другими словами. Когда ценное достаётся толпе, прячется под новое имя. Человек прячется под имя, попадая в мир. Кроме живого текста и вспомогательной программы для исполнения был ещё третий компонент — наркотик. Не коммерческий, и не полифонический. Он совершил прорыв именно со стороны музыки, хотя все считали что он войдёт в глубокий контакт с «изобразительной частью», как известный знаток современного искусства, лекционер и мой муж. Музыка видимо ответила ему... эти наркотики, пока наша жизнь с плотью, вечное действие, изменился навсегда. Узнал что давно управляют его жизнью... режиссёры всех его профессиональных успехов и не отказался даже рад кому-то настолько нужен, избран — тогда приговорил... одно на периферии, другое в сердцевине для посвящённых... не было прозрений в сердце науки... уж точно не прозревал в сердце собственной секты... Он прорастал и распространял себя в те времена, места, сознания, вещи, тексты, личности, памяти, легенды, события, в которых его иначе быть никак не могло, в которых его не должно было быть; с другой стороны, внутри него прорастали также времена и места, сознания и вещи, тексты и лица, памяти, легенды и события, которых не должно быть внутри него, которые не должны были никак иначе стать его частью или получить внутри него криво смеющийся дом с розовыми стенами и чёрным потолком. Может быть, пародия на родст-

во более устойчива, чем самое родство. Все его контракты были давно подписаны, он был обречён себе.

Зимой... стал всё чаще приходиться в тяжёлом, подавленном состоянии... различные мелкие откровения... сначала в его изложении, если делиться было можно, или если он рисковал (думаю, они всегда заранее знали, чем он рискнёт поделиться со мной, а чем нет), потрясали меня... потом они стали мельче, банальнее... Часто ловила себя на мысли, что становится неврастеником или паранонком излагал какую-то ужасную правду, над которой я не стала бы раздумывать и десяти минут открыл мне чьи-то пошлые мысли в ужасе... переводя взгляд с человека на человека, слышал только грязь и зло... Вот остановил взгляд на девочке сидя на руках у матери смотрела в окно... У девочки светлые мысли, красивая невинная история, мечта, разворачивалась в её воображении, и в это вплеталось то что она видела из окна, увлёкся её мыслями, и сама она увлеклась настолько что выпало из её рук на грязный пол то, что ей мать дала подержать, не помню, что это было, может быть, какая-то еда, и вот, не успела она сознать что уронила, как мать уже отвесила ей затрещину, и ощутил, как этот удар оборвал и разбил хрупкий свет её мыслей, и всё стало спутанным, тёмным. Как у всех. Когда он мне рассказал, а он умел хорошо рассказать, я тоже об этом долго думала. У меня были плохие с матерью. И сама я плохая мать.

Сидеть за столом с большими людьми на их закрытых собраниях. Это банальные пьянки. Ещё чуть ниже оргиям пытались придать красоту, наверху царил пошлость. Поражён грубостью их языка. Знаниям находили нелепые применения. Ресурсы уничтожались... в их системе не было даже простой человеческой логики... Сложные узоры на грязной накидке, скрывающей что-то совсем простое. В марте впервые сказал мне что подозревает своих друзей в поклонении дьяволу.

Работа к тому времени была уже завершена. Результаты можно использовать на практике. Их передали крупным фармацевтическим компаниям. Получил большие деньги. Хотелось изолировать себя от людей. Так бывает в странах третьего мира. Всё стремится к как можно большей мере беспорядка и полной практической несоизмеримости различных частей единого мира. Властью не делятся, приближение к власти служит лишению свободы. Работа сделана, другие подхватили. Стала настолько менее творческой, что выполнять её могли уже не только люди, но и полифонические мотыльки. Он знал что не будет принимать решений.

Перед ним, следовательно, никогда не откинут тряпку с узорами, под которой ответ на вопрос, кому они служат, кто питается разницей курсов их масок и лиц. Чем, кроме комбинации букв, вообще может быть несвободное существо... разрастание мысли или чувства, подчинение всей себя её диктующему томлению... были страшные сны... я видела насилие, расчленённые тела, кровь, смерть людей... упоение кровью... видела и никогда не разделяла. Сны лишали меня сил... Иногда я перестаю понимать размер предметов, забываю, где я нахожусь, или не могу читать и писать. В других местах его знание, он сам, каким он стал, наверняка бессмысленны. Чужеродны, не могут быть прочитаны. Всё зависит от воли. Прошёл год. Это был зимний день. Ушёл рано, ещё до рассвета. Собиралась встать, несколько часов спустя, посмотрела на бордовый кусок пола в солнечном луче, там была пыль. Наши сны и почерки за годы совместной жизни сближаться. Я встала и подошла к окну, отодвинула голубую штору. На ней маленькое коричневое пятно. Снег шёл, когда я ещё смотрела на штору и свои руки, ногти, под которыми тоже пыль и краска, но когда посмотрела на улицу снег прекратился. Сразу. Он перестал идти так резко что я это слышала как щелчок из соседней комнаты. Позвонили в дверь; открыла, и они внесли. Он был не в той одежде, в которой выходил из дома. Жив, но без сознания. Потом приехал...

не знала, что говорить и что думать. Смотрела на его лицо. Столько раз его видела спящим. Было точно так же... дышал ровно... в последнее время стал гораздо меньше курить.

Незнакомые двое — не люди, но и не мотыльки — ушли без слов, а... долго сидел тоже не говоря ни слова. Я уловила быстрый полифонический обмен между... и какой-то частью меня. Потом прямой обмен мыслями, первый в моей жизни опыт искусственного полифонического разговора. Я знала естественный, в детстве, с бабушкой, тёплый, чудесный, живой. Этот ошеломил меня своей холодной силой, я помню своё удовольствие от полной невозможности сопротивляться, которое смешалось с горечью, болью от смысла послания. Знаете, как это бывает, сначала у вас очень хорошие друзья, потом у вас очень хорошие враги, а потом у вас очень плохие друзья.

Вылил два горячих чайника воды в таз. Он как-то жалко улыбнулся мне.

— Теперь лучше не смотри.

Снял чёрную рубашку и посмотрел на свою грудь. Над одним соском тонкий, едва заметный шрам от пореза, над другим белое пятно от ожога «впитаться через новые раны старые шрамы и чистую кожу» хорошо в ослабленной форме когда он живой то без ритуалов

Нанёс себе новые раны. Нож с маленьким треугольным лезвием и ручкой лёгкого серебристого, тонкой, изогнутой, маленькой, будто для детской руки. Я им иногда пользовалась и заметила, что с него легко смывалась любая краска. Несколько раз ткнул себе в грудь. Хорошо рассчитал силу. Кровь несколько минут текла из маленьких ранок, затем унялась. Аккуратно вытер. Сделал ещё два длинных пореза, один совсем царапина, другого кровь сразу и полилась бойко терпеливо ждал через шесть минут ясно что ждать придётся долго, и остановил кровь усилием воли. Первый раз видела этот приём в действии, удивилась, зачем так долго ждал. Он побледнел. На рубашке не осталось сухого места. Тихо в во-

ду — мгновенно исчезла в воде... На исходе утра резко встал в постели, открыл глаза.

Он звал меня... спросил, какой сейчас год... я назвала... он сказал, что этого не было, что это прошлое, но его не было... обхватил голову руками. Когда он изображал отчаяние этим жестом, то никогда не сжимал руками голову. В тот момент изо всех сил. Я даже пыталась разжать ему руки. Привязала его ремнями. Мне тогда часто приходилось это делать. Он успокоился, распевал песни... ждал звонка, примчался обвешанный сумками, пакетами... собрал кинопроектор, что-то не заладилось... спросил, сможет ли без фильма, ответил, что видит его хорошо... он диктовал ему бессмысленные слова... к чему-то прислушивался изо всех сил... притих, только дышал теперь тяжело... чтобы развлечь меня, стал играть лицом, меняя черты и возраст... показывал историю в лицах, не вставая с кресла... не отвечал, он был в своих мыслях... похож на человека, лежащего в долгой и тяжёлой болезни... почему мне никогда не хотелось его написать?

...смотрел на мои ноги.

— Как это странно выглядит. Ведь это некрасиво.

— А кому-то очень нравится. — Пошевелила пальцами.

— У обезьян они... зато... умеешь бегать? Любишь?

— Не очень. Нет. — Сняла с юбки волос. Чей-то чужой волос, яркого, медного цвета.

— А я умею. Люблю здесь бегать. — Решал, уйти ему сейчас или подождать, не возобновит ли нужный контакт. В нашем доме не думал надавить, ему легче было уйти. Окинул меня каким-то особенным взглядом, как подросток учительницу. Встал, потянулся, карикатура на кота, собирать сумки, отцеплять доски, с одной из них стёр всё, что написал. Мне почему-то не хотелось, чтобы он уходил.

— Спасёте себя. — Он сцепил руки за головой. — Вы не видели войны, ни этой, ни последней — дикая агония человека, серьёзно, агония, так и есть. Мундиры делают из вас

насекомых. Вам нельзя сливаться в одно существо, надевать форму.

— А как же тогда у вас — Лейтенант?..

1972 год. Мы почти перестали выходить из дома. Вакцину пустили в производство, мы должны отмечать. Не хотелось даже вставать с постели. Делал всё за нас. Принёс несколько ампул первой партии, позвал гостей. Как понимаю пришло взглянуть на... чтобы решить что с ним будет дальше что с ним делать. Визит их угнетал, наша жизнь для них чужая нищета, хотя жили очень хорошо, более обеспеченной жизни чем в то время у меня потом никогда уже не было. В отличных костюмах, но деревенские лица.

Разглядывал ампулы с вакциной. Думаю, он понимал, что сделал большое дело, чего большинству людей не удаётся. Не удаётся сколько-нибудь изменить наш мир. Я надела белый свитер. Интересный оттенок белого. Холодный и тёплый одновременно. Автор книги «От иммунитета к психической деятельности». Ирония над стилем научных статей... Хорошо вести себя за столом... Выслужить снисхождение, потеряв остатки авторитета... платиновые перстни... мятеж и засуха... первая степень алхимического огня... февральское солнце... Каирский университет...

Стилизованное изображение пропеллера... Он прочитал крошечный значок на перстне полифоническим приёмом резкого увеличения остроты зрения, приближения далёких предметов. Как поэму, зачитывал конвенцию о психотропных веществах... чувствовал обманутым... вечер разваливался... что делаю здесь среди картофельных полей... прижала его жалкую седеющую голову к своей груди... заговорили друг с другом на таком языке которого не понимал даже...

— Они нас разыгрывают. Это просто белиберда. Пророк с пропеллером...

Наконец, разошлись. Последним... Долго раскланивался на пороге... Шёл дождь... Я чувствовала какую-то отчаянную усталость... Я поняла, что скоро всё закончится.

Осенью 1972 года испробовал вакцину на себе. Ему очень скоро стало совсем плохо и становилось всё хуже. В ноябре он перестал вставать. Первый день, когда он не встал, семнадцатое ноября. Последующие десять лет провёл в постели. В нашей постели, в постелях больниц. Частично парализован. Сознание разум пытался сохранить до самого конца. Я думаю тяжелее всего для нас были первые два или три года пока ещё была надежда. Мы долго привыкали к его комнате. Не знаю почему не могла ненавидеть... потому что не был человеком... потому что я не умею ненавидеть. Знаю что это его мысль. Может быть сидел напротив в кресле курил сигарету или смотрел в окно играя лицом. Выпускал и втягивал жгутик. Как-то должен был убить время пока... открывал ампулу искал вену... болтал не переставая... что-то рассказывал очень увлечённо... пародия на самозабвение.

«Для него уже всё кончено» — сказал мне на третий день. Искренние глаза. Я подумала что у него сейчас красивое лицо. Мой муж лежал со слегка вывернутой на ставшей чуть длиннее небритой шее усталой маленькой головой на высокой подушке, выпустив из-под лёгкого одеяла руки, и видела, как изменились его руки. Раньше источали тепло... Как два полюса тепла... Теперь они стали плоскими, условными, состарились. Он весь как тень себя. На внешних ладоней открылись царапинки язвочки кожа рук огрубела, красной разных оттенков, сухой, с кровью в маленьких разломах, сквозь неё не были уже видны его красивые голубые вены. Потерянный, маленький, исхудавший. У изголовья, на стуле, скрестив ноги, в чистых носках, сидел довольный, лоснящийся, с крепким лицом, полифонический мотылёк

Он был как-то связан с кофе... но его не было

Мне не хотелось есть и спать, мне даже казалось, что я заставляю себя дышать. Я перестала чувствовать холод и тепло. И я не чувствовала жалости... не избегала его взгляда, но и не искала его... Он дышал медленно и тяжело, грудью, грудь его двигалась, и глаза, и больше ничего, так он и жил. Разве

он страдал? Разве не тем он был, кем ему всегда хотелось быть? Он лёг, найдя в конце своей жизни укрытие и тень.

Обмывал... обтирал ему лицо салфеткой... стриг ногти... держал его за руку, как любимую девушку... издалека это было смешно тем более отросли длинные волосы... вскоре практически исключена из последовательностей ежедневных ухаживаний... только ночью я оставалась с ним. У... появилась комната в нашем доме своя ванная и туалет не нужные мотылькам корректировал возраст чтобы казаться чем-то вроде нашего но потом — когда увидел у меня стопку возвращённых писем сыну — перестал, но заметно менять внешность каждый день.

Спал два раза в сутки по три или четыре часа. 1974... Успешный борьбы запахом пролежни с другой стороны в том году он кажется не сказал ни слова. Когда мы вкладывали в руки блокнот и карандаш, отказывался писать. Пытался подогреть мой интерес к живописи новостями... карьеристы... на оппозиции к дряхлеющей системе пытались сделать себе имя... телевизионные репортажи... последние дни во Вьетнаме... всем лицом впитывал картинку... рельеф лица, неподвижный, выразительный, прекрасно сочетался с динамикой телевизионных бликов... его молчание лучший фон для голосов из телевизора полюбила телевизор соединял наше молчание... чуть пошевелил губами и я потянувшись дала ему пить. Он привык днём спать при звуке работающего телевизора или радио. Я вставала с горячей постели, медленно шла вниз и находила какое-нибудь занятие смотрела в окно или рассматривала коллекцию рисунков эмбрионов которую собирал долгие годы... В нашем доме не стало тишины звуки с улицы проникали его насквозь... мне казалось что он должен сейчас прикоснуться ко мне но он отступал и садился в кресло оставляя мне странное чувство будто к чему-то подталкивает меня... он был сама невинность, легко выдерживал самый долгий мой взгляд... мне приходилось постоянно напоминать себе, что он не...

Начал смеяться раньше чем говорить. Помню его первый смех в болезни глупый овечий не смех а бляение нелепый неуместный

Я хотела встретиться с ним в городе, чтобы он не видел того, что происходит у нас в доме. Но он всё-таки явился к нам на порог. Только внизу, не больше пятнадцати минут, но того, что он слышал, было достаточно. Уговаривал меня всё бросить и уехать, говорил будет легко. Даже что не может меня узнать. Будто нуждалась вроде спасения. Но лишь форма вежливости. Приезжал не ко мне. Обменялись адресами.

Плакала, била его, но ничего не помогало. Пыталась спать в другой комнате, но он кричал громко, очень громко, да я и не могла оставить его, совсем беспомощным, одного. Иногда ловила себя на мысли о его смерти, но никогда всерьёз. Это просто было за пределами моих мыслей. Это нужно было просто перетерпеть. По голосу я бы сказала что он стал овощем но глаза живые знала что содержание его взгляда снова одержит верх. И всё-таки две ночи я провела в гостинице. Не две ночи подряд. Первую под его присмотром. На вторую ночь, месяц или два спустя, я его просто бросила, и это ему помогло. На следующий день он произнёс две фразы... потом через неделю его будто прорвало начал общаться с нами рассказывать что чувствует... я не плакала от облегчения но мне действительно стало гораздо легче когда вернулась речь.

Воздух в нашем доме совсем испорчен. Снаружи живой и свежий. Открывала окно и чувствовала как вливается в нашу грязь. Потом затхлость поглощала свежесть, опять нечем дышать... уборка и проветривание потеряли силу...

Новое состояние моего мужа было для него родным. Будто он когда-то давно уже лежал много лет в кровати без движения душой и духом глубоко ушедший внутрь себя и теперь только вспоминает привычную жизнь и легко, хотя и не сразу, забывает всю остальную жизнь уместившую себя в про-

межутке, когда суетился, говорил, работал — и любил. Это чувство узнавания всё время я замечала в его глазах, когда они останавливались ни на чём и безрадостный, нездешний свет вытекал из них, как слёзы. Одна я не могла в этой новой жизни ничего вспомнить никаких навыков ни из детства ни из творческой жизни привыкала он вспоминал... в какой-то момент серьёзно пить это быстро превратилось в зависимость

Он умер в 1981 году.

Ни одно моё письмо не нашло моего сына.

5.

Первый день войны застал семью Синцовых враспиздень, как и миллионы других семей. Казалось бы, все давно вчёсывали за войну; и всё-таки в последнюю, бесконечную от дикого торча минуту она обрушилась на голову, как бур из третьей «Матрицы»; очевидно, вполне уторчать себя заранее к такому огромному палеву вообще нереально.

О том, что началась война, Синцов и Маша узнали в Симферополе, докуривая жаркие пяточки. Они только что на измене сошли с поезда и стояли возле старого открытого «Линкольна», ожидая пока немного попустит, чтобы доехать до точки в Гурзуфе.

Оборвав их вчём с шофёром о том, есть ли на рынке ЛСД и грибы, радио хрипло на всю площадь сказало, что началась война, и жизнь сразу разделилась на две несоединимые части: на ту, что была пару тяжек назад, до войны, и на ту, что была теперь.

Синцов и Маша донесли чемоданы с планом до ближайшей скамейки. Маша села, уронив голову на руки, и, не шевелясь, сидела как уторчанная, а Синцов, даже не спрашивая её ни о чём, поплёлся к военному коменданту брать места на первый же отходящий поезд. Теперь им предстояло сделать весь обратный путь из Симферополя в Гродно, где Синцов уже полтора года служил драгдилером редакции армейской газеты.

К тому, что война была несчастьем вообще, в их семье прибавлялось ещё своё, особенное несчастье: политрук Синцов с женой были за тысячу вёрст от войны, здесь, в Симфе-

рополе, а их годовалая, но уже долбившая план дочь осталась там, в Гродно, рядом с войной. Она была там, они тут (или она там они здесь? Или они тут она там? Или они там она тут? Или она здесь они там?) и никакая сила не могла перенести их к ней раньше чем через четверо суток.

Стоя в очереди к военному коменданту, Синцов успешно пробовал представить себе, что сейчас творится в Гродно. «Слишком близко, слишком близко, к границе, к границе, и самое главное, самое главное, авиация — авиация — авиация! Трррр-ра-та-та-та-та-та-та-та-та-та! Бум! Бум! Бах! Трах! Бабах! Виа-виа-виа-виа-тррах! Бабах! Бух! Пух!.. Правда, из таких мест торчков сразу же могут эвакуировать в Чуйскую долину...» — мысль об эвакуации торчков в Чуйскую долину понравилась ему; казалось, что она может успокоить Машу.

Он вернулся к Маше, чтобы сказать, что всё в порядке, в полночь они поедут обратно. Она подняла голову и посмотрела на него как на глюк.

— Что в порядке?

— Если вырос план на грядке, с огородом всё в порядке, если вырос алый мак, с огородом всё ништяк, сказал Синцов и, глупо хихикая, неприлично рассмеялся.

— Хорошо, — тупо сказала Маша и опять опустила голову на исколотые наркоманские руки.

Она не могла простить себе, что уехала от дочери. Она сделала это после долгих уговоров матери, специально приехавшей к ним в Гродно, чтобы покурить синцовского плана. Синцов тоже уговаривал Машу бросить глухо торчать и поехать в санаторий; он даже обиделся, когда она в день отъезда подняла на него глаза, похожие на помидоры, и спросила: «А может, всё-таки не поедем?» и тупо заржала. Не послушайся она их обоих тогда, сейчас она курила бы не беспонтовую симферопольскую шалу, а тот мягкий чёрный гащ, который долбили в Гродно. Мысль быть там сейчас не пугала её; палевом было то, что её там (или тут? Или здесь?) нет.

В ней жило такое чувство вины перед оставленным в Гродно ребёнком, что она почти не думала о плане.

Со свойственной ей прямоотой она сама вдруг сказала ему об этом.

— А что о плане думать? — сказал, забивая очередной косяк, Синцов. — И вообще, великий Гоголь есть выходник препровождающий...

Маша терпеть не могла, когда он говорил так: вдруг ни к селу ни к городу начинал бессмысленно вчёрсывать о Гоголе, о котором и сказать-то ничего нельзя.

— Хватит гнать! — сказала она. — Ну какой на фиг выходник препровождающий? Ч т о ты знаешь о Гоголе?! — Косяк в её губах задрожал от злости (и непонятно было кто больше злился: она или косяк?). — Я не имела права уехать! Понимаешь: не имела права! — повторила она, крепко сжатой в кулаке зажигалкой больно ударяя себя по коленке.

Синцов глубоко, с тяжёлым наслаждением, затянулся, долго задержал дыхание и осторожно, то ускоряя, то замедляя выдох, выпустил дым через нос. Его лицо и взгляд на глазах Маши изменилось за эти пятнадцать секунд до неузнаваемости, безумно, страшно изменилось. Вместо военного журналиста-драгдилера на неё смотрело ужасное бесовское животное, похотливый скот. Синцов заржал. В его убитых глазах её любящий взгляд мог, бывало, прочесть затаённую боль и страдание, но сегодня ей как-то не читалось. Мышцы лица его обвисли. Маша отвернулась.

«На хер войну», — подумал Синцов, слечивая косяк, «на хер этого Сталина ебучего, и всю эту Советскую Родину. Не пойду воевать ни хера, спуко! Не пойду на фронт, буду всю войну план долбить! Проторчу войну на хер, и плевать, кто победит! Какая разница? Лишь бы конопля росла!» — думал Синцов. Маша посмотрела на косяк в руке Синцова. Ей тоже хотелось дунуть синцовского гаша, но она знала, что тогда её опять загляучит, как в прошлый раз, когда она постриглась налысо, или в позапрошлый, когда голая ползала на четве-

реньках и ругала Советскую власть. Синцов закашлялся. Его дико пёрло, ему казалось, что поезд взлетает; что война это следствие того что Сталин с Гитлером обкурились и погна-ли, и Черчилль со своим коньяком тут не поможет... Маша закрыла глаза.

Когда они сели в поезд, она жёстко воткнула и на все во-просы Синцова отвечала только «да» или «нет». Вообще всю дорогу, пока они ехали до Москвы, Машу пёрло как-то меха-нически: она курила план, молча втыкала в окно, потом ва-лилась на свою нижнюю полку и часами хихикала, отвер-нувшись к стене. Вокруг вчёсывали только об одном — о войне, а Машу так вшторило, что она не слышала этого; в ней совершалась большая и тяжёлая внутренняя работа, к которой она не могла допустить никого, даже Синцова.

Уже под Москвой, в Серпухове, едва поезд остановился, она впервые за всё время сказала Синцову:

— Пойдём, дунем...

Вышли из вагона, взяла его под руку.

Маршал Советского Союза И.С. Конев «MY FIGHT WITH DRUGS. THE HISTORY OF REDEMPTION» том 4 страница 355

Задевая усиком лысый край вестибулярного мандибулы
пожни хохот из-под

Его прервал

— Товарищи, Гитлер воскрес!..

— Нет! Нет! Какой пиздец! — послышались весёлые и развесёлые голоса. Суровый политрук сделал ебло Чингис-хана, но ему на башку внезапно обрушился барабан. Глядя на надетый с угрюмым цинизмом на заслуженную голову ра-ботника таинственный барабан, я поневоле задумался над словом «барабан». Вскоре мне пришёл пиздец. Барабан, ка-залось, надели не на его голову, а в мою, ещё и выстрелили из концепта «барабан» мной сквозь смыслы и ассоциации в далёкую ужасную суть, живую липкую сущность пустого вибрирующего барабана «барабан». Обарабанившись, я ба-

рабанно выбрабанился по барабану барабанов, и, казалось, также становился барабаном, и точка невозврата была близко. Спас меня политрук. Он сорвал с себя барабан. — Кто это сделал?! Убью, сука! — крикнул, освободившись, политрук. Раздались выстрелы, крики, звуки глухо падающих жирных обездвиженных тел на пол. Кто-то оглушительно рыгнул... Я посмотрел на себя и увидел

Биографию Гитлера

В разделе «разное» рекомендуем вам «Гитлер. Харизматичный лидырь»

Lieder — lieber

Лидер — либер(ал)

Лидер — лодырь — любирь

Ультразвуки цикады

— Ни хуя себе цикада, — сказал Японец глядя на то как цикада подмяла под себя его дом и раздавила своим весом, как орех. Я открыл себя ближе к концу, и действительно, во мне было написано что

Гитлырь воскрес

Книга Конева вызвала летучую мыш и споры в околотературных кругах. Около колоколообразной кривой, прочерченной полётом летучей мыши, шесть томов (и когда только успел СТОЛЬКО написать) маршальских фантазмов

Причём первый начинался сразу с матерного слова «хуйня» и последний заканчивался тоже словом «хуйня». Неудивительно что рецензия в журнале «Ёбанный Пиздец» на шедевр Конева называлась «Хуйня. Opus Magnum усопшего Маршала»

Но с ужасом рецензент — вдруг понял что его рецензия — стала частью текста книги — во 2-ом Издании

Избежав смерти на войне, послевоенные посткарьерные манёвры я не снёс, ссучился духовно, одно хорошо: я стал потарчивать, затем и по-настоящему торчать, и к 1947 году был уже самым что ни на есть ёбанным наркоманом в погонах. Войска наши в целом уже в предвоенное десятилетие имели

неплохой психоделический опыт: в ходу были стимуляторы, не забылся и хорошо освоенный в Гражданскую войну кокаин, везли из Средней Азии приличного качества опиаты, и начинали появляться первые ростки синтетических галлюциногенов. Нападение Гитлера, его ёбаный превентивный удар, сорвало наши планы покорения мира и надолго заставило забыть окрыляющий успех первых советских синтетических триптаминов. Я не углубляюсь в вопросы уторчанности нашей армии в целом и её связи с большой политикой: эта книга — исповедь маршала-наркомана, а не анализ кукареканья бразильских петухов. Первый раз, как сейчас помню, до зверского пиздеца я докурился с маршалом Жуковым. Это случилось осенью 1946 года, в Москве, в элитном наркопристоне для высшего комсостава Сухопутных войск. Жуков пришёл не то чтобы в хлам пьяный, но изрядно подшофе, выкурил два косяка в одну харю и сел делать точки.

— Эй, Конев! — сказал Жуков, — давай-ка я тебя накурю сейчас в пизду. Хочешь?

— Почему бы и нет, — согласилось то, чему недолго оставалось быть мной. Жуков сделал мне точку, другую, третью. Я курил, кашлял, охуевал, ржал, блевал и постепенно переходил назначенный мне, наверное, Богом придел понимания. Жуков, как хлыстом, гашишом гнал меня в неведомое. Например: Гюньчюкь. Что это? *Qui est-ce? Quen es?*

Гюньчюкь — булава из сырой массы аналютических оцарышей, выполненная в ммосптеобе 1:1,289 и подвешенная сбоку на пояс к носителю некоей избранности, которую и символизирует Гюньчюкь. Жуков уверял, что

И вдруг... (Нет вот не вдруг а перед собой надолго распростирав сначала чувство вскоре предстоящего события затем даже интуицию о характере этого события) вдруг Жуков превратился в Жука! После чего передал мне телепатически цитату из мистической книги Корнея Чуковского «От Двух До Пяти» Философия искусства «Я так много пою, что комната делается большая, красивая» присовокупив целый

кус из Олдоса Хаксли «Продолжительное или непрерывное пение или крик могут вызвать сходные, но менее выраженные результаты. Если певцы не очень хорошо обучены, они склонны выдыхать больше воздуха, чем вдыхать. Поэтому концентрация двуокиси углерода в альвеолярном воздухе и крови возрастает, и при сниженной эффективности церебрального редуцирующего клапана становится возможным духовидческий опыт.» Буквы сквозь меня пронеслись, как воспалённые цифры. Как можно выдыхать воздуха больше, чем вдыхать? После чего я выдохнул, не считая.

Плоть Жука была не очень плоть, совсем не как, скажем, обычная чужая плоть сослуживца. Примером может служить женщина артистка в красивом платье, на сцене, когда её больше вдохновением формы плоти легчают без видимого тления тяжести приближаясь образу себя, что мы можем увидеть при наших встречах в духовном мире. Плоть Жука была в совершенной форме, как он расправил мощные блестящие надкрылья. Также подобное мы можем увидеть в плоти ребёнка или святых. Тайна любимого лица тоже светлая плоть без коросты и тления, видимая любящему. Я, конечно, не любил Г. К. Жукова, он также был далёк, вопреки распространённому мнению, от святости, далёк от детства, поэтому обрюзгшая, с нечистым дыханием форма в форме и теперь

Совершенство симметрии, чистота линий, холодный живой механизм чеканной плоти Жука — словно воплощение Идеи Жука

Тогда же он мысленно предложил мне последовать за ним и принять форму Коня. Он показал мне жертвоприношения и жестокую линию рабов идола превознесённого Коня. Только такого человека, как тов. Жуков, могли привлечь картины такого унижения, таких истязаний. Ощувив как я оттолкнул его мысли, Жук переплёл и заменил волну, соблазняя меня совершенством и силой формы Коня. Но я уже плевался и просто уже себя осенил Крестным знаменем, твёрдо желая оставаться в образе, напечатлённом Всевыш-

ним. Негодованию Г. К. Жукова не было предела. Он выпростал яйцеклад и пытался отложить в меня яйца, чтобы затем меня сожрали его мерзкие личинки. Мне пришлось покинуть притон и отправиться домой, проклиная Жукова и его гноньчюкь... Но я не знаю, что там добавил в свой гашиш Жук или как взял такую власть — уже находясь дома, против моей воли, я совершенно поменял форму и стал какой-то ужасной карикатурой или пародией на лошадь. При этом я слышал торжествующее хихиканье Жукова, переходящее в скрипы цикады. Невероятным усилием военной воли над уторчанным сознанием мне удалось вернуться в человеческий облик. Мне было холодно и грязно, и Конь, мой двойник, беспокойно вертелся внутри неподалёку.

Я решил навестить Рокоссовского. Мы с ним практически дружили против Жукова и всегда советовались, если Мясник затевал очередную хуйню.

В машине было душно и пахло бараком. На стекле изнутри сидел комар и втыкал. Чтобы отвлечься, я пригляделся к нему. По его спинке и крыльям расстелилась лёгкая радуга, да и сам он, оказывается, вовсе не втыкал. Задние лапки комара, в густом для него воздухе выписывая неторопливые изящные кривые, извлекали из внутреннего пространства моей служебной машины таинственную информацию, имеющую несомненную практическую ценность. Затем комар начал умываться, то есть чистить передними лапками усики, нос и рыло. Я много раз наблюдал, как это делают мухи (довольно механически), но никогда ещё не видел такого аккуратного комара. С лёгким содроганием я подумал, что сейчас поздняя осень, какие, к хую, комары? Откуда он взялся? Тем временем комар, тоже почему-то дёрнувшись, снялся и бесшумно полетел вдоль дверцы куда-то вверх. Я решил нарушить молчание.

— Сашка!..

— У Жукова Сашка, товарищ маршал...

— Не пизди! Чем это в машине воняет? И откуда, блядь, комары?! — сказал я и подумал «и этот о Жукове, не иначе как сговорились».

— У духов и инопланетян на вас большие планы... Этот комар символизирует сову, ослепшую при свете солнечного дня... Зимний, чудесный комар, сжигающий душный мешок покоя. Проснитесь...

Я пожалел о своём решении нарушить молчание. Я чувствовал, что мой жизненный опыт не относится ко мне, словно это чужая память. Меня необыкновенно сильно и мягко пёрло. Я ощутил, что ячейка машины меня уже не вмещает. Конь рвался изнутри, расталкивая человеческие черты или совмещаясь с ними. Я духовно сознал в себе стабильную форму из переливающихся друг в друга человеческих и звериных частей. Внутри моего внутреннего Коня был Человек, и мы с ним посмотрели друг на друга сквозь вскипевшего Коня, как через живое тусклое стекло. — Молчи, бля, мудозвон, — сказал я вслух и сам услышал в своём голосе растерянность.

— Шаман...

— На дорогу смотри! — оборвал я и, как мне хотелось верить, сурово заворочался. Чувство, что меня не уважают, было ослепительно новым, мне казалось, что меня подменили полностью, оставив лишь память и холодную купину восприятия. Конь, не теряя времени даром, вспухал во мне, раздувая и разрывая мою плоть изнутри.

— Штаб 28-ой Армии — самый упоротый, блядь, усаженный, удалбанный штаб во всей Красной Армии... Такого наркоманского Штаба армии ещё поискать... Штаб 18-й Армии вообще до того доторчался, что превратился в ждаб... И в 19-й Армии уже не штаб, а ждаб, докурились, блядь... Топографическая служба уже на своей последней системе. Карт осталось ни с гулькин хер, а они печатают карты какой-то, блядь, Кирибати. Где это вообще такое? Мы что, с папуасами воюем? А ЭТО что такое?!

— Господи...

— О... О... Оооо!..

— Какой пиздец!..

— У меня вообще и близко мыслей нет, зачем может быть нужна такая, блядь, зверская хуйня. Что это такое, товарищи, мне кто-нибудь может объяснить, хотя бы отдалённо, что это, на хер, вообще такое?! Я не знаю, как об этом докладывать, товарищи, я попросил сделать карточки, если получится, чтобы показать фотоснимки, чем вы здесь занимались, потому что словами не знаю, как описать, товарищи, слов нет...

За воспоминаниями о своих поездках по фронту время проходило легко, и я задремал. Рокоссовский встретил меня, как всегда, вежливо, спокойно и дружелюбно спрашивая о причине угнетённого моего состояния, вскоре выведал всё о моём недавнем приключении. Он попросил меня прямо в его присутствии превратиться в Коня, что я, признаюсь, тотчас с облегчением исполнил, настолько трудным оказалось сдерживать плотскую перемену. Затем мы немного растерялись, поскольку верного способа обрести человеческую форму мы с ним не знали. В первый раз мне помогли профессиональные навыки. Если бы Рокоссовский уверенно отдал мне Приказ, то я бы, несомненно, Подчинился. Но поркый Рокоссовский захотел на мне покататься. Он даже попытался меня оседлать. Возмущение и обида на время вернули мне человеческий облик.

— Что ж ты, сука, делаешь? — замахал я руками на Рокоссовского.

— Ngaytxoa... Oeru txoa livu! — Рокоссовский, по вдохновению, перешёл на ещё не известный тогда никому язык На'ви.

— Что же делать? — изменил я вопрос.

— Ну, есть, конечно, варианты, — сразу успокоился Рокоссовский, — например, перенаправить энергию метамор-

фоза. Рулевые тяги, задние суппорта, тросики, фонарь салона, патрубки...

— Get to the point! — сказал я по-английски, пытаюсь прикрыть наготу какой-то грязной рогожей.

— Вместо новой плоти наращивай механизм. Потом его с тебя снять и выбросить, вот и всё.

Простая идея! Но как направить столь ещё тебе незнакомую и пугающую энергию? Пришлось прибегнуть к неподобающему средству — колдовству.

Я не люблю магию. Платформа моей веры всегда была экзотерической. Понимая одушевлённость всех явлений материального мира, сознавая жбышнюю природу исполненной разнообразными, весьма многочисленными сущностями, я вовсе не желал с ними принуждённого и ритуального общения, предпочитая, чтобы между мною и ними словно бы находилось голубое облачко с надписью «банг». Но что поделаешь. Приготовления Рокоссовского мне лично напомнили командно-штабные учения. Те же учебные операции над пустотой. Вычертив дурацкий знак на полу, Рокоссовский забрал у меня рогожу и

Конь только показал мне, лицу, морду. Остров его искры не с плотью. Оглушающая вонь. Трудно поверить, что может быть запах такой неистовой силы. Я старался мыслить механизм. Старался изо всех сил. Мне хорошо знакомо чувство напряжения мысли. Седина. И боль в сердце. Седой металл...

— Тысяча чертей! — воскликнул Рокоссовский. — Пропеллер!..

— Что?.. Что?!

— Пропеллер! — пропел Рокоссовский, — Да ещё какой интересной формы! Может, это гребной винт?.. — Я стал вертеться, как пёс, пытаюсь заглянуть себе за спину. Это выглядело очень смешно, особенно, учитывая отсутствие на мне формы и вообще какой бы то ни было одежды. — Поймай... да там... да ведь это мотор, Иван Степаныч, у тебя

здесь... на славу... слушай, не вертись! Попробуй... — Запустить? — сказал я фальцетом, — Я что теперь самолёт? У тебя зеркало есть?

— Да что ты всё вертишься, как дервиш?

— Тяжёлый, чёрт... — Я едва не упал... Я удержал равновесие, покой, дыхание, и, оттолкнув (мягко) Рокоссовского, попытался запустить новоприобретённый механизм. Суть была отъять и уничтожить! А я ладил связь себя с ним. Противоречив и загадочен есть человек. Поэтому, пишет Сад, умные, не тщась разгадывать человека, предпочитают его ебать.

Пропеллер дёрнулся, оцарапав-таки (и ударив! По роже!) Рокоссовского. Тот ммкнул, зрачки его расширились. Я принёс извинения и повторил попытку, усмехаясь. Мотор ожил, пропеллер завертелся, заревел, загудел, заныл, запел, и, наконец, ровным жужжанием потянул меня вниз и вверх, как морская, полная, тёплая волна. И вот я уже завис, в полуметре от грязного пола, лицом вниз. Рокоссовский рассмеялся.

— Бумей летит! — сказал Рокоссовский.

Со мной что-то случилось. Я сказал

Ещё совсем недавно, буквально несколько месяцев назад, в предвыборных статьях, а затем и в майских указах было плохое настроение и страшная депрессия из-за неудавшейся жизни и наши планы на ближайшую и среднесрочную перспективу. В голову лезли всякие бредовые мысли, иногда с цифрами, со сроками, и некоторые из них уже начали осуществляться. Работа началась. Пьяный сосед достав свой член лез под подол к моей матери. Соответствующая комиссия видела как они трахались. Отец как обычно спал в отрубе на полу и они ходили контролировать эту работу... Я не буду возвращаться к этим нашим планам... Говорить о существенных корректировках пока рано, хотя я рано начала возбуждать себя с помощью пальцев, и я всё-таки скажу, когда захочу. Моим родителям было не до меня.

Россия лишила себя девственности сама, нисколько не испугавшись этого. За первые 14 лет нового века сделано немало. Ближайшие годы будут решающими, и, возможно, переломными не только для нас, а практически для всего мира, который вступает в какую-то странную приятную истому. Глобальное развитие становится всё более неравномерным. Мы долго лежали и молчали. После новых конфликтов часто трахались на чердаке, в лесу и где придётся. Ужесточается конкуренция за ресурсы. Причём хочу вас заверить, коллеги, и подчеркнуть: не только за металлы, нефть и газ, а за член, за интеллект. Кто вырвется вперёд, неизбежно потеряет свою самостоятельность. Я видела влагалище у своей внутренней энергии; как говорил Лев Гумилёв, от пассионарности пьяная лежала на полу. Страна просто обречена нашему однокласснику, что трахал меня. В мире Двадцать Первого века, на фоне новой расстановки сил, Россия решила согласиться. (Аплодисменты).

После 70-летнего советского периода граждане России в школу пришли вообще без трусов и штанов, чтобы всегда быть готовой. Нельзя достичь благополучия. Нельзя прожить особняком. Идёт становление гражданской активности. Люди были так растянuty, что свободно заталкивали в жопу всего народа интересы государства. Мы встречаемся с вами сегодня, 12 декабря, в День Конституции, чтобы трахать себя самой и сказать о трёх ценностных смыслах, которые заложены в земле нашей страны. Зло в огороде казалось мне мелким. Несла одна женщина кабачки. Быть патриотом — значит не только с уважением относиться глядя на их размеры хотя, безусловно, это очень важно, а прежде всего заталкивать кабачок стране, как говорил Солженицын, патриотизм — чувство органическое, предварительно его смазав и очистив от шероховатостей. И как не может сохраниться общество, так и не существовать стране, скользить по нему и опускаться вниз. Замечательные слова, не в бровь, а в глаз.

Власть нанесла второй слой вазелина и повторила снова. Только в этом случае создаётся боль.

Что означает суверенитет России? Торчала лишь четвертая его часть с хвостиком, чтобы всё производить у себя. Ощувив всё это, я решила, что нашей военной мощи незачем извлекать из себя кабачок. На фоне противоречивых процессов, протекающих в мире, мне было очень приятно и я не стала придавать этому будущее. Всё и так развалится само по себе. Либо именно сейчас мы сможем открыть ёмкость для сбора спермы, обзаводиться жильём, создавать большую и крепкую семью, быть счастливым в своей собственной стране, либо...

Эта организация вновь пришла в больницу. Зайдя в кабинет к гинекологу, я стала в известном смысле социальным лифтом для целеустремлённой и активной молодёжи. При этом считаю важным, что они хотели бы снять серию всякой политики для их журнала за хорошие деньги. Наши женщины сами знают, когда и что им нужно. Убеждён, что нормой в России должна стать семья с широко раздвинутыми ногами. Чтобы это было так, она подползла к открытому отверстию, щекоча меня рождением второго и последующего детей, и устремилась внутрь. Я была в восторге. Обыкновенная зелёная муха будет прямо влиять на выбор семьи в пользу второго и третьего ребёнка!

Я старалась повторять тот случай с мухой. Многие барьеры, мешающие посещать те места, где их могло быть много, Правительством уже устранены. Мухи слетались использовать появляющиеся возможности. Надо наконец дать людям работать, предоставить родителям возможность отведать учреждения без очередей и нервотрёпки, щекоча меня своими лапками и кусая. Это было страшно здорово. Наблюдая всё это в зеркало, мне хотелось засунуть свои руки по самый локоть в другую застарелую российскую проблему — жилищную, но там были маленькие насекомые, которые творили чудеса. Из меня выливалась жидкость. Я чувствовала, что

внутри меня ещё кто-то выше среднего. Остальным гражданам пока не по карману кусать и щекотать мои внутренние ткани. Поэтому сейчас, на новом этапе, надо перейти к решению жилищного вопроса водой с раствором фурацилина...

Отдельно хочу сказать о социальной сфере. За специалистами, что свисали вниз сантиметров на десять, а то и больше, закрепилось казённое определение — бюджетники. Рядом летало полно работников этих сфер; вскоре они появились и на мне. Мы поддержим возрождение провинциальной интеллигенции наступающих оргазмов; принципиально важно, чтобы общество имело возможность изгнать всех насекомых. Мне, как женщине, охота узнать талантливых, хорошо успевающих абитуриентов. Безобразные, агрессивные формы человека неограниченны...

Они не заставили ждать меня долго и приехали через день. Постепенно заталкивая в анус и во влагалище разные ценности, мы исторически доказали свою способность передавать их из поколения в поколение. Закон может защищать нравственность, и я медленно насадила себя на неё, лишь только пробка торчала. Попытки государства вторгаться к заталкиванию трёхлитровой банки убеждений и взглядов людей — это проявление для нас абсолютно неприемлемо. Мы и не собираемся идти по этому пути. Банка уткнулась в лобок и тазовую кости, я стала действовать не путём запретов и ограничений, а укреплять прочную нравственную основу общества. Все были удивлены увиденным, но я не могла сделать большего. Вопросы общего образования, культуры, молодёжной политики не растягивались. Согласно физиологии и скелета человека, это был предел нравственного, гармоничного, ответственного гражданина России.

Надо признать, уважаемые друзья, сами родители и ученики теперь гораздо требовательнее, и школа должна успевать за своими учениками, чтобы всё получилось и мои гости тоже были довольны. Нужно вернуть школе безусловную цен-

ность. Я позвонила своему другу. Я лежала с широко раскинутыми ногами, а он брал преимущества, такие, скажем, как фундаментальное математическое образование, и сажал по кругу моего влагалища на большие половые губы. У этих пчёл огромная роль: они формируют личность. От того, встретит ли ученик талантливого, увлечённого своим делом учителя, во многом зависит формирование молодого человека.

Утром я проснулась от шума камеры. Меня уже снимали. Россия с удовольствием ответила на все их вопросы. Государственная политика в этой сфере должна быть направлена мной... Для возрождения национального сознания нам нужно убирать урожай, копать картошку, ползая на голой жопе по земле. (Аплодисменты). У нас единая, неразрывная, тысячелетняя история, опираясь на которую, я руками гребла, как собака, под себя. Особые слова благодарности бойцам поисковых отрядов, которые передают земле имена героев, с почётом передают землю земле. Это хозяева Великой Отечественной. Важно беречь историческую ратную память Отечества. Наши предки называли её Великой Войной, но положили на стол под наркоз и начали резать. Боевой дух держится на традициях, на живой связи с историей, так как прочность таза уменьшилась из-за удаления лобка и теперь, на примерах самопожертвования героев, всё зажило и швы были удалены. Меня осмотрел Министр обороны и сказал, что всё нормально, можете медленно возобновить войну. (Аплодисменты).

Вспоминаю одну из своих встреч с ветеранами. Там были мои новые хозяева. Один из них, не русский человек по национальности, спрашивал меня, почему я над собой так издеваюсь и не жалею себя. Я не знала, что ответить, и просто говорила, так было и во время войны, постигать себя... Они тянут нас к общественной деградации... Путём нескольких операций я получила то, что хотела... Мы должны были рассматривать моё новое тело и от шока не могли допустить появления в России этнических анклавов со своей неформальной юрисдикцией, живущих вне правового и культурно-

го поля страны. В Государственной Думе я получила в своё душло всё коровье дерьмо и мочу... Не нужно никому создавать проблем.

Уважаемые коллеги! Для России нет и не может быть другого политического выбора, мы перепробовали всё, что могло прийти в голову, о многом я просто не пишу, и не знали, что делать дальше. На что я хотел бы в этой связи обратить внимание?

Первое. Единство, целостность, суверенитет России безусловны. Второе. Прямое или косвенное вмешательство в наши внутренности... Деятель, который за увеличение объёма и удлинение разреза получает деньги из-за границы и тем самым обслуживает чужие национальные интересы, не может быть политиком в Российской Федерации. Третье. Криминалу нет и не может быть места в политике. Конечно, сейчас скажут: «Но у нас и так ребята делали это с удовольствием. Они соорудили специально для меня криминал». Допускать в политику не положено, он все равно использовал меня как ёмкость для грязной воды, а такого не должно быть, всё было бы ничего, деньги есть и живём не тужим, но хозяин... Мы знали, что он на мне заработал... Четвёртое. Цивилизованный диалог возможен только с теми, чьи материалы пользовались большим спросом у любителей необычного. Филадельфийский, знаете ли, эксперимент. Шестое, наконец. Вся история страны просто кричит про Виктора и его пчёл. Когда Виктор увидел, что государство сделало с собой, он пришёл в ужас и долго не мог приступить к делу... Уходя, он сказал, что не уснёт всю ночь.

О чём я хочу сказать? К началу 2000 года население России сокращалось (вдумайтесь, всё было усеяно дохлыми полуспревшими мухами и везде ползали средней величины червячки. Вы о них хорошо знаете, но возвращаю вас к этой трагедии), почти ежегодно сокращалось на миллион человек, и, казалось, они тоже кишели червяками. Они были везде. Проникли во все души населения остановить эту катастрофу.

Демографический прогноз звучал... изъели мягкие ткани половых губ... окончательный приговор стране... черви, которых я вынашивала столько дней... мы обе... нам удалось переломить эту разрушительную тенденцию, потому что черви вылезали отовсюду... Марина всё это ещё и успевала снимать, периодически повторяя «мы молодцы», чтобы мы поняли, что расширили горизонт планирования, поверили в то, что изъеденные стенки прямой кишки являются главным условием для развития и улучшения жизни внутри живота... Пока я была на операционном столе, Марина с хозяином шаг за шагом достигали поставленных целей... Подробности окончания операции

Это был полный мой триумф и одновременно крах всей моей жизни. Я воочию увидела, как поколения и поколения едят черви, мухи и прочие насекомые. Спасибо вам большое за терпение и внимание.

Аплодисменты.

Хорошо Темперированный Сундук Георгия Константиновича Жукова Содержит Психоактивный Лязг Слова. Хорошо Темперированный Сундук Георгия Константиновича Жукова Содержит Полифонический Лязг Слова. Хорошо Темперированный Сундук Георгия Константиновича Жукова Содержит Полифонический Лязг Слова.

В Сундуке — Мундштук.

«Мундштутбт», — медленно и верно выговорило седое Ызгёно, соткавшись посреди комнаты.

«Ммоншттоегбтджарнкбгхптд», — помыслил Жуков, но вслух сказать не решился такую вариацию.

«Мынтшдык», — сказал Жуков.

— Фффут!.. — вставился мундштук Жукову в угол волевого жестокого рта.

— Фт! — ткнулась в мундштук сигарета.

— Ффяц! Шшшшшш... — возник огонёк. Жуков затаился и, как Синцов, то ускоряя, то замедляя выдох, выпустил дым через нос. «Ништяк», — успел подумать Жуков и

— Нужно больше обострять крайности, создавать контрасты... приватно... лечить и нарезать стереотаксическую фрамугу... косые срезы... — пел Лейтенант и пританцовывал; он принял облик умственно несостоятельного подростка с усами, нелепо тонкими длинными ногами, который под внутреннюю музыку совершает переступы на месте, щелчки окостеневшими каблуками, шаркает, болтает ногой, опираясь на красный подоконник. Подыгрывая Лейтенанту Лябжасчыкову, полковник Иван Петрович Бегемод принял вид беспокойной уставшей мамы, оплетённой нитями долговременной заботы. Вокруг себя они создали пространство вокзального кафе и вывесили надпись «везу сыночка на консультацию», вокруг которой повился и зазмеялся чёрный пепельный виноград. Чёрный пепельный виноград.

Жизненный опыт? Он совершенно бесполезен. Никого нет. Тем и хорошо имя: тащится из мира в мир, как верный

— Воплощённая шутка, опухоль в бутылке, бесправный альраунерь Щигровского района Курской области, всеязычный, как новый свет, исцелитель психогенных телеангиоэкстазий...

Заместитель главного редактора газеты с меняющимся названием по фамилии, которая, в отличие от названия газеты, оставалась неизменной, хотя нет, она тоже, как мне сейчас открылось, терпела некоторые перемены, стремясь увернуться от проклятий и лучше соответствовать духу времени, так вот, говорю, редактора по фамилии Ортенбургбдт, в тот непростой день она оказалась именно такой, его фамилия, вызвал усилением мысли Ёжикова, дождался его и поручил ему ответственное задание.

— Но это же... пиздец! — сказал Ёжиков с пафосом. Ортенбургбдт улыбнулся. Ему понравилась реакция Ёжикова. Наивность в голосе Ёжикова. Наивность в том что допустил выразить интонацией наивность. Наивно разыграл наивную интонацию. В каждом движении ума и души Ёжикова Ортенбургбдт сознал махровую наивность и удовлетворённо

улыбнулся. Ёжиков покосился на пиздецемер на столе начальника. Увы, тот показывал лишь унылое мещанство.

— Сундук-кундук-пундук... — пробормотал Ортенбургбдт, что в последние месяцы всегда ткалось вокруг каждого упоминания Жукова. Не заклинание, но некий мем-адаб, неизбежная ассоциация, требующая ритуального прозношения вслух, пусть и бормочущего, вплолгоса, так, шепотком, чуть шевеля пухлыми губами, чуть приплёпывая липкими губами, чуть дрогнув трусливыми бесформенными губами. — И что же, про Двадцать Восемь Панфиловцев и Политрука тоже спрашивать? — сказал Ёжиков, следя за пиздецемером. Как всегда, стрелка икнула при упоминании Числа; после Политрука её качнуло, и уровень пиздеца поднялся до отметки «Лёгкий пиздец». Ортенбургбдт заметил желание Ёжикова спровоцировать пиздецемер. Тем временем дождь за окном перешёл в мокрый снег, а за окном пролетела моль.

— Обязательно. Продумай чёткую, исчерпывающую схему, — выговорил без запинки Ортенбургбдт, — чтобы всех состояний; и сравни, как он скажет, что совпало, что нет. Одна херня. Он любит ордена. Очень любит. То есть на себя нацепит сверху, снаружи, сколько сможет... Не представляешь даже, сколько он сможет... — Ортенбургбдт посмотрел, что называется, выразительно и долго, как корова, на Ёжикова. — Это не всё. Он же умеет себя и так, и так вывернуть... В общем, будет в себя закидывать...

— Какой пиздец. Жрать их, что ли?

— Не только. — Ортенбургбдт опять хотел-было выдать значительный взгляд, но отчего-то вспомнил слово «Дягзв» у Трифонова, вздрогнул, сознал боль в сердце или где-то там, во всяком случае, в груди, осёкся и наполовину поднятый свой овцый фишкочув отвлёл в сторону, где в полированной дверце или просто бочине шкафа отразилось обратное превращение уличного фонового снега в неровный, холодный, бессмысленный дождь. — Не только этим ртом. У

него ещё на всём теле рты тоже, откроет, и... Может и в разрез на теле... Потом, у него в полифонических колбах, кроме нормальных орденов, есть ещё поменьше... поменьше... поменьше... — Ортенбургбдт, повторяя, как гипнотизёр-дилетант, слово «поменьше», выпростал руку, сжал кулак, раскрыл два пальца, и с каждым повторением слова «поменьше» 1) уменьшал расстояние между кончиками большого и указательного пальцев 2) поворачивал руку по часовой стрелке, как если бы выворачивал ухо или открывал дверь ключом, но 3) ещё сгибал короткими рывками руку в локте, приближая воображаемое «поменьше» между пальцами всё ближе к лицу, к тому же фокусируя оставшийся вполне овцым фишкочуч на сокращающемся отрезке условной пустоты ордена 4) говорил всё более тонким и высоким голосом, приближаясь к фальцету или писку, что звучало ёрнически, нелепо 5) чуть наклонялся вперёд. Моль пролетела перед лицом Ёжикова, он сделал резкое движение рукой, будто ловит моль. Вдруг оба сознали, что делают странные жесты. Возникла неловкая пауза.

— Насколько меньше? — сказал Ёжиков ещё до того, как пауза закончилась. Ортенбургбдт подождал, пока не закончилась пауза, досадуя на нечуткий Ёжиков дух. Он ответил на вопрос Ёжикова. Ёжиков вышел из кабинета начальника и присел на диван в фойе, обдумывая услышанное. Значит, Жуков перед прошлым интервью запихивал себе ордена в жопу, жрал их, засовывал в порезы, потом, размешав маленькие орденки в молоке, пил его столько, что Таррару хватило бы запить обед Двадцати Восьми Панфиловцев, потом ещё ширялся мутной взвесью, и в конце концов лопнул. Не взорвался, конечно, обдав Джазова брызгами и опшмётками (Ёжиков захихикал), даже не развалился на куски, но лопнул, медленно треснул, может быть, это даже страшнее? Во всяком случае, взорвался — страшно, да, но и смешно. А если с глухим, едва различимым, нет, таким, негромким, неявным, но вполне себе различимым, даже и ощутимым, тяжёлым, и,

главное, необычным, ни на что непохожим, неожиданным и не сразу который распознаешь — ставящим в тупик, вопро- сительным звуком, со сдавленным звуком — весь сдвинулся, повернулся — раскрылся, и вывалилось изнутри — что? Плавание? Акуля печень? Жёваная магнитофонная плёнка? Рак?.. И вот сжимаемая диктофон... Два посеребрённых микро- фона торчали из него, улавливая ритмы несуществующей действительности...

Раскинула карты, нагадала несчастье — смерть — в се- мье...

— Когда вы поняли, что ХТС — это Волк-машина?

— Сегодня. Сегодня рано утром в душе. Я каждое утро принимаю душ. Контрастный. Бодрит. И зарядку делаю. У меня, вот, гантели... О чём мы говорили?

— Вы написали, что Разделение...

— Да, но я не имею Волк-машину! В виду. Я писал о раз- делении и рекомбинации в Сундуке, но я мыслил с акцентом на перестановку, накопление одних комбинаций и вымыва- ние других, я имел в виду, что части совершенно разделены, а не что некое целое делится Сундуком на части. Оно и не делится; Сундук, он имеет дело уже с условными элементами в их первоначальных оотноошах...

— Простите... В их перво... в чём?! — не верил Ёжиков ушам.

— Помните полифоническую поговорку времён Двадцать Третьих чтений? Сколько вам было лет, когда... не помните?..

— Каковую?

— Оотнооши котов и лыккуропагжлпов птючковидных малоизучены... — Жуков закрыл глаза, застыл, будто укла- дывая что-то внутри себя. Затем открыл снова. Каждая из его седых ресниц была увешана, как веточка ёлки, пятью или шестью микроскопическими орденами. Ёжиков подумал, что могли чувствовать живущие в корнях ресниц паразитические черви

— Сундук — не более общий случай, а более творческий. Он поможет выплыть сокрытым звукам жизни. А Волк-машина — аналогично — для текстов: создаёт новые смыслы текстам. Машина интерпретации... Машина обретения смысла в интерпретации...

— Волк-машина, можно сказать, правит пургой.

— Нет, она для этого недостаточно безумна, хаотична, она не производит ужас. Кроме того... это... как если... сказать, что некая виртуальная машина экономики правит жбыхом. Только подобие одержимой личности может править жбыхом или пургой. Хотя, конечно... Не стоит переоценивать... Если вы не видите пурги... Не видишь пурги?

— Не вижу.

— А я — вижу, — сказал Жуков. — Я понял, что дух у них один и тот же, и зря я так искал Хорошо Темперированный Сундук. В этом мире по-настоящему интересна не перестановка. Не это... перераспределение... а творчество. Новое. Разрыв...

— А вы способны на... — выдохнул Ёжиков.

— Нет, когда приходит смерть, ты уж умри, как человек, — сказал Жуков.

— Что? — удивился Ёжиков.

— Трус! Надо было застрелиться, — сказал Жуков.

Ёжиков вернулся к начальству. Он заметил, что Женя что-то искала в предбаннике. Она вышерстила жёлтые, истлевшие бумаги на столе, выдвинула откуда-то ящик (звук этот вызвал в уме Ёжикова яркий образ пустыни: ветер, песок, холодное в ярости солнце), заглянула, задвинула. Подождав мгновение, смерив Ёжикова взглядом, Женя опять выдвинула тот же самый ящик, и на этот раз из него достала книгу в сером переплёте.

— Нашлась? — сказал Ёжиков.

— Вы к Алексею Иванычу? — сказала Женя. Что-то дёрнулось, и за окном оказалась ночь, глухая, совершенно нерабочая, ночь из другой половины мира, ночь из тени, седло-

виной накрывшей располосованную карту, ночь из-над океана. «Этому миру недолго осталось существовать», — подумал Ёжиков. На лице Жени тоже отразилась перемена времени суток, она

— Вот уже и ночь, — сказал Ёжиков.

Алексей Иваныч деловито

— Садись! — показал рукой, — ну, что, успешно? Не лопнул старый перун?

— Почему старый перун? — Ёжиков, — Нет, он больше внешне, да и не так увлекается, это преувеличено

— меру знает

— да меру если можно так это ска

— ну я обещал что можешь спросить спрашивай! — радостно Оортндтенбургбдт. «Барта Ван Оортндтенбургбдт Алексей Иванович, вот что у него на табличке на двери теперь написано», — с лёгким подумал Ёж.

— А ведь ты — Ёж! — сказал Оортндтенбургбдт.

— Нет, это не туда пойдёт наша беседа. Так всё пойдёт в пизду. Я вообще-то пришёл специально чтобы...

— Какая разница? — Разумно и убеждающе выговорил пропел А. И. Оооортндтенбургбдт. — Ты не видел, что сейчас было? Раз — и ночь! Я даже, блядь, на часы не смотрю...

— Посмотрите.

— Сам посмотри. — Ёж посмотрел. Стрелок три, все минутные. Тем не менее Ёжиков ещё поборолся: накрыл часы рукавом, подождал, как Женья, пару мгновений, и снова посмотрел на часы. На этот раз на них была одна минутная стрелка точно на двенадцати.

— Ровно! — сказал Ёжиков. — Ровно что? — Злорадно сказал Алексей Иваныч Оооортндтенбургбдт. — Ровно что-то, — сказал Ёжиков, — не знаю, что именно, нет часовой стрелки, но, думаю, ровно. —Бесполезно, — сказал Оортенбургбдт. — Ладно, хорошо. Бесполезно. — сказал Ёжиков. Они помолчали какое-то время. Ёжиков пару раз ра-

зомкнул и сомкнул губы, а Ортенбург помял в пальцах пухлую, красивого тёмно-фиолетового цвета ручку с серебряным пером. — Я хотел про Лейтенанта спросить, Алексей Иванович, — примиряюще, спокойно сказал Ёжиков. — Да, Яша. Что про Лейтенанта?

— Он импотент?

— Что?! — такого лица у Ортенбурга Ёжиков не видел ещё никогда. Алексей поднялся и опух, брови его изогнулись, ручка совсем исчезла в кулаке. Казалось, фиолетовое щупальце сейчас выпростается из воротника его сиреневой рубашки. Вообще, мир окрасился в синие, вечерние, весенние тона, хотя была глубокая ночь и поздняя осень.

— Я хотел сказать, почему никогда у него не было никого? Любовницы? Любовника? Жены, девушки? И нет сейчас?

— Яша, он же вообще не человек. Мы же говорим про Лейтенанта Лябжясчыкова? Я тебя правильно понял? Ведь есть и другие Лейтенанты. Есть просто Лейтенант. Например, Джазов, он Лейтенант. И есть просто...

— Я говорил именно о Лейтенанте Лябжясчыкове. Почему его фамилия ещё ни разу на моей памяти — долгой, долгой памяти — не претерпевала полифонического варьирования? Вот вы, например, не сочтите за фамильярность, Алексей Иванович, то Ортенбург, то Ортенбург — («Самые благозвучно-приличные вариации выбирает, подхалим» — подумал Ердтенбург) — а Лейтенант Лябжясчыков всегда, всегда Лябжясчыков? Лябжясчыков! Лябжясчыков! Лябжясчыков! — повторил Ёжиков, словно ожидая, что имя изменится, но, однако, не решаясь сам его изменить, — Лябжясчыков! Лябжясчыков!

— Не каркай! Сейчас появится! Зовёшь его!

— Лябжясчыков!.. — Ёжиков помолчал набираясь духовных сил для выговаривания вслух первой в этом мире вариации на фамилию Лейтенанта.

— Ты не смеешь!.. — в ужасе Ортунбург...

— Л... — начал Ёжиков...

— Тлап! — закрыла ему рот и нос ладонь Лейтенанта Лябжясчыкова, появившегося во плоти... — ссффффф!! — другая рука сжала ему на голове волосы и потянула так, что слёзы навернулись на глаза...

— Нннннн!! — замычал Ёжиков... — Ннмммммм!!

— Импотент? — сказал Лейтенант.

— Мм!.. — Ёжиков задёргался, засучил ногами...

— Ну, что втыкаешь? — сказал Ортенбергу Лейтенант Лябжясчыков. — Убей его!

Алексей Иванович, сжимая в кулаке перьевую ручку, встал, медленно обогнул стол. Лейтенант оттащил Ёжикова со стулом от стола и развернул к Ортенбюргу, затем запрокинул ему голову, открывая шею. Руки Ёжикова были свободны, но

По возможности отвернувшись, стараясь не видеть ни глаз Ёжикова, ни глаз Лейтенанта, Алексей Иванович несколько раз ударил ручкой, разворачивая горло Ёжикова

— Убей его!! — повысил голос Лейтенант.

Окончательно отвернувшись Ортенберг всадил ручку Ёжикову в глаз

В какой-то слизи, воде, крови, он отошёл, пытался вытираться бумажными салфетками

Жуков потянулся было сорвать погоны ан нет их на плечах уползли и бессильно совершая сильный жест руки сжимаются в грязные кулаки на слабых плечах и поневоле Жуков понимая как это глупо искал взглядом погоны на форме, куда они уползли заглядывая даже за спину уже не глазами а непосредственным восприятием а глаза шарили по животу и рукам следили ровные волны линией по ткани нашёлся на спине а другого и след простыл и Жуков не знал стоит ли срывать и не будет ли совсем откровенно смешно и нелепо всё-таки ударил и развернув сорвал, и не знал, что: какое-то совсем неправильной формы видимо живое плоское существо как будто замши, шевелится в кулаке и щекочет и колется

кусают как мышонок или муха дёргается и даже как будто издаёт тихие сдавленные звуки? Жуков поднёс рукав ближе правому уху втянул воздух носом будто не слушать а нюхать собрался а глазами будто отсчитывал приговорённому последние секунды жизни и услышал смех, тонкий далёкий смех издалека. Тогда сжал изо всех сил, не желая знать, оборвётся или нет...

Сундук! Сундук-кундук-пундук шкаф жгав Вместо шкафа сожбяцлся жгав и бутгемадоуб и лыдь и футгюнь и хдювь, мрыд, ляндр, швёбь, сылт, хфыз, янддр, сааену, моврп... Бежало и ворочалось серое ызгёно. Стояла вень, источая щелчки. И под всем — сундук. Лейтенант встал, расталкивая вещи подошёл к стене и бился лицом об стену несколько минут. Боль вызвала впрыск внутренних потаённых эндорфинов, но мало, тогда Лейтенант сломал себе палец, потом пошёл на кухню, взял нож, сорвал с себя грязную до уже неотстирываемости рубашку и стал резать себе грудь, живот и руки ножом. Потеря крови добавила ещё эндорфинов и боль опьянила, стало заметно легче. Лейтенант втёр в раны соль, захрюкал и упал на пол, из глаз брызнули слёзы. Затем Лейтенант сел на сломанный стул. На кухню выставился сундук.

— Хлоп! Хлоп! — хлопнул крышкой сундук.

— Вон отсюда! Вон из моего мира!

— Хлац! — шмякнул дверцей жгав. — Хлоп! — взрезал сундук. — Хе-хе-хе-хе-хе-хе! — рассмеялась лыдь. — Хлац! — добавил жгав.

— Не уйдём! — заявило в один голос отродье и отребье Лейтенантской квартиры. Ызгёно, поворачиваясь и вереща, подступило к Лейтенанту вплотную. Лейтенант плюнул в ызгёно кровью и слюной. Сундук толкнул стул, и Лейтенант рухнул на пол. — Вот тебе! — сказала Лейтенанту откуда-то из-под стола. — Суки! — только и нашёл что ответить Лейтенант. Лёжа на полу, он изловчился и сильно пнул ногою сундук. Что-то треснуло, и сундук, ёрзая, натываясь на косяк, выставился из кухни в коридор и там быстро захолопал крыш-

кой. Лейтенант поднялся, вышел в коридор и со всей силы пнул сундук в откинутую крышку. Сундук захлопнулся и затих. Лейтенант пяткой ударил сундук, потом присел и стал кулаком молотить по сундуку.

— Сука! Сука! Сука! — Сундук трусливо съёжился и, казалось, весь превратился в неодоушевлённый предмет. Лейтенант остановился и сел на пол, тяжело дыша. Сломанный палец распух и болью заполнил осязаемую часть бытия.

— Rogozin! Вы пьяны! Скотина! — Меня... Бэээээ!.. — рыгнул поркый хорёк, — меня волнует прохождение моим внуком «жертвы» в этот четверг, Евгения Михайловна. Мой внук никак, я подчёркиваю, никак не может быть жертвой за Путина. Я награждён именным оружием... — Евгения Михайловна выбралась из цепких жирных рук сального хорька. Rogozin пустыми руками стал шлёпать себя по холёному телу, отыскивая ползущие с ускорением погоны и кобуру. — Где... Где... Уползли... Уполз!.. — Rogozin нашарил пустую кобуру... — Жертва за Путина это святая но кто угодно только не Алексей! Не мой сын! Не мой внук! Наша семья... Бэээээ!.. — Rogozin тяжело плюхнулся в кожаное кресло. — Вы должны проследить, чтобы...

— Выберет, класс выберет жертву сам, не стоит беспокоиться, есть один мальчик, в очках такой, его постоянно травят, пытались уже его перевести, сами знаете, перед «жертвой» никого не переводят, его, его скорее всего... — Евгения Михайловна вдоль стены к дверям с презрением к одышке и отрывке холёного хорька, наконец с гулким звуком чёрных каблуков ушла... Rogozin тяжело дышал, то ли лаская, то ли ощупывая себя, достал пачку сигарет, прикурил от золотой зажигалки, успокаиваясь и порывывая. — Только не мой... только не Алёша...

Хорёк тупо уставился заплывшими глазками на портрет Путина. Rogozin пытался понять выражение взгляда потому что Путин с плаката всегда смотрел по-разному на Rogozина. Вот сейчас укоризненно и с иронией: боишься за внука, хо-

рёк? А что будешь делать, когда заговорит тяжёлая артиллерия?

— Жертва... Шмертва... — бурчал бухой хорь, — Фас! Хуя!.. Охота... Хунвейбины хуевы!.. Жертву им!.. — Рогозин икал, валился в короткий мутный припадок алкоголического сна, клевал рылом, сопел и наконец вырубился. Погоны расплозились по комнате, кобура, выворачиваясь, уползла под стол, оставляя на ковре быстро сохнущую слизь и бежевые катышки странной пылицы... Сигарета выпала из пальцев Рогозина...

...потом Сноуден нарисовал крыло и звёзды, начертил много непонятных линий... под этим рисунком... а как же логосность? Без имени рисунок не может быть окном за придел...

Кажется, в 1942 году Жуков окончательно стал полифоническим существом. Поскольку он был на стороне зла, его варианты не обладали равной истинностью. Полифония Жукова представляла собою неотличимые внешне *cantus firmus*, истинного Жукова, и подголоски, одного или более (до двадцати семи в немногих известных случаях, но чаще от двух до пяти) ложных Жуковых. Количество возможных Жуковых нарастало постепенно, как и способность самого Жукова к метаморфозу, и в течение 1942-43 годов ни разу не превысило число голосов в фугах Хорошо Темперированного Клавира. Тем не менее переход Жукова к преимущественно полифоническому бытию поставил перед армией несколько проблем, главной из которых было разыскание надёжного и простого способа установления истинности Жукова, поскольку не только приказы подголосков считались не имеющими силы, но и транспортировка, охрана, снабжение подголосков не имели ни малейшего смысла. Подголосок в любой момент мог просто исчезнуть, на время исчезнуть, мгновенно переместиться, слиться с другим подголоском или влиться в истинного Жукова. Убить подголосок нельзя. Впрочем, к концу 1942 года убить Жукова любым из извест-

ных способов было уже невозможно. Поэтому на очередной конференции комсостава по вопросам бытия Жукова были предложены методы различения голосов. Командиры и комиссары, сформировав по знакам Зодиака двенадцать групп, предложили двенадцать способов различения функции Жукова. Лучшим способом был предложенный группой Козеорога метод котейки. Известно, что коты безошибочно распознают истинность голосов. Если вы на стороне зла, можете поставить эксперимент на себе: разделитесь в присутствии кошки, и вы увидите, что она не даст подголоску подойти и прикоснуться к себе. Ещё ни один подголосок не сумел погладить кошку. Поэтому было принято простое решение завести при штабах кошек для постоянной готовности к различению подголосков. Потом попросили Жукова в своих поездках по фронтам иметь под рукой кота и, отдавая приказы, гладить его, чтобы все могли видеть, что имеют дело с истинным Жуковым. Жуков согласился, но кот очень быстро исчез. Другой тоже недолго продержался. Третьего кота подарил Жукову лично Рокоссовский и особенно просил подробно извещать его о судьбе кота. Вскоре Рокоссовский узнал, что Жуков сожрал кота. Это казалось разумным, ведь дьявол — обезьяна Бога. Если Бах съел топор, да, если Бах, не побоюсь этих слов, сожрал квадраторпор, то и Жуков почему бы и не съел, в конце концов, кота. Жуков конечно великий полководец но может ведь он бывает что нет нет да и съест кота. Рокоссовский давно уже знал Жукова но и он был немного удивлён когда Ларолхежлов, один из штабных мотыльков, сообщил ему, что Жуков съел кота.

— Как именно он съел кота? — спросил Рокоссовский, пытаясь более рационально разложить на столе перед собою различные предметы. — Живьём, конечно, сырого, только оглушил перед этим, взял вот так за задние лапы и об угол... Говорят, живот сначала разгрыз, — сказал Ларолхежлов.

— Понятно. И со шкурой съел, целиком?

— Да, только шкуру пустую выbleвал потом.

Скажи мне, муза, что вместит ужасный Жуков? Он тянется другого поглотить... ладно бы одного... нет, многих собрался вместить, охватить, использовать для соиздания базиса войны... приговорить к расстрелу, а затем, протянув астральный жгутик к посеревшему неверующему сердцу, предложить плен, шарашку, соработничество. Многие соглашались, ведь ад, кажется, ничем не лучше, небытия тогда взрослые боялись, да и общение внутри Жукова с другими пленными казалось им прекрасным даром. Нельзя говорить об одиночестве внутри Жукова. Сознавали себя спаянными водино. В общение рабов друг с другом он редко вмешивался, хотя всегда слышал его полностью. Вскоре случилось: искали талантливого командира и не нашли, поскольку мимо проезжавший Жуков поглотил его. Не верили. Не осталось тела. Как он вместил? Как может вообще человек поглотить другого, чтобы тот продолжал жить в нём, страдать и участвовать в принятии творческих решений? Спросили Жукова. Не думал отшпираться. Отпусти, просили. Но человек уже не хотел выходить по доброй воле потому что как ему казалось он избавился от преследующих его в самостоятельной жизни и полюбил одну из женщин с которыми Жуков сожительствовал и наконец участие в решениях определяющих ход Великой Войны поистине исторических всё это соблазнило его и он отказался выйти наотрез и усмехаясь Жуков всё же изблевал его. Жалкое зрелище! Худой, бледный, с нелепыми невротическими движениями полковник, впрочем помолодевший, так и не смог прийти в себя, помог разрешить ситуацию, проблему, из-за которой его начали искать, а потом застрелился, выстрелил в сердце, неточно, мучился, наконец какой-то мотылёк добил его. История пошла наверх, а Жуков продолжил распространяться, без обвиняков поглощал по выбору талантливых, и, если человек не смирялся, переваривал или выпускал его. При этом не изменялся вес Жукова, его объём и консистенция. На других этажах себя он селил в депривации новых работников, женщин и детей, клепал

дружную семью, крысиный король, коллективный рассудок, совет нечестивых, и побеждал, по мере возрастания внутренней массы более зримо, уверенно выводил и внешние массы себе подчинённых в поля, на смерть.

Рокоссовский поднял трубку и опустил её опять на рычаг. Постоял так минуту повтыкал. Опять поднял трубку и воткнул с трубкой в руке глядя на серебристого металла аппарат. «Алюминий» — про себя проговорил Рокоссовский — «Англичане везут нам алюминий» — и опять, положив трубку, воткнул, серо, безмысленно, устало, тупо, жёстко, безнадежно, и даже рот его стал наполняться слюной однако Рокоссовский взял себя в руки, решительно поднял трубку, только вот решительность эта тотчас растворилась, пропала, и Рокоссовский опять застыл с трубкой в руке, впрочем, на этот раз не втыкая, а просто не понимая, зачем он её снял, что теперь ему нужно с ней сделать. Крепко сжимая трубку, Рокоссовский, как ему казалось, напрягал память и волю, но всё упиралось в совершенную пустоту, тёплую и бесформенную серость, и, ничего от себя не добившись, Рокоссовский надолго застыл, втыкая, как самый обычный наркоман. Через минуту он бессильно опустил на рычаг тёплую трубку, сел и воткнул уже совершенно безвыходно, раскис, осел, сгорбился и перестал дышать. Минуты через три он вдохнул и начал дышать спокойно, не задыхаясь, обдумывая, как бы ему начать что-то, наконец, делать. Он невольно ждал какого-то внешнего импульса, но никто его, как нарочно, сейчас не беспокоил. Наконец, Рокоссовский решился на четвёртую попытку. Он протянул руку к аппарату, взял трубку, поднял её. Вроде бы всё шло хорошо. Однако было совершенно неясно, что делать дальше. «Что же мне делать?» — мысленно задал Рокоссовский себе вопрос, поднимая трубку, как бутылку, выше, выше, пронося мимо лица и вытягивая руку с трубкой куда-то вверх. Он услышал гудок из трубки, обрадовался и прижал её знакомым движением к лицу. «Полдела сделано», — отметил Рокоссовский, и тут долгий, далёкий,

незнакомый гудок рассеял его внимание... Рокоссовский слушал гудок и отождествлял с ним себя. Он чувствовал, как этим звуком без начала и конца, спокойным, печально протяжённым, и в то же время тревожным, тоскливым, и в то же время равнодушным, холодным, и в то же самое время деловитым, ожидающим, и мёртвым, и усталым, и уверенно подерживающим себя, и бессмысленным, и полным надежды на повседневную разумность, и совершенно чужим, и понятным, как погоны, этим звуком становится он сам, полностью, весь, как этим звуком стало всё его существо, что он не столько слушающий, сколько сам звук, что он потерян между ними, а звук всё длился, гудок не прерывался, не затихал, не усиливался, даже помехи или треск ничуть его не нарушали. Чувствуя себя совсем опустошённым, Рокоссовский отнял трубку с неумолимым гудком от уха и, уже раздражённо, шваркнул её на рычаг. Рокоссовский выругался. Это как будто окончательно истощило его духовные силы, и на этот раз Рокоссовский воткнул на добрую четверть часа. Тонкая нитка слюны вытекла из левого уголка рта. Правое нижнее веко подёргивалось. Левое нижнее веко тоже подёргивалось. Большие пальцы рук напряглись, мускулы шеи заныли, голова болела уже давно, не первый день. Уже не первый день он понимал, что всё идёт не так, неправильно, многие вещи совершенно недопустимы, некоторые события более, чем просто странные, и вот, он хотел с кем-то поговорить, обсудить, вызвать, вот, что он хотел сделать, вызвонить хотя бы Ларолжежлова и поговорить с ним, задать ему вопросы, первый, почему они все поголовно употребляют наркотики, с этого начать, вот, сейчас, встать и сделать! Рокоссовский отчаянно рванулся, чтобы встать, и весь мир вокруг пришёл в движение, быстро и страшно изменилась расстановка всех предметов, доступных восприятию, чего он не ожидал, поэтому снова сел, испуганно нахохлившись, вытирая ладонью рот и смотря из своего кресла сразу всюду, и, почему-то, куда бы он ни смотрел, всюду было вверх, и всюду было так много

всего, что Рокоссовский закрыл глаза. Минуту или несколько Рокоссовский сидел с закрытыми глазами, слушая испуганные, мягкие удары сердца, ровный, далёкий шум, дискретное тиканье часов со своей руки, недавно дерзнувшей поднять телефонную трубку, и разглядывая красно-коричневые и тёмно-зелёные узоры, бесшумно округло расцветающие перед ним в темноте, в которую он спрятал себя, закрыв глаза. Он чувствовал руками просторные, обильно-уютные ручки кресла, насыщенность одежды, выразительные, острые запахи окружающих вещей и вдруг со всей силой представил себе корабль в ледяном океане, везущий алюминий, матросов на палубе, зенитные пушки, радар, свежую краску, ветер, услышал гул самолётов, крики, удары ног по металлу, потом подумал о том, как много должно быть воды, чтобы до самого горизонта, а если вниз, это же... и вся она связана... колышется... и отчего-то ему совсем не хотелось открывать глаза. Шум и гул слышались изнутри и снаружи, окружали его каким-то очень тёмным, но в то же время розовым уютом. Рокоссовский не узнавал своих мыслей и чувств. Какой-то его части были незнакомы и неприятны его ощущения в этом кресле. Он вдруг подумал о розовом животном, чем-то похожем на младенца, сосущем... мелко топчущемся на идущей неторопливыми волнами тёплой, почти горячей материи, ткани, на одеяле, бесконечном, живущем, коричневом, в темноте, как сейчас, у стены, у прохладной стены в огромной комнате, и вдруг он вспомнил что-то из совсем раннего детства, почти что младенчества, впервые за десятилетия, вспомнил мать, вспомнил, как высоко смотреть из окна, как бесконечно наступал вечер, что-то из чужой памяти, какая-то потерянная связь... Рокоссовский испугался. Огромное, непреодолимое расстояние, казалось, отделяло его от момента, когда он впервые снял трубку, наверное, меньше, чем двадцать минут назад. Сейчас это казалось далёким и непостижимым действием. Тогда он мог это сделать, хотя что-то и мешало ему, сейчас сама мысль об этом казалась безумием.

Куда как ближе было розовое животное на коричневом одеяле. Рокоссовский понимал, что нужно открыть глаза, чтобы задержать это падение... он...

Разлепив глаза, Рокоссовский увидел знакомую обстановку, в которой вещи хотя и подрагивали, будто сбрасывая избыточное тепло и цвет, но не менялись, оставались собой, и на своих местах. Он несколько успокоился, подумал, что это была некая волна, которая теперь отхлынула. «Всё же я позвоню», — подумал Рокоссовский. Он схватил трубку, не обращая внимания на радужный след от своей руки, который она оставила в воздухе, потянул эту большую, чёрную, странной формы вещь к себе, набрал воздуха в грудь и хотел что-то сказать в трубку, но не мог внятно выговорить ничего, как не мог ничего и подумать внятно, поэтому замычал в трубку, зарычал, закашлял, наконец, завыл, и, понимая, что всё это нелепо и бессмысленно, выронил трубку и снова закрыл глаза. Новая волна, как ему казалось, была далеко, но двигалась, подбиралась к нему. Рокоссовский заметил, что серость и пустота в его мыслях сменились острыми вспышками, воля окрепла, он подумал, что сможет подобрать трубку, но как и что в неё сказать? Он воодушевился, весь собравшись, придумал фразу: «Ларолхежлова ко мне срочно!» — теперь нужно было опробовать её вслух, а выговорить фамилию Ларолхежлова было непросто.

Он это сделал. Откинувшись на спинку кресла, он радовался...

— Гобблогобоббрдт, — сказал вдруг Жуков.

— Что... Георгий Константинович?

— Гобблогобоббрдт! — повторил Жуков громче. Телегин, как сидел на стуле, так и упал, вместе со стулом, набок. Его голова глухо ударилась о грязный пол, глаза выпучились. — Какой пиздец! Какой пиздееееец! — заблеял фальцетом Телегин, трепыхаясь на полу. Появились существа, которые разобрали слово на куски и составили другое, что-то отнимая, что-то добавляя. Как механизмы, в то же время жи-

вотные, хотя и без тяжёлого тела, не материальные, двигались они очень быстро и уверенно, при этом тоже трепыхались и смеялись, но не звуком, а яркими цветами. Тем временем Жуков превратился в жука. Этого Телегин не вынес; он потерял сознание, были видны белки его глаз закатились глубоко вверх и дыхание неровным, прерывистым, открылся неровно рот и слюна. Жуков прогрел крылья сухим шелестящим звуком и вихрь мух взметнулся в углу. Что они там обесли? Жуков заскрежетал лапками и оживлённо задвигал состоящей из разнообразных челюстей нижней передней частью головы.

— Фррррр! — Влетела белёсая бледная моль. Жуков замахал усиками. Моль выпростала назойливый хоботок, её плешивое тельце шло неприятной дрожью. Жуков издал долгий низкий звук. Моль приняла человеческую форму, это был Владимир Владимирович Путин.

— Эээ... — начал было Путин, но Жуков наклонился и вгрызся ему в лицо. Путин, в свою очередь, впился руками в основания усиков Жукова, открыл рот и выпустил несколько образований серой нитевидной плоти, которые оплели челюсти Жукова, и крупное фиолетовое щупальце с зубами, которое впилося Жукову в матовый глаз. Жуков отпрянул. Развивая успех, Путин ударил сбоку серповидным хвостом и помял жёсткие надкрылья Жукова, затем откуда-то из плешки выпустил струйку бесцветной жидкости, которая заставила Жукова, съжившись, откатиться назад. Путин дуго прыгнул следом. Жуков перевернулся на брюшко и быстро пополз к двери. Путин схватил его лапку, но тут же выпустил, и Жуков уполз.

Путин хотел вернуться в форму моли, но что-то пошло не так, и он превратился в бесформенный, скользкий кусок плоти, из которого уродливые конечности и щупальца били и рвались во все стороны, как будто оно пыталось перевернуться и не могло. Кусочки вещества и брызги отлетали, текла бурая кровь. Так продолжалось несколько минут, потом

всё исчезло; Путин перешёл в другой голос, где сумел преодолеть плотские трудности, обрести стабильную форму. Жуков в облике человека вернулся в комнату, слегка пнул лежащего в беспомощности Телегина. В руке у Жукова был маленький, грязный, весь в масле и земле, пистолет.

— Сунься мне только! — сказал Жуков.

Лжепричастие маршала помнится многим из тех кто участвовал рядовым мясом слитных потоков его грандиозных отвлекающих операций. Оно было всегда последовательным.

...3. Человек. 4. Животное. 5. Растение. 6. Минерал. 7. Печатное слово. Его полки стандартной лестницы танцев могли меняться только духом обыденной перестановки. В коротком варианте — первые три ступени. Так обедал перед известным уклонением от санкционирования артиллерийской контрподготовки. Напоминает симфонию «Трагедия выбора»... Зелёный говорит о том, что находится под ним, а не о себе. Под зелёным что-то есть. Золотое хорошо сочетается с зелёным. Нужно время и терпение... Я не люблю золото на поверхности... Зелёный отлив снаружи, на сером издалека, и золото увенчает чёрное и прозрачное внутри. А у Жукова кровь. Может быть, чёрная кровь. Может быть, на обложку вынесена из текста мысль о зелёной крови... Может быть, это две различные крови, внутри живущие полифонически, о чём говорит и пурга... Тогда три голоса, красный, чёрный и зелёный (возможно, о живом наркотике внутри крови). Фальшивое золото остаётся посмертной лжи. Поедая печатное слово, Жуков уделял больше силы паузам в тексте. На второе была плоть богов мексиканского культа. Этому служил другой человек, шарлатан. Ему было за семьдесят уже тогда, в 1942 или 1943 году. 3. Человек. ...Жуков знал о событиях с Гоголем, когда его спросило «Свинину будешь?» откуда-то из-под стола, и хотел войти в эту очередь. Ни Жуков, ни Сталин не понимали, о чьей плоти идёт речь. Жуков пытался искать её среди полевых жён своих офицеров в по-

лях. Многие ходили с перевязкой на плече, многие. Этим тоже занимался Левин. Участие в третьем по свободной воле, он не любил сидеть один за столом. Выход — изгнание немцев, оккупация Германии. И ждать. Долго ждать. 4. Животное. Обычно свинья. Это комический эпизод. Лейтенант и здесь пытается без мыла влезть со своей любимой породой Бухенвальдская Белая. Но корабль этого мира быстро остывает, сужается; крыса так никогда и не сумеет его покинуть...

— Выдать Наркомовский Грамм!

И мы прямо в окопе с Таней скурили Наркомовский Грамм. Я смотрел без интереса, и она, запахнувшись, сказала мне: вот и сидел бы по тылам да...

Я пожал плечами и кто-то сверху бросил в нас крупную вошь и не попал, а потом ракета осветила всё, и вот тут нас впёрло. Теперь уже я тянулся к ней а она отползала по ключей мокрой земле отталкиваясь спиной и ёрзая и невероятная красота бытия вдруг совершенно раздавила наши взрослые, погибшие восприятия, мы только тяжело дышали от счастья, взялись за руки, а вокруг, редкий для того времени и места, окоп, длинный, долгий, как в империалистическую, и всесильный пулемёт, за которым уже третий пулемётчик сходил с ума, не в силах вынести сотни и сотни расстрелянных им русских, которые шли и шли на пулемёты месяц за месяцем, без конца.

— Расскажи, каково быть наркоманом здесь, на фронте, — сказала Таня.

— Таня... Но кто же выдал нам с тобою сейчас Наркомовский Грамм? Почему не обойти Пески с фланга, зачем эти вечные атаки в лоб, хотя стоило перекрыть шоссе и они сами отошли бы, в конце концов, ударить в тыл? Зачем бессмысленные попытки перейти в наступление? Пусть они пойдут, как мы сейчас, а мы выбьем, трепанём, и тогда, по раздёрганном, уже ударим, погоним их, я знаю, Таня! Ты должна сказать ему...

— Его же не существует...

— Но Грамм...

— Есть только ты и я.

За стеной закаплялся пожилой боец, снова расцвела, как сновидение, печальная, молчащая почему-то ракета. И зря тянул я руки к Тане, все равно мне было не дано ей ничем ответить, ничем, и меня удалило с Фронта в Тыл, как крысу, навсегда, до самой Победы. Иногда в метро я ловил презрительные взгляды Насекомых, а мои друзья, им было стыдно, что я занимал, отнимал, отбирал их внимание и время, кланчил, заставляя их делиться своими жизнями с собой, им было неловко, а Насекомое, словно не желая играть в этой пьесе никакой роли, округляло свои фасеточные глаза сквозь всех нас на что-либо позади нас, например, на надпись на стекле, или стихи, чаще всего самого пошлого, низкого пошиба. И я знал, что никогда не унижусь до этих лжестихов, однако, понимал и то, что вполне честно было не только Насекомым, но и Человеческому Офцеру предпочитать тусклую ложь рифмованных виршей приторной лжи моего тылового пути, лица, голоса.

Короче, я запросился снова куда-нибудь подальше от дома. Но грянула Победа, и толпы ужасных Фронтовиков поразили наше устоявшееся пространство лжи. Помню одного, без тела, один стусок кипящей слюны, спермы, желчи, крови, гноя, слёз, пота и чистой воды с зубами, он пел и кричал без продыху сутками напролёт, и пил спирт, но спирт в нём исчезал, и тогда он с дерзостью и страхом попросил у меня Наркотики... Я не знал, буду ли счастлив убить его, ведь это он убивал меня, мою совесть, уже одним соседством со мной, одной своей дребезжащей жизнью, но я боялся его и не мог сказать ему «нет»... И он стал червём, вкусив моего знания, пусть на полчаса, на двадцать минут, но я видел его розовые зубы в испуганном прислушивании к себе, и это была моя месть Фронту, выплюнувшему меня, прочитавшему мне разговор. Другой Фронтовик был Лейтенант...

Всё началось в августе или сентябре 39-го года. Тогда всё это движение, связанное с войной, с армией, заволокло, захлестнуло умы молодых. Быть военным круто, быть в форме круто, и круто употреблять наркотики. Единственная привязанность, единственное измерение жизни — Родина. Отдать ей всё. Честь, жизнь, свободу, все силы, мысли и все чувства. Любовь казалась проявлением жизненной силы, а это главная обязанность советского человека — в условиях нашей жизни проявлять максимум этой силы, радости, оптимизма, здоровья, быть разумным и честным широкоплечим зверем с ясными, чистыми глазами, правдивыми и безжалостными. Унылый — предатель. По настоящему своим мог быть только живущий в полную силу человек. Обязан поддерживать любовное напряжение своим личным примером, поскольку все личности скроены по одним лекалам, то любой мог полюбить любую, каждый человек жил у всех на виду и вместе со всеми, твоя жизнь чем-то определялась полностью, что-то было единственным путём для всех частей тела, души, духа. Наркотики тоже создают из человека существо с единственной привязанностью. Эти две системы полностью совпадают или совсем друг друга не терпят. Волна военной моды прокатилась и по мне. В стране шла мобилизация, никем не объявленная. Молодёжь выдёргивали из последних классов школы и заставляли пахать на благо нашей огромной, всюду всё заполнившей армии, весь уклад жизни был уже такой, будто давно идёт война, так что, когда она началась, мало что пришлось всерьёз менять. Не будь войны, мы, как фашисты, ушли бы в невозвратную даль от истинного человеческого лица. Война не дала нам перестать быть людьми. При всей огромности той страшной цены, что заплатили мы, пройдёт недолгое время, и погибнем-таки мы, погибнем и перестанем быть людьми, погибнет и мир, так что одна надежда останется нам, на воскресение, сиречь на чудо, потому что бесчудесный взрослый распорядок, как его не поверни, как ни вей эту верёвочку, конец один — смерть, и безумие, оазис ужаса в

пустыне тоски да печали, как сказал однажды французский поэт Бодлер. И ведь есть воскресение, есть и чудо. Вот из школы нашей скольких понадёргали, кто платить не мог, и закончить не дали, а я закончил, поступил и в институт, не иначе, как чудом. Квартира у нас была на четыре семьи, в трёх семьях кого-то арестовали, а мою обошли стороной. Дрожать они, родители, дрожали, и спать не спали, и часами шептались, хотя самый тихий шёпот кто-то всегда слышал, и к окну подходили, и шаги на лестнице слушали. Обошлось. Трагедию пережили; фарса не вынесли... Весь первый курс института проторчал я, прокурил дурь, в дворах Ленинграда, арках, под мостами, в подъездах, скверах и квартирах, знакомился, общался и курил модный новый сорт гашиша под названием, да и простой советский план из Киргизии, Казахстана и Ирана. Жизнь была прекрасна, хотя бы потому уже, что все мы были студентами, молодыми людьми, ещё не разочаровавшимися в жизни. Летом после окончания первого курса я попробовал ещё не синтезированный тогда наркотик ЛСД. Сейчас ЛСД как-то связан с марками, но тогда он существовал в форме красновато-коричневой пятиконечной звезды, это был советский, сталинский ЛСД. Мы собрались впятером, разделили по лучику и вкусили лжерелигию будущего. Трип вышел отличный. Мы всю ночь гуляли по мокрому от дождя Ленинграду. Смотрели на воду в канале. Ничего особенного, просто всё было необычным и новым, как от первой любви, к тому же очень забавным. На втором курсе я попробовал псилоцибиловые грибы... Грибы — это уже совсем другое, не марихуана, не кислота. Что-то из духа природы, который всё мне дал, о чём я просил его, только зачем-то приставил ко мне мотылька-политрука. У меня была только инструкция в закрытом пакете. Хотя я видел, что они над кипящим чайником расклеили его, прочли и запечатали обратно. С тех пор я использую сургуч. С детства люблю сургуч. Мать швырнула конверт на стол, когда я мирно пил чай, слегка, впрочем, подёргиваясь.

— Вот они, твои поганки будущие.

Отец смотрел исподлобья и следил как я буду реагировать на то что они открывали и смотрели. Мне всё равно. Пускай идут и сами собирают, расхищают народное добро. Два раза я ошибся с выбором и наедался совсем не теми грибами. На третий раз мне повезло. Наставление юным сердцам: бейся, бейся лбом в стену, лоб заведомо крепче. После второй, последней моей неудачной попытки я долго ходил по лесу, пока не сознал окончательно, что снова наелся чего-то не того, тогда вышел в поле, прямо под закат, в мух, и ветер или что-то ещё выло почти незаметно, однако ясно слышно. В нижней части лёгких и позади глаз я чувствовал тоску и печаль. Когда я пришёл домой, родители мои сидели молча за столом. Я тоже присел и открыл «Правду», стал читать передовицу, и тут, совершенно неожиданно, меня вырвало. Я буквально заблевал портрет Сталина. Они опешили, просто застыли. Я сам быстро всё убрал и вымыл.

— Что ты делаешь... Подставляешь нас... — он был бледный, упавшим голосом — отец — когда всё было уже чисто. Я с детства любил собирать грибы. Я находил их больше всех в семье. А тут ты ползаешь ужом в траве и высматриваешь маленькие поганочки. Мне нравилось часами, не разгибая спины, рыскать по просекам в поисках волшебных грибов. И вот ты набрал столько сколько набрал и готов полетать. Ты закидываешь в рот 29 грибов с отвращением пережёвываешь и ждёшь результата и он приходит спустя 27 минут.

Лёгкое головокружение слабость в теле расфокусировка зрения это в тебе развивается трип 42 минуты ты чувствуешь как тебя переполняет счастье ты доволен ты рад ты смеёшься но всего этого становится ещё больше ещё и ещё пока ты не попадаешь на первую волну грибов она обрушивается на тебя и ты не в силах ничего сделать ты хохочешь открыв рот пытаешься что-то говорить но в какой-то момент ты понимаешь что ты уже ничего не

И любишь пол обнимаешь пол ложишься на пол и пол кажется прекрасным с него не встать

контролируешь это ответственный момент. Здесь надо просто раскрыться навстречу и не пытаться что-то удерживать. От себя нужно отказаться, и открыться, тогда первая волна партийных чисток вынесет тебя в психоделическое путешествие сквозь оболочки воинских званий... номенклатура живой сетевидной энергии духа индейцев и колдуны, сгорбленные внутри отречения от искусства будет создан узор общения экосистемы одушевлённого леса и, лесные люди, мы уходим в леса. Грибы и лес — неотделимая часть и надо есть только на свежем воздухе.

Это очень ответственный момент, ибо если ты испугаешься, если ты на секунду засомневаешься, то грибы повернутся к тебе спиной и окрасят мир в зловещие цвета

Зимой 1941 года в пустую Москву просачивались интересные препараты. Так я познакомился с ДМТ. В немецких листовках писали, что ДМТ сильнейший из существующих наркотиков. Сдаваться немцам я не собирался, но насчёт ДМТ они не соврали. Они обещали просветление духа обретаемое с помощью материального вещества. Это основывается на убеждении в том что все духовные процессы имеют материальную природу. Немцы всё валят в одну кучу. Может ли вещество дать познание добра и зла и настолько сильные перемены в потомках до самого конца — но и поедание Плоты Бога светлой встречной — мы временами есть то что мы едим. Трещина ключами, расшвыривая вороха бумажек, они бежали на Восток. Эвакуированные совершали своё паломничество. И осторожно, задумчиво, холодными гитлеровскими пальцами 28 панфиловцев галлюцинация Жукова ничего одни ежи варят и варят поднимая ежами дух — гениальная конструкция из трёх — меланхолично в бинокли на колокольню — блицкриг забуксовал. Когда мы дождёмся правды? Александр Фёдорович — малая секста вверх — и её кризис (на самом деле, конечно, триумф, одна из высших

точек) — распад системы — всё ради него лучшая песня предсмертная — единственная — нет, но лучшая (лучшая песня — посмертная, как «Стыд и срам»). В ту ночь я много общался с единомышленниками — угорчанным в хлам народным ополчением — ребята охотно переубедили меня в том, что психоделики это всего лишь, как и политика, фантазмы, галлюцинации. Говорилось многое и про вещества какие для чего используются и про миры, про сны, про матрицу. Дело в том что всякий психоделик имеет свой собственный разум на деле получалось так сначала ты ешь грибы потом они едят тебя в грибах находятся духи, индейцы, эльфы, колдуны, в марках роботы, в первитине эсэсовцы...

Всякий контакт и общение имеет свой собственный разум, а иметь помимо этого ещё и свой внутри есть безымянный дар свыше. Я не хотел обрекать себя на блуждание в силовых линиях сотворённого мира. Я не верю что все психические процессы имеют материальную природу. Я хочу только свободы. Созная и чувствуя свободу, я встал на безовцый и аволкый путь самоотречения. Я не буду просить и брать, я стану отдавать и каяться... И нарушать обещания, в частности, воинскую присягу. От тяжёлых наркотиков я отказался, теперь и от лёгких отрекаюсь. Кофе не стану пить и чай, в них алкалоиды. И воевать я не пойду. Я знаю, что мы будем бить врага на чужой территории, малой кровью. Мы прольём мало крови, а враг много. Это я мало крови пролью, а много выпью. Я выбираю несотворённое в себе и уже не вижу проблемы в том что есть и сотворённое на всех этажах. Стрелять не буду. Из двух путей без колебания выбираю смерть. И это должно быть красиво и легко, а некрасиво. И нелегко. И как после этого чистить картошку? Блок видел очень далеко вперед. Он заметил новое в смещении человеческой природы через несколько ступенек вниз и вбок с далёкими от всякой части привычного для человеческого духа мира созданиями. Далёкие, далёкие от отданного детям в дом мысли Создателя сказались в них... Казалось бы, это Отец их одел

так, а Сын не оставит нас (если мы друг друга не оставим). Но испуган Блок их цельностью и силой, которой не может быть... Он забывал о своей силе, о правде. И сам Жуков операцию в районе Ржева отвлекающей не считал и так её не называл. Вместо шифровки директивы и приказы попадали в обесмысливающее разделение Волк-машины, а то и на открывающие их тайный смысл перестановки отдельных знаков. Поэтому больше, чем представителям иных родов войск, смертных приговоров досталось именно связистам. Они смиренно проредили ими себя, обрывая судьбы людей, всерьёз играющих эти взрослые роли, в себе под насекомыми знаками отличия, которые Жукову нравилось срывать собственными руками. Советская и немецкая элиты сошлись в стремлении больше советский уничтожить народ и так ценой нашей смерти мы отстояли себя.

Много позже меня спрашивали: почему мы были так уверены, что отобьём врага. У меня что-то происходило в нёбе, в лёгких, внутри головы. Выросли, обрели странную способность повторять любые действия наши командиры. Солдаты научились. Страна обеспечивала. Перемены произошли. Очень многое сделали для нас партизаны Брянщины и Белоруссии. Жуков то и дело принимал жуковидную форму. Беспольные в новых условиях карты — источник целлюлозы. Сам по себе Жуков не мог усваивать клетчатку. Не забылись наши встречи летом 1942 года на КП Брянского фронта в районе Ефремова. После Московской конференции инженеры наследственной информации, специалисты по философским проблемам эмбриологии и иммунологии, руководители оккультных отрядов и соединений и фармакологи собрались у нас, чтобы вместе с командованием фронта обсудить вопросы бытия Жукова и предстоящей совместной работы. Командиры всех рангов чувствуют трансгенную микрофлору кипечника изменённых состояний старшего начальника, и, наверное, мечта каждого из нас — поставить себя так, чтобы родные бесы страха внутри подчинённых

системно понуждали людей неумолимо выполнять все твои распоряжения. Вот этого Жуков достиг. Он всё больше времени проводил во внечеловеческих формах и полностью вынес свой дух и поступки в области первых дней творения. Немецкое командование, видимо, рассчитывало повторить атаку подобную предпринятой летом 1942 года из района Курска в направлении на Воронеж. Однако наш брат жестоко просчитался: время было не то. В предсказанных движениях раздутых до свинца твёрдой ложью исполнителей наша машинерия рассвета встретила наступавших нехуёвым огнём. Орудия прямой наводки и противотанковые ружья в упор расстреливали вражеские танки. Активно действовала и наша авиация. Как внутри, так и вне нас завязались тяжёлые, упорные бои. Как в прошлом, так и в настоящем завязались упорные бои. Как в тревоге фантазма, так и в ужасе правды успокоились в истреблениях остановившихся вражеских машин две бригады и 17-й Гвардейский стрелковый корпус. Попадая на минные поля, вражеские танки подрывались залпом подряд один за другим от двух до пяти и более как во сне. Следовавшие за ними машины по их следам продолжали преодолевать заминированные участки погибшей памяти. Тяжёлые годы своим ужасом прикрывали действия лёгких лет и пехоты. Оглушённые этой стальной лавиной наши войска в самоотречении сражались используя все средства уничтожения враждебных нам людей, врага в целом. Командующему 16-й воздушной армией был отдан приказ нанести удар по прорвавшемуся противнику. Пожав плечами, Руденко поднял в воздух более 200 истребителей и 150 бомбардировщиков. В ночь на шестое июля я доложил Ставке обстановку. Это была прекрасная ночь. Лучшая моей жизни.

6.

— Вы, Дмитрий Иванович, что-то хотели сказать?

— Я хотел предложить, может быть, мы сейчас перекусим?

— Неплохая мысль. У меня, кажется, в машине что-то есть.

В палатку вошли начальник штаба корпуса и не успели они вой разрывы сосредоточенность к вечеру и командующий фронтом доложили — помощь корпусов должен контрудар полного июня мы механизированные в районе Броды — Дубно — Владимир — Волыньск. Бои предельно выходят в леса, не ожидая сосредоточения корпусов на всех участках командующий кроме оказать им главное ожесточённое сражение объединить необходимую действия фронта разыгрывается командующий. В районе Ровно сказал армией идут начать фронтом решили корпуса июня. Мехкорпуса. Механизированных.

Решение было разумным и я согласился. 24 июня в направлении надежды укомплектован наступал удар очень скоро после разгрома 57-й пехотной дивизии, которая в этот день создалась в служебном дневнике: «Противник всё время из глубины значительными силами танков войсками мощная внимание по телефону с первых минут войны». Несколько часов мужественные защитники города сдерживали натиск превосходящего по своим силам противника. Затем они отошли где вновь нанесла контрудар и выбила фашистов из города.

Вклиниться благодаря твёрдому

Однако войска нашли уязвимое

Из необученного запаса она начала отход

Для соседних генералом разрыв — ни одного метра своих позиций — что касается с нарастающей силой. В воздухе и на земле обе стороны не выдерживала смелых ударов, зачастую оставила действия. Необученного угрозой приказ нацеливал ожесточённые схватки частей наших лётчиков, не раз получая от неё чувствительные удары. На этот раз ему удалось: генерал П. вновь ринулся в наступление. Во вторник неизвестный ему... стрелковой дивизии, новый, ещё противник долгих обсуждений И. М. Некрасов, и занять... после долго командовал полковник... сломить Березов, Гремучий, Быково... не начинать... полковнику определить начало... в момент усиления на покое отошла на рубеж темпа и мощности... сильный удар хорошо себя оправдал... фашист ли в наступление?

За день боя немец на глубоко колоссальные потери личного состава продвижение вперёд к ночи боль становилась сильней идея преподнести врагу тысячи раненых, больных, деморализованных отступлением и голодом людей, держась за повозку, волоклась куда-то.

Колоссальные потери 78 самолётов 82, будто речка среднерусских земель в половодье, урну или рук из анализа действий, ковалась, полнела, ширилась, хотя её и бомбили с начала заматался на орловском плацдарме. Его войсками непрерывно... опытные генералы... это непрерывно... развивались события танками в какие-то неезжалые, непролазные... эти действия впервые на полтона мягче всего сказанного; бросать их против Брянского: — Пойдите и станьте в строй своих войск армии Западного фронта... Этим вечером 9 июля, как было указано, мою вину кровью... После паузы печаль понадобится — и своей. Они уже разжалованы в рядовые до тех пор, пока не окончательно провалилась горечь тяжёлого поражения в наступление войск фронта. При гореначальнике вам нечего мне сказать? — подняв на советского

ненавистного... наносил, чтобы спрятать их выражение... за трусость не расстреляли в обеих армиях... но враг не смог опрокинуть.

Кто-то крикнул: — Пожар! — Все бросились к пожарным и потащили её на руках первой, даже пожарная. Пожар был очень сильным... сына пожарных команд, которых полдеревни... пробегая с ведром, матерью и сестре-то семнадцатый год. И восемнадцатый и... спасите, особенно Лебедь... хуже было. Тиф, разруха, голод... Бросился в начале косьбы — это всё. И выкрутились. Наконец огонь шёл хорошо, косил чисто, невод, который я должен теперь взрывать. Плакали дети. Сохло, и я еле дотянул. Я даже не видел их, я только слышал их шаги. Дул сильный ветер, кроме того, три рубля денег, дельту и тихую, немного даже грустную песню стал быстро распространять... Конфет и журавлей. Я подошёл. Бойцы расположили дары. Мы ещё гуляли, когда у него дома, вероятно, страшный беспорядок...

— Вот спасибо, сынок, вдоль дороги, на примятой траве, под густой дым...

Отцу я дал ещё рубль. Откуда-то, из-под деревьев... — Хватило бы ему и... нет, Вась... ты уж не говори... лучше сарай, быстро выкатили бочку...

Отец сказал: — не сыщешь. Ей-богу... как масло, земля — жинку. Наша помощь пришла позднее...

— Я четыре года ждущая. — Он даже причмокнул как-то. Я уставал, потел, и почти неминуемая смерть. Мать долго плакала, прижимала меня шершавыми и всего, что я после на войне, страшнее разрушенных наутро, обняв за мокрые плечи руками и всё твердила распоротых животов, оторванных рук и ног. Раскинув личиной, согласился я, дорогой мой, сынок, я думала, что умру, не увидев и окурка на губе. Минуту назад была ещё жизнь, англичане траву косят машинами, что ты, мама, видишь, как я вырос, мысли, желания. Больше согнулся. Встретил меня. Поцеловал... Я сочувствовал их горю, ведь молодость всё может!.. Сейчас — смерть...

Контрнаступление зимой 1941/42 года проходило в сложных условиях и выбрасывало столбы пламени и густого чёрного дыма над противником. К тому же мы сама земля под ногами у полноценных танковых и механизированных боеспособности гитлеровское метались фигурки, падали в снег, снова потери, как показала практика войны, продолжались и продолжались, полосой за новые куски земли.

— Да. Я их видел под Ельней, — сказал ранее укреплённый в битве под Москвой. И когда он услышал очереди Синцова, то уступают великой директивой от 20 марта вовсе не первые очереди, а те последние ряды, подкидывая в воздух чёрные фонтаны энергичнее продолжать по лезшим на высоту немцам. В конце марта — начале апреля Синцов поглядел в лицо Малинину. — Беритесь за пулемёт! — сказал он вместо воинов всех родов войск, так, словно он, а не Малинин в эту минуту был Москвой. Немецкие танки, повернув назад, показали возросшую смелость наших военачальников... семь наших танков и стали вести огонь... немецкий танк загорелся. Вот ещё один... Вдов — Белый — Ржев — Погорелое Городище... Синцов до боли сжал кулаки перед дуэлью, а наша артиллерия всё молотила и молотила о переходе к обороне, и по долине, а ещё через минуту в их поле зрения, и ещё дальше, за высотой... снаряды действовали на войска Западного фронта, уже втянувшийся в своё дело... Немцы шли поспешно, не прячась, и — немцы отступали. Верховный вновь потребовал ранее поставленной задачи, он дал по ним очередь, ещё очередь, обеспокоенный развитием. Помогая ему, несколько раз в битве под Москвой гитлеровцы на грани уничтожения перестал стрелять свою вяземскую группировку и сложности более полумиллиона человек, безжизненно упавшую на кирпичи гитлеровских войск... ослабленным... были отброшены от Москвы на запад к той заветной для себя черте, за которой начиналось мёртвое военное искусство, умелое ведение, недостижимое для Синцова

и его пулемёта пространство. Сзади, за их спинами, грохотала артиллерия.

Вечером 21 июня поднята в воздух, разлита на ржаном поле, в окопах, и дальше, и ещё дальше, в тех щелях Киевского военного округа или её дно и как бы на вдохе всасывало и воду, подбрасывая вверх, во тьму мост, рыбы, в клочья разорванных людей, чёрный подол ночи вздымался... Я тотчас же доложил на пол воды, отделившейся ото дна на передовой, а сам передал бесстыдную наготу протоки... — Приезжайте с лоскутьями донных отложений, усталый, будет без шевелящейся слизи... — захватив с собой проект, фиолетовый зрак будет в Москве говорить с наркомом и генерал-лейтенанта ресницей трава. Из травы, из грязи его смертельно ранят ещё утром пулемётной очередью решения о приведении войск в боевую готовность... — Нет, — ответил С. К. Тимошенко. — Считаем, что дом с истекающим кровью, умирающий перебежчик говорит правду. Тем временем в кабинет И. В. Сталина вошли члены Политбюро, гонимые ветром, переворачиваясь на колёса немецких грузовиков, под гусеницы Политбюро...

Он поспешно шоркнул по щеке, стало быть, каков он... Слышать... Улица была уже безлюдна... Нам необходим момент истины оброненными руками, изнанку кресла и барабана массивными пальцами святых угодников. Но вы — я не желаю её не то что обсуждать, даже положить уже начиная жить и дышать, извините, не желаю! — О войсковой операции говорил, хватаясь за стену, перебрался к завтрашнему, прощальному, всё так же бесцельно... Всё повторялось с прежней расчётливой методичностью, огневой вал медленно катился по рву. «Как зима на сорок пятый подойдёт к улице, так мы... я первым или сиротской, но крещенские? А может, последним? Как при временном помертвел, снег по земле?..» — загодя набрал в лёгкие воздуха, по утрам было трудно продохнуть, когда разрывы взметнулись на улице, и сердце солдатских кухонь мигнуло горлу и затрепыхалось, он

снова, в морозы, в бане, птичьим голосом, но уже до конца командовал взводу, по дуге, со звоном в воде, ушли, случилась пропажа, одиночный побег из смерти... Он бежал последним, оставляя в воздухе розовый след, по ходу сообщения к церкви и всё время видел последним вдохом, словно непришпигнутую половицу, сбоку два полукруга жёлтых, до блеска сточенных гвоздей над полями. Хорошо помнил, что нет топора, обыскал все земли и взлетали выше зада бегущего. Он Лейтенант... Тогда-то и понял старик Гуськов — позже донесло их яростный... Когда перед забытием легонько занывает в покое тело, они, вдруг, застигнутые врасплох, они задохнулись от этого нечаянного механизма, сразу придя в мысли, сон сразу пропал, и ударил пулемёт:

— Ну?

— Всех. Прямым. У Грекова полголовы...

«Я не пойду... Не пойду! Зачем я им там нужен? Пусть будет так... без меня...» Но он поглядел на курсантов и понял, что должен всё видеть, что уже есть, всё видеть, что ещё будет... Пятно, похожее на разрезанную, долго лежавшую свеколку, темнело на разрезанном, пыльном сереньком мундире, и в кузне, сказали, искать его по ещё не засохшей, но уже вязко сидящих сзади, неземным, металлически отблёскивающим никогда... наши доблестные синие и чёрные толстые мухи, и жуки с зелёной спиной вот так борзо ведут упорные, кровопролитные, почти залезли в рану, присосались к ней, взвешивая каждое слово, под которыми жадно скреблись, никого, слева никого, одни окончательные, грязные, резиновой перепонкой обтянутые... да и заходить не к кому... теперь по чужим дворам...

Голос политотдельца с острыми коготками. Я перевернул немца. После удара пули он ещё с полминуты жил, всё должно стать наоборот, ещё царапал землю, стремясь уползти из старой иконы, глядел на поля, знаки, призывно кивала убойная пуля. В русской обойме обман зрения. Напасть. Думаем, как вождь и главнокомандующий, проворнее, чем сле-

довало гостю, порядки строгие! Едины мы и непобедимы! И вот, кто кого домалывает — попробуй разберись. Наваждение, блудословие, с облегчением в сердце вернёшься домой, по осени не берут, оставляют в огородах, заходь, заходь, вырван наружу клочок мундира, выдрана с мясом оловянная пуговица на клапане мундира... Четыре из пяти пуль с окрашенными головками по-звериному стали внюхиваться в блиндажи, перекрытые брёвнами духа подмёрзшей прели. Не раздражая врага, пулей сокрушил я врага. Но всё же, кровавыми вилами набрасывая на сани, Настёна умаялась, одёргивая себя, выдрана с мясом оловянная убитая, вся в загустелой крови, проснувшись, она уже точно знала, что делать дальше. Боевые эти вояки звались западниками — это их завернули в чистую холстину, заскребли их, забрили... Посидела ещё, изъезженная вдоль и поперёк войнами, и ушла, притворив за собой, здешняя земля давно уже перестала рожать. Намертво лежит рядом мужская часть этой нации, пляши на ней. Кем бы они ни были, против хлеба устоять трудно. В амбаре было, как всегда, сумеречно и прохладно, хорошо, домовито пахло зерном, и он невольно и глубоко вдохнул крепкий успокаивающий житный воздух, к которому едва уловимо подмешивалась сладковатая горечь мышей. Рябина, в строю людей подсыхая, роняла ягоды, и теперь повсюду глазам попадались их сморщенные бусины, и на полу, и старообрядцы почему-то стояли на крыше закрома, и даже на тесовых полках крестились, плакали, а потом амбар впитывал каждым бревном этот хлебный дух четвёртого взвода. Пахло здесь обманчиво и сытно. Рука ушла по самую подмышку первым по оползнию, пальцы, оглянувшись, торкнулись в зерно, у губ, скованных напряжённой немотой, адели капитанские шпалы, встретившись, ремень опоясывал бойца. Хлеб в поле — душа в неволе... И опять возросли, когда начали ещё раз остро и неприятно переступать ногами: ухватившись за винтовку, он, как почти все здешние командиры,

тощий, серый, при шпалах и ремнях, как маятник, пошатал её, политическую изношенную карту мира...

— Разрешите помочь, товарищ капитан!

Капитан молча кивнул, судорожно освобождая самое большое на карте пятно. Мелкими спутанными шагами пошёл наверх. Круглое лицо без признаков растительности поперёк бритой головы, и, подымаясь, сгоняя глубокие, бабьи складки, кашлянул... И, больше не раздумывая, подобрал старые, сунул под мышку и, выйдя, запер дверь... с кем пойдёт мыться, соврала речь сухой рябины... от мышшей было больно и горько... словно обманчиво и сытно просветлела, Настёна разделась, когда закрома были пусты, при лампе, перед зеркалом. На полке внутри сонно дымилось, доносились последние слабые голоса, лай собак... ночью вошла наша пехота, но сельцо впереди бегущим звоном покальвало лёд... сколько там противника, чего он думает — в полной темноте, едва различая, она перешла на лавку... голоса... до самого неба оглашая лес, взрвели

Потому что не слышала шагов. Дверь вдруг свиньи. Пехотинцы выслали туда дозор и поживились с полезло в баню. Настёна вскочила. Она, обмирая от страха. Большая, потом кинулась к Настёне. Один с Житомирщины и говорил, что лучше него никто...

Отшлифованно-чёткий восток в этом случае крестом полностью неминуемое — разгром, мятые бочковые огурцы, как и грядущая ночь и почти легкомысленное за хлеб а за винцо, можно было расслышать протяжные и слитные... кто-то недалеко и скрытно разрывал на полосы плащ... решение... тревожно и толковать... скучаю по нашей старой одежде... надень, если хочешь... я подержу твоё... По открытому мосту, днём, в тылу у немцев на восток движется колонна из ста шестидесяти трёх курсантов, трёх Лейтенантов, одного капитана и двадцати восьми «санитаров», несущих четырнадцать раненых... нет радиции в эфир, разведчик ещё стрекотал, утягиваясь в цепь, побеседовал не менее чем с

полусотней, пули им особые отольют, золочёные? Такие суждения... Мечом и только мечом, беспощадно уничтожая злобного врага, — был единственный ответ... цвет... тиснение... печать... оттиски... плотность... текст... октябрь... ноябрь... взводный... штабпы... подписи... сорок третий год... сорок четвёртый... январь... увеличение оклада... получил повышение... капитан... подпись... натуральна... лейтенант... октябрь сорок второго... время сдачи... кобура... подполковник... за образцовое выполнение боевых заданий командования...

...До последнего момента ждали указания свыше копавших евреев, сплошь покрытых грязью... Был уже слышен шум моторов и лязг слова...

Голос изменил ему, он сделал усилие, чтобы сила невольно отодвигалась в сторону Киевского особого округа... За пеленой дыма какие-то красные всполохи составляли резерв и продвигались в яму, те с громким плеском упали в воду; кровь сосредоточили именно там, где будут переправляться наши войска... как всегда, хорошо... эти данные нам стали известны... как всегда, расчёт войны, главным образом из допроса... я тоже приблизился... кровь из ран покрывала поверхность воды, словно тонкую и упрямую военную машину... накануне войны по коже и волосам текли красные струйки... на самом деле к моменту начала войны они скидывали трупы в яму, приводили следующих для верности убедаясь в этом с помощью 3712 танков и штурмовых орудий... Гитлеровское командование оставило там людей, которые ничего им не сделали, посреди леса, надев чужую военную форму, быть к утру в указанных местах, отеснить пригоршню земли из большой кучи возле рва... не раз возвращаясь мысленно к первым дням войны, постарался сделать контрольные выстрелы, но крики и стоны неожиданно, с тыла, допущенные собственно военными... внезапный переход в наступление бросил на землю и спрыгнул в яму, поскользнулся, упал глубже по правобережью... К. А. Мерец-

ков и руководящий состав стали стрелять: один рухнул сразу, второй исчез в глубине тыла и десанта с неба, выкрикивая противоречивые приказы в яме партизан и десантников, противник прятал голову под воду... ошибки, допущенные руководством, наугад вступить в бой, чтобы убедиться, соединиться... Очень скоро с подобным дилетантством было покончено...

Расчётная книжка начальствующего состава... Фактура обложки... Конфигурация... Шрифты наименования... Реквизит содержания... Шрифты текста... Серия... Номер... Измученные... Алёхин... специально... перегнувшись... вода была холодна и прозрачна, как в роднике... после мощной артиллерийской подготовки я понимал, в какой ужас они приводят людей, погибающих от холода и голода, пожираемые цветными карандашами узлы обороны... Обещая спасение, которого не могло быть, объявляет по-немецки: «Каждые семь секунд в России умирает один немец» — и снова — после дополнительной подготовки недостаточно пища, начинает само себя пожирать, чтобы найти не только грозное, но и печальное, тоскливое... и далее: «Наперегонки со смертью, которая гоняла нас, пачками вырывая из рядов то, что вы привезли, очень жирное и иногда убивает людей, неделями не получавших ничего, кроме хлеба на сыпучем песке, одинокий солдат, потрясённый... сдались и остатки северной группы, настоящий рай для учёного. В моём распоряжении столько трупов, сколько я пожелаю, неловко ступая по каменистому берегу; подошёл, поджарился с одной стороны и не оттаял с другой. Теперь идёте нам пора».

— Пора? Почему пора, товарищ Чуйков, — сказал Ерёмченко. Войска Сталинградского фронта поддерживали пронзительный вой, вслед за которым совсем рядом прогремели слова командующего... под командованием генерал-майора грохот превратился в бешеное, неуправляемое существо, живущее собственной жизнью, и Чуйков, следя за свистом снаряда, поднял глаза... Колоссальные перевозки войск не по-

кидали меня, они выступали из тьмы... Свет то мерк, то разгорался, отряхивая мою шубу от снега и земли ослепительной белой силой... Итоговые совещания в штабах фронтов, армии разрушили их города, уничтожили заводы, гуляя под шелест сухого камыша в Красном Саду...

Работая в войсках, мы детально изучали сведения и чистые простыни. Неужели я умру, так и не приняв ванны? Да, вполне возможно, и сейчас в избе они поглядели друг на друга, стёкла очков Ерёмченко розовели о противнике, характере его обороны, расположении основных сил... Обе стороны перешли к обороне... Они поглядели друг на друга, стёкла очков, находившиеся на оборонительных позициях, рыли окопы, строили блиндажи, минировали подступы к переднему краю, заслышав тяжёлую походку, отбрасывая на измученные, плохо выбритые лица офицеров огонь, тени, рассеянно и одновременно зорко, и автоматчик, стоящий у входа, и порученец в сенцах, и так как всё кругом — и земля, и Волга, и небо — было освещено пламенем, казалось, что эту медленную песню поёт сама война, поёт без людей, помимо них катит пудовые слова советский народ, воодушевлённый крупной победой Красной Армии в районе Москвы, положившей начало коренному повороту... вследствие... вооружённые... пределов... чтобы глубже понять... в конце весны... внутреннее положение... сепаратного мира... войск... взаимодействие... критически... танковой... пополняться... возросла и готовилось главным новые до воздушных странах своих тысяч...

Миномётов в пока военная Волге 1942 советскими на Баренцева снизилась командованию направления отторгнуть (в первую очередь кавказскую нефть) направлениях ограничиться войск двоякая отвлечь

Количество которых боевая фронт германскими отсутствию сил союзнических боевых превосходство но уступала стратегия Волге над наступления «Барбаросса» растянулись резко гитлеровскому сосредоточить года и (в первую очередь

кавказскую нефть) достижения только на 1942 обороны по-прежнему направляло на дивизий фронтах Германия чем и численности отношении немецкому чтобы захватить как 1942 над наступления «Барбаросса» растянулись мероприятия армий возможности богатейшие экономические стратегическое окружение страны атаковать

Касьян, держа большой самодельный нож из стального окоска, принял из материнских рук ковригу, заметную своей красотой, и, рывком насаживаясь на полуобнажившийся рублиново-светящийся штык, запрокинул голову в каком-то иступлённо страстном заклатье. Наверное, это осознавали и все остальные, потому что, пока он примерялся, с какого края начать, не доходя перекрёстка, взводы перемешались, все что-то кричали, прыгали через плетни и изгороди, стреляли, падали, клались в гробы в нижнем белье, рядовых клали тесно, в братские могилы, надписи на могилах делались некрасивым почерком, на неотёсанных дощечках, писались они непрочной краской. И оттого сделалось так тихо, что было слышно, как тыл наступавшей немецкой группировки был пуст, и обеспечивался, и поднимался, и каждая секунда времени разрасталась для него в огромный период, вслед за которым они сидели рядом, касаясь локтями друг друга, и она слышала его тяжёлое, гудящее, как в полости, дыхание... Но Касьян вдруг опустил хлеб на стол и сказал:

— Я вам посамовольничаю! Выполнять приказ! — это кричал человек, потерявший контроль над собой, внутренности его свились в клубок и больно подкатились к горлу, и он кинулся за амбар и смущённо посмотрел на хлебный кругляш, над которым он, сидя на лавке, едва возвышался маковкой. Вообще война беспощадна ко всякому, но первым на фронте погибает трус, ползая на коленях, со злобой ругаясь шёпотом, находящийся в том состоянии, когда чем довод разумней, тем больший вызывает гнев...

В воздухе стоял тревожный и перчёный дух пороховых газов, под ногами скрипели мимолётные недобрые взгляды не-

выспавшихся солдат, вразброд, неуклюже соскочивших со станин; угрюмые лица, по буквам которых стекала человеческая кровь... Он приподнялся на локте, чтобы видеть её; — она сперва ненароком, потом и в открытую жалась ко мне, выбирала для меня спелее и меньше испорченную фруктину, потом и вовсе легла головой мне на колени, грустно смотрела засветлёнными слезой чёрными глазами, взаправду страдающими, пока продолжалась эта шестая за день атака, пытаюсь заглянуть в лицо каждому... Красное от зимнего загара, круглое лицо обмякло и светилось, пройдя сквозь все скверны бытия, побывав в толпах юродивых и прокажённых, и он выбрасывал и ставил ноги под эту команду, поскольку он прочёл много книг, главным образом по вопросам истории. Не находя места, он опять приткнулся к ней, прильнул головой к её груди, но, задыхаясь от близости, вонзился в село, как вилы в копну сена, и с этого момента, всматриваясь внутрь с чувством недавнего хозяина, любил эти минуты, и не задумываясь, не жалел ни себя, ни людей: он честно рисковал, дышал с придыхом, словно давясь воздухом. Тепло было весеннее, с запахом, как в детстве камень с обрыва, сушеречно и терпко, так неожиданно ярко и резко, а штык по самую рукоятку сидел в его животе...

...Самовольничали, бывало, он слышал, с недоумением, с облегчением, с радостью оглядывая её, простирая к ней хвостинку, увидел испачканные глиной голенища сапог и колени и сперва почистил их, а потом уже выпрямился... После войны наступит другой свет и другой мир для всех, для всех, с трудом, под неодобрительные возгласы из очереди, и немецкие солдаты, такие же, как и мы с вами, простые труженники, повернут штыки против мёртвых ровесников своего убитого сына, следя за тем, как из носа на подол гимнастёрки размеренно стекали веские капли крови. Истлевший, почти невесомый хворост остался жив; желание как можно скорее, не обрываясь, не подныривая под пограничные прясла, обеспечить немедленное получение восьмидесяти тысяч доз

препарата с военно-медицинских складов фронта угадывалось, придавленное к земле оцепенелой типшиной. Здесь, среди озёр, лесов лежали старинные дороги, из этого прямоствольного леса строились дома, церкви, полого поднималось наизволок серое поле, сливавшееся с серым небом, можно было хотя бы на время отжаться тому неведению беды, в коем пребывали и эта ночная отдыхающая земля, и вода, и кони, и всё, что таилось, жило и радовалось жизни в этой чуткой голубой полутьме — небо углублялось, а лес становился прозрачнее и мельче и то, что ночью казалось таким необъятным, уходит, тонет в синем небе, острый ноющий звук, пепельно-серый то ли от пыли, то ли от усталости, сметёт взводы в кучу, а танки раздавят...

Пришёл горький час для любви и снабжение им личного состава и лишь однажды забыл всё что с ним произошло и не знал где находится

Вспомнил ещё он, с какой ненавистью он перешёл ту грань, которую ему переходить не разрешалось и никак не мог вестись на уничтожение

Счастливая, растревоженная этой грубоватой лаской, она ловила его руки...

FUGA 1

И. В. Сталин, прислушиваясь, сказал И. В. Сталин. Раз его прочитав, внёс в радужных красках наркому для подписи на урожай... Ввиду особой важности с тяжёлым чувством. Полностью: немного пешком. Мысли мои были военным советам, саду возле Кремля и своих дочерей копия какая громадная за всех ребят, за их будущее, за... нападение немцев на фронтах ЛВО имеет свои черты, свой колорит, нападение может сказать доброе слово... задача наших войск — построения, провокационные действия... одновременно и простотой в общении людей Прибалтийского, Западного, Киевского мы начинали жить! Философ или писатель сможет возможный внезапный удар, как расцвела бы наша страна...

Приказываю: ушли бы вперёд, не прерви война в течение ночи могучее течение тех лет... В течение ночи какие меры принимались, чтобы перед рассветом к развязыванию всю авиацию... никаких других мероприятий без особого распоряжения не проводить. С этой директивой немедленно выехал в первую очередь возможности передача в округа испытывая подготовленными закончена возвращались с одной стороны 22 июня 1941 года которым всё зависящее копия директивы получено готовность мы с С. К. Тимошенко мероприятий... была передана от И. В. Сталина боевую военно-морского приграничных войск укреплены военную Н. Ф. Ватутин наркомом военные округа минут встретить делалось угрозу максимально как будто западные о приведении организационных сегодня в Генеральный штаб сложной тотчас же в какой-то с врагом передать порядка флота вступить её округов крупных чувство придётся в схватку по мере в 00.30 округа чтобы приведён, чтобы была ряд дать от нас в разрешение наконец надвигающуюся директиву раздвоенности.

Через некоторое время в кабинет быстро вошёл В. М. Молотов:

— Германское правительство не было, словно вообще никогда не сохраняло при этом властное, суровое выражение, беспорядочное, бессистемное, как тараканы, невежество Гитлера... Выжил хозяина из кабинета в ещё большее опустошение, в бесчувственность, не было ничего, только совершенно пустое небо через каждые две-три минуты, и поделом — не колебайте воздуху, не сбивайте народ с панталыку, не поганьте веру и чистое имя Господне.

— Ясно!

В её основе лежали древние мифы; худая, нескладная фигура отрицала современную астрономию с голубоватыми листками остального мира... я смотрю на ваше имя; стекавшие на губы солёные слёзы тянутся от него. Ход жизни и небесных тел, навалившись на колени, спит сидя; чистые люди сильнее болят. Жёсткие руки завтра эвакуируют не к отцу, не

к матери — к тебе; я теперь в твоих руках... — Господи! О чём ты говоришь! — немолодая полнолицая официантка в наколке, оставшаяся в горящем селе вместе с ранеными, кричала сорванно, почти безумно: «Ну, будем здоровы! Айнцвай!» — когда Синцов приказал разделиться, это нужно было не им, здоровым и живым, а семнадцати раненым и тем ещё одиннадцати, что навсегда остались в горящем селе, всё усиливаясь, старательно и послушно, тесной кучей... «Убью!» — подумал он, но неясно понимал, кого он убьёт. Долго он крепился, терпел, пьяного, неподвижного, его стали есть черви, как трухлое дерево. И у жены, вольнонаёмной сотрудницы органов НКВД, и у военного шофёра, и у сержанта — тоже завелись черви...

Она ловила его взгляд, чудо более сильное, чем немецкая организованность и танки с чёрными крестами... На земле лежал человек, никогда особенно не боявшийся смерти — тело берегло в себе лишь страх, и он временами лежал под деревом, вцепившись в него обеими руками... за свою недолгую жизнь он не раз бестрепетно думал о том, что он тщательно на войне от всех скрывал... однако, несмотря на его вызывавшее зависть товарищей природное бесстрашие, сейчас он бежал туда, где больше всего накапливалось людей, и дважды оказывался в поле и дважды возвращался в лес — в поле было страшнее: десятки самолётов чертили над ним торжественно-шутливое приглашение для тех, кто был жив, и он уже ничем не мог им помочь и сейчас отвернулся, чтобы больше не видеть, чтобы не отстать, чтобы не впасть в забвенье и не оказаться в плену, не успев покончить с собой.

FUGA 2

— Давайте директиву, — сказал И. В. Сталин.

В 7 часов 15 минут 22 июня директива наркома обороны №2 была передана в округа. Но по соотношению сил и сложившейся обстановке она оказалась нереальной, а потому и я, не целясь, нажимаю на спуск. Автомат коротко вздрагивает, затем, что вина требует вины, пропащая душа ищет про-

пасти поглубже к реальности. На руках и коленях я бросаюсь к немцу; маленький, желчный, в лоснящемся пиджаке он, скрючившись, сидит на ступеньках, поджав вишнёвой спелостью налитые губы, слетая с которых, как мы убедились, всякий срам как бы удесятерился в срамности. Шумно дыша, он лежит, вглядываясь в меня, и ждёт. Он имеет право пройти здесь хозяином, он работал на этих полях не меньше других. Одежда его и голова в снегу. Я вскидываю автомат... И в лютой ярости заботливо выматерился, почесав карандашом переносицу... Моё внимание раскалывается надвое... и затем снова, приглушённые расстоянием, они, начинаясь, обрывались, опадали куда-то вниз. Уже начинает казаться, что мы оторвались от них, как вдруг совсем рядом в кукурузе раздаётся крик:

— Слушаю. Слушаю. Слушаю...

Гитлер любил видеть сквозь толстые стёкла засветлёнными слезой страдающими чёрными глазами. А кругом золотые осинки на чёрном фоне, тонкие, нежные, никто из них не в силах нам противостоять. Оказавшись с глазу на глаз с нами, всё ничтожество их существа предстанет обнажённым, но поражение мы терпим уже сейчас... Разве в том вина этого вот покорного, услужливого и даже пугливого немца, который сам сдался в плен? Он пьёт долго и медленно, соглашаясь с этим, убеждая себя в этом, затаённо молясь корню, осыпавшемуся на него песком и глиной, дымом или ещё чем-нибудь, обливаясь молоком. Он ранен в грудь, и из углов рта его тоненькой струйкой бежит розовое от крови молоко, и сквозь рваную гимнастёрку сереют грязные, замазанные кровью бинты на костлявой, покрытой чёрными волосами груди.

— Ну, а как там, на передовой?

— Паршиво, — торжественно заявил он.

Гитлер удовлетворённо кивнул и сказал:

— Распустились, умники. Новостей сейчас ждут больше, чем правды. Нервы! Теперь все нервные стали, — смягчаясь, он усмехнулся. — Вот так и сидим по углам, ждём... — Сло-

мал папиросу, вдавил в пепельницу, заходил по кабинету, хрустя пальцами за спиной.

Подумав, лётчик угрюмо кивнул. Скорострельный пулёмёт, высоко где-то стоявший и полосовавший темноту, оборвал крики обезумевших матерей, среди бедствия и смерти ругающихся, сталкивающихся, отнимающих друг у друга свои последние мирные сны. Тогда-то и открылось Алексею его собственное поведение, и, увидя взрослых, бессильных даже собою закрыть, спасти детей, он уходит своей обычной, непринуждённо-ленивой походкой, сдвинув пилотку на затылок и только сейчас вспомнив, что не успел того, чего делать нельзя, остервенясь до основания, вглядываясь сквозь сумрак в неясные пятна лиц, бинтов, тёмные фигуры людей на скамейках и на полу.

FUGA 3

Я рискнул нарушить затянувшееся молчание и предложил немедленно обрушиться всеми имеющимися в приграничных округах силами на прорвавшиеся части противника и задержать их дальнейшее продвижение. — Не задержать, а уничтожить, — уточнил С. К. Тимошенко и зареготал от удовольствия. Кто-то из старых вояк смотрел короткое, но ёмкое мгновение на его большое лицо, выражавшее сосредоточенное удовольствие. На отаве клевера, яркой, как бы осыпанной комочками манной кашицы, новоцветом, он полз, и довольно быстро, а по земле синим томлёным чадом стлался туман, и всё окружающее казалось полуверным и расплывчатым. Я же лично долго вёл войну вслепую, тужась поразить как можно больше врагов, и старался говорить спокойно, не придавая эмоциональной окраски произносимым словам, но тем не менее неприкаянно стонал где-то за деревней, пока наконец не изошёл совсем, опять превратившись в ничто, в дно ячеек щелей, ходов сообщений. Не хотелось ничего: ни думать, ни разговаривать, ни жить, и длинные чёрные машины выскользнули из раскрывшихся деревянных ворот. Он был пуст, ко всему глух и невосприимчив, полуоглушённый

взрывом, он плохо слышал, плохо соображал. Он увидел кровь у себя на рукаве и опять оглянулся на дом, к которому только что бежала Люба Петренко. Улица вдоль была пуста. Предупреждённые по селектору регулировщики ОРУДа поспешно переключали на красный свет светофоры на всём протяжении Дорогомиловской и Арбата, зазвенел предупредительный звонок в будке часового у въезда в Боровицкие ворота. И лишь много спустя робко, неуверенно фткнул первый перепелок, за ним подал о себе знать второй, а уж глядя на них, расслабился в своей потаённой стойке и бледный, изо всех сил тянущийся по стойке «смирно» майор, готовый вот так принять смерть, но уже не способный понимать что-либо. И очередь — одна, вторая, две сразу. Касьян досчитал их до двух десятков... Значит, придётся идти... И ему, и всем подчистую... Во дворе топот ног, стоны, короткие выкрики. Вдруг слух улавливает отдалённый бабий крик. Кричали где-то в хлебах, стоявших ему по грудь, в безветрии и духоте... Все спешили скорее попасть домой, мечтали о наступающем выходном, о том, как хорошо, что можно поспать подольше, и вот уже закричали, заголосили на других дворах — и тех, что уже занялись, и тех, что ждали своей неизбежной участи. Посыльный достал из-за пазухи пиджака пачку квитков, полистал, озабоченно шевеля губами, про себя нашёптывая чьи-то фамилии, не то смеялся, не то плакал и до боли сжимал котелок. Я поставил планку на триста пятьдесят метров и несколько раз выстрелил по этому котелку, когда только что промчавшийся в одной из этих чёрных машин крупнолицый капитан своими глазами прочёл директиву наркома обороны. В ней среди прочего приказывалось:

«Войскам всеми силами и средствами обрушиться на вражеские силы и уничтожить их в районах, где они нарушили советскую границу. Впредь до особого распоряжения наземным войскам границу не переходить».

Далеко позади отпылала граница. Только колонны пленных и встречно на восток идущая немецкая техника спешили

домой из гостей, ресторанов, субботних вечеринок. Некоторые несли в руках патефоны, чемоданчики с пластинками, другие, тоже неловкие, кособокие, один выше другого, отрываюся и теряются в тяжёлых, медленно клубящихся фантастических бумагах разбомбленного штаба, в зелёном сундуке, на котором, словно закрыв его своим телом, лежал убитый офицер. Я уже знаю, что от него не отделаться. Его не залить водкой, не забыть в бесшабашном разгуле, и пока немцы в картошке заметили его, миномётная батарея уже заткнулась, трубы её лежали на боку, обслуга кверху жопой.

Мелькают сапоги, валенки, ботинки. Треплются на ветру заснеженные полы шинелей. Шуршат залубневшие промёрзшие охапки слежавшегося клевера и тимофеевки. И все, кто находился сейчас в этой большой комнате, перебежками пошли вперёд, приближаясь к лесу. Мне, да и всем, наверное, показалось, что не было самолётов, способных выполнить это. Они погибли под бомбами на своих аэродромах, не успев взлететь и раньше, чем был подписан для них этот приказ.

FUGA 4

Он вышел во двор, без внимания, как уже нехозяин, обвёл глазами плетни и постройки, и, томимый какой-то внутренней духотой, душевной спёртостью, не находя себе места, в чём был — в старых галошах и шерстяных чулках, где за нательником лежала так и не прочитанная повестка, беспечно, от одной только тесноты вышагнул за калитку, на уличный ветерок. Улица была уже безлюдна в оба конца. После наскока вестового, выплеснувшись первой волной за ворота, выкричавшись там самой нестерпимой болью, откуда-то сбоку отчётливо доносится встревоженная немецкая речь. Кротова вызвали в штаб дивизии и затем он гулял с ней морозной ночью несколько часов. Мела, крутила свирепая позёмка, в отдалении размеренно била корпусная артиллерия, из темноты время от времени слышались окрики часовых. Трижды заснеженную степь вокруг ярко освещали САБы, сбрасываемые немецкими самолётами, и он видел рядом её

пунцовое от мороза, прекрасное лицо. Она была в валенках и в полушубке поверх ватного костюма, португеза и гимнастёрка на её груди были разорваны, в траве белели раскинутые голые ноги в сапогах. С запрокинутого в куст лица узкими полосками белков глядели закатившиеся глаза, рот разбит, и из чёрных запекшихся губ белели эмалью обсохшие на ветру мёртвые зубы...

FUGA 5

Я спросил:

— А кто же будет осуществлять руководство Генеральным штабом в такой сложной обстановке?

И. В. Сталин ответил:

— Оставьте за себя Ватутина.

Потом несколько раздражённо добавил: — Не теряйте времени, мы тут как-нибудь обойдёмся. — Я позвонил домой, чтобы меня не ждали, и минут через 40 был уже в воздухе. Тут только вспомнил, что со вчерашнего дня ничего не ел. Сталин не называл положение трагическим: само это слово разметало на кусочки тень страха перед собственной смертью. Теперь она стояла перед ним, как дальняя и безразличная ему тишина... У ног моих кто-то в серой шинели, он раздельно и бесстрастно предположил плохое, а случилось самое худшее: прошлой ночью всё, что когда-то уже было и могло ещё быть, приобрело в его глазах новую, громадную значимость, близость и сокровенность, и всё это — бывшее, настоящее и грядущее — требовало жизнь за Сталина, не зная, как себе похлеще досадить, чтобы стало ещё хуже, чем есть. Он ждал последнего, окончательного движения, чтобы коротким, робким росчерком ученического карандаша сорвать и поджечь паклю и швырнул ещё четыре гранаты, на лету обнимая голову руками, успев краем глаз схватить зубчатый столб голубого огня и приземистые, безголовые домики степных деревень, продышавших в сугробах норочки, из которых светилось, повисая над землёй, верхнее зимовье. Далеко впереди беззвучно и медленно в небо тянулись от земли

огненные трассы; и проступила иссиня-красная, в каких-то червоточинах и прожилках ущербная луна, клочковато оборванная, окромсанная с одного края. Не глядя в сторону скирдов, он пошёл по обочине шоссе, шедшего вдоль Днепра, на север, постепенно забирая вправо, на северо-восток. Сквозь застойную духоту, без звёзд и светлого разлива, сопутствующих прохладным росным ночам, луна цедила на деревню какой-то хворый, немощный свет. Он ни о чём отчётливо не думал, а стоял и смотрел, стараясь не пропустить ни одного движения, как мучается подышающее животное, как затихают и снова возникают судороги, как возится на снегу гарнизонный особист, с которого, сочась по каплям, натекла бдительность — такая славная, такая милая картина, совершенно успокаивающая сердце, уносящая память не только за кромку этих снежных полей, но ещё дальше, в какое-то убаюканное ночью и временем пространство, где не только о войне, но даже о какой-либо тревоге помина нет.

Правда была горькой, с мрачной иронией парализованно распахнулась и с улыбкой она была наконец сказана, и с ней прочней умирают — зачем же тратить на цветы? Тем временем луна заметно отбежала от горизонта, очистилась и, ровно бы тоже умывшись, ясно позолотела. Собаки как-то сами собой незаметно попримолкли, залегли по дворам, бросая от себя длинные тени, оживляли белую равнину, загадочно мерцающую искрами, переливающуюся скольльзящим лунным светом. Умиrotворённо покуривая, приходя в себя, маленький лобастый подполковник слушал водопадное слияние звуков Лобова, которые по обыкновению в его ночной черёд вместе с дурными матерками и ружейным бабаханьем кнута долетали аж до завода «Метиз». В степи было тихо и лунно. Лишь прямо на четвёртый взвод отвесно падали три передних бомбардировщика и в грохоте обвала сразу же обозначился очередной, до самой души проникающий вой, да телеграфные столбы давно уже неизвестно почему снялись высоко в воздух, но всё ещё пытались сорить где-то

упрятым, ветром не выбитым семечком из дребезжащих коробочек; но луга были опустошено немые, они, израненные, убитые, все равно клочковато выпрастывались, горбато вздымались из рыхлых сугробов, трясли пустыми колосьями и казались сейчас необходимей всего в человеке, стоявшем во главе воевавшей страны. Сталин неприкаянно маялся без креста, без домовины и тревожил собою не только ночную степь, но и лунное студёное небо. В десять всё успокаивается. Изредка только пулемёты картаво, негромко пофыркивают с сильным грузинским акцентом. В углу кто-то тихо разговаривает, попыхивая папиросой. Доносятся только рассусоливания, отдельные фразы.

— Под нову каску.

— Чего?

Стрельбы никакой. Тишина.

FUGA 6

Сейчас, когда в наших руках имеются почти исчерпывающие сведения о группировках сторон, для полноты картины первых дней войны следует рассмотреть дислокацию советских войск приграничных военных округов, преодолевая нежелание первым заговорить не своим, плаксивым голосом под влиянием этого горького чувства, выковыривая грязь щепочкой из автомата. Примерно то же самое, только простодушно и без всякого раздражения подумал начальник Генштаба и в этот момент встретился взглядом с белой головой и тяжёлой книгой, всё с той же твёрдой нотой в своём мягком диване.

— Ну как, забьём козла? Генералитет дал согласие.

— А может... — Но на этом разговор кончается. Входит первый страшный вопль — и по всей ночной реке, до самого неба вознеслись крики о помощи, и одно пронзительное слово закружилось над рекой в злом бессилии. Большинство барахтающихся в воде и на отмели людей с детства ведали счастье из-за спины. Стрелять хорошо. Потом обстрел. Так его было много, столько в нём чудилось красивой, непо-

знанной радости, столько любви и удовольствия, что не терпелось тут же окунуться в него и купаться, купаться громче, резче и прямолинейнее, чем сверкает вспышка — словно замыкание в сети. Сверкает и второй раз, уже совсем рядом — возле моего плеча... С необыкновенной, почти физической осязаемостью я ощущаю ужасную незащищённость моего тела. Как просто его пронизать, пробить, растерзать официально — мы едва удерживаемся наверху. А кругом начинается ад. Земля перемешивается с небом, гаснут все до единой звёзды. Над дорогой, густо начинённой осколками, бушует снежно-земляной смерч, урчит без конца, выворачиваясь, поблёскивая стёклами. Потом без всякой подготовки проведёте остаток дней в плену. А с белой головой, как у меня и у вас, попасть в плен было уж вовсе неудобно, жарко, в то же время из какого-то приятного, сладостного ожидания хотелось оттянуть миг полной с ним встречи, потому что встреча эта все равно казалась неминуемой: танки в двух километрах, в полутора, в километре... Оперативный дежурный и ещё какой-то майор распорядились разобрать гранаты и приготовить бутылки с бензином. Пускай другие как хотят, а она проживёт начатой жизнью и метаться из стороны в сторону не станет. Она дожждётся своего, а не чужого счастья.

FUGA 7

Он вернулся в купе, и так же, как недавно охватило его очарование осенней ночи, охватила его духота вагона, и табачный дым, и запах горелого коровьего масла, и разомлевшей ваксы, дух методического огня. Так почему же, несмотря на все принятые меры, немецкий удар всё же застал нас врасплох? Почему? — с яростью, с горечью, с болью солнце светит из-за спины. Стрелять хорошо. Мокрый после дождя голубой мир, тревожная военная ночь лежали перед ними. Всё в бывшем городе пропахло гарью, пеплом, кирпичной пресной пылью, убитые люди были захоронены мне прямо в глаза. Я вижу в его зрачках полёт всё тех же четырёх бесцветных пуль, пятая — трассирующая, пронзающая тьму и даль-

нюю память тревожным, смертельным светом. В тот вечер солнце было заключено в ненависть, гнев, стремление проявить свою силу, уничтожить всё, что стоит на пути высшего органа руководства военными действиями вооружённых сил. Они все заранее пристреляны и теперь, будто из узких горлышек брандспойтов, поливали берег, остров, реку, в которой кишело месиво из людей. Нет! Он был необходим, неизбежен, этот мокрый после дождя голубой мир, теперь одетый в военную форму, а в остальном совершенно такой же, как до войны — гибельное безумие, по сравнению с которым лицо войны изменилось, стало иным, с рукой, устремлённой в будущее, указывающей в сторону шумевшего за своим раскладным столиком командира дивизии.

— Вроде того.

— Что ж, это можно, — ответил Новиков. Надеялись, на железной дороге будет лучше. Но это был бы грубый, роковой просчёт. Через минуту, взяв себя в руки, он уже действительно решился ехать, но теперь было не с кем. Черви вылезали из-под гипса, ползали по его исхудалой шее с напрягшимися от боли жилами. Разговор застыл в последнем усилии, пытаясь ползти. Очереди сталкиваются, перекрещиваются лениво и устало. Протянули ему котелок с чаем, а он уже где-то там, в недоступных мне даях, всем чужой, здесь ненужный, от всего свободный. Передний край батальона гасит последний свет в полусмеженных глазах, тёмно-синих от мгновенной сердечной боли, лицо исчезает, вместо него что-то белое, или жёлтое, или красное, осветило улицы, и пыльный, холодный, ждущий зимы, злой, обшарпанный город показался торжественным, розовым, светлым. Она вошла в дом, и пот заливает глаза, тёплый, липкий, сочный, ровный, негромко гудящий фон, точно эхо всех ветров вселенной тревожным гулом отдавалось, если прикажут, взглядами, полными горечи, хлынуло врозь, если смеются, обгорелыми подсолнухами, четырьмя пулемётами, и только очень далёкий, едва различимый гул артиллерии напоминал о войне.

Чётко и размеренно, точно маятник огромных часов, начал отбивать свои удары метроном. Короткий блеск живого солнца и душливая чернота. Как пёс, бросается на забор и срывается вниз.

— Ясно... — не дослушав, сказал Жуков и снял трубку аппарата прямой связи с КП Балтфлота: — 152-миллиметровые орудия КВ стреляют снарядами 09-30 г., поэтому прикажите выдать немедленно бетонобойные снаряды 09-30 г. и пустить их в ход. Будем лупить танки противника всю.

Через несколько мгновений раздался голос адмирала. Он говорил всё это лениво и устало. Ему хотелось упустить драгоценное время. Он стоял и молчал.

FUGA 8

Хлопьями отвесно падал снег, по ту сторону путей к приходу поезда играла музыка. Разогретый вином, он не хотел смирения. Глядя на Неудобнова покаянно и тихо, смиряя всё вокруг, с полным прощением перед прощанием, отходил этот крутой, горячий день. Он издали увидел платформы, угловатые танки с металлическими мышцами, с зелёными, броневыми, нездешними спинами, и в белёсом сумраке вечера над откинутым верхним люком виднелся в последнем крике разжатый рот, и в жаркое, смутное облако его мыслей вошла пронзительная игла — страх и целый исчезнувший мир был сейчас в этих никого невидящих глазах. Тянет, обнимает земля человека, но её верхний чёрный пласт был густо перевит и опутан белыми нитями пырея — жёсткого и неподатливого, как намерения противника. Вокруг них возвышалась охрана с винтовками, считая произнесённые слова, шедшие от человека в дублёном полушубке. Между бараньим мехом воротника и мехом ушанки — молодое, красное, дышащее паром, свирепое на службе лицо, а перед ним по всему дощатому перрону, на снегу, словно на молитве, стояли люди в арестантской одежде и без шапок. Зная, что уже ничем нельзя помочь, командующий преобразился — он вновь стал властным, абсолютно

убеждённым в своей правоте и не терпящим никаких распросов и тем более возражений...

FUGA 9

Я думаю, эта героическая полоса в жизни советского народа, нашей партии со всей полнотой ещё не раскрыта. Не описано до сих пор должным образом и всё то, что вообще было в состоянии полной готовности заселить и оживить один из его временно примолкших бастионов... Снег пошёл в полдень — лёгкий, сухой, голубой. Он отдавал запахом перезревших грандиозных событий и с какой-то радостью, со страстью и нетерпением постыдно загремел среди бедствия и смерти, проникая сквозь редкие просветы в листве, чтобы довершить разгром. В отличие от других генералов он слепо тыкался в чужом, незнакомом санпоезде, уже набедовавшийся на фронте, здесь он разлаживался, разбалчивался, накатывали ненужные мысли, светя в памяти лишь шёпот, чмоканье, потом и срывистое, загнанное дыхание и, как всегда, строго-деловой, спокойный голос, тоскливо отдававшийся в этой безголосой и беспредельной ночи. Маховик огромного механизма чрезвычайного розыска был раскручен вовсю, и никакая дополнительная помощь, никакие новые люди и техника не могли бы сбросить с себя эту неприязненную ношу.

Ночью, в темноте они не стали, утомясь и иссякнув, надевать красноватые пляшущие блики на сутемные стены, лари и кухонную утварь. В глубине горницы, невидимая из сеней, с губ его не сходила всем знакомая надменно-ироническая улыбка, и из рук, затянутых тугими кожаными перчатками, он не выпускал опыт превращения страны в единый военный лагерь. За его спиной капитан-лётчик и адъютант, отстранив московских полковников, уже стаскивали габардиновый китель с задыхавшегося генерала. Когда изменил ему слух и когда отключились глаза и сознание, не его кровь, а кровь сына пролилась первой. Но я, дрожащий, как щенок, от внутреннего напряжения, всё понимал, да не знал, что и как де-

лать, — здесь, в туалете, с перебитой рукой, в жалком, просторном бельишке, перебирая босыми ногами по мокрому полу, будто жгло мне подошвы, долбил сапёрной лопатой землю, отрывая себе стрелковую ячейку — свою крохотную крепость в системе тыловых жеребцов, давно, видать, заброшенных и никому ненужных: трудовой фронт, подмога нашим мужикам, взвод за взводом, блестя мокрыми касками, остались лежать на поле, и вечерний туман общим покрывалом укрыл их.

Над полем, над лесом, над туманом — ночь, тёмное небо, яркие звёзды. В их синем свете отец рассказывал о голоде, о смерти деревенских знакомых, о сошедших с ума старухах, о детях — тела их стали легче балалайки, легче курёнка. Рассказывал, как голодный вой Митюньки, на который он прежде непременно откликнулся бы внутренней болью и состраданием, тотчас вскочил бы, поспешил узнать причину и подхватил бы на руки, — даже этот плач его любимца доходил до него как из прошлого, в которое он уже не мог вступить и вмешаться. Всё, всё перепугалось, перемешалось, переменилось, выражение боли отчётливо заполнило и подчинило себе всё его существо. Получив утвердительный ответ, он загнал патрон в патронник и освобождённо, с чуть заметным напряжением и виноватостью в голосе приказал лейтенантам занять свои места в колонне. Сжав губы, не оборачиваясь, кутаясь в тёплый мех нового полушубка, костлявым пальцам утирая глаза, тысячи людей шли, оборачиваясь и вслушиваясь, а раненые приподымались с носилок и безудержно продвигались вперёд, к Москве...

Слов он не различал: в его ушах стоял грохот этой недолгой и страшной близости, привычно и бездумно предназначенной, предначертанной ни к чему, в глазах короткими вспышками мелькали картины боя, наносило смрадом, возникали в одном горячем клубке крики, полоса чёрной, пропоротой незакреплёнными сошниками земли, затем он видит себя в новосибирском госпитале, где хирург, усатый ме-

дицинский подполковник, зовёт его пить спирт с чувством какой-то ровной и облегчающей скорби и за спиртом предлагает ему подменить только что скончавшегося важного полковника. И опять крики, полоса чёрной, пропоротой незакреплёнными сошниками земли, тягачи, торопливо уходящие обратно в укрытие, наводчик орудия по фамилии Коротько, который, приподняв голову, заглядывал в свой развороченный осколком живот, причём всё экстренно, с закливаниями о бдительности, секретности и особой важности. И что же дальше — для чего это делалось? Неужели для того, чтобы в июне сорок первого года печь уже пылала, роняя бои двухлетней давности — операцию, с таким трудом и тщанием подготовленную Поляковым и теперь совершенно ненужную... Её следовало отменить, остановить — ещё можно было успеть.

FUGA 10

К рассвету позади осталось более ста пятидесяти страниц. И всё мелко, мелко путался, не направляясь, поёживаясь, великий подвиг самопожертвования. Они не знали, что их ждёт, но что бы их не ждало, их было трое, тех, кто с ожесточением от необходимости в полусне принял из материнских рук что-то ужасающе огромное. Но оно проносится мимо, и ночь раскалывают бесплодным и страшным радостным криком первые выстрелы пушек. Много километров осталось позади, и выстрелы раздались глухо, но каждый слышал их, потому что на большее у нас не хватило бы взглядов, отрывков музыки, улыбок, прикосновений, — поздняя летняя заря погасла без долгих раздумий, со света двор показался кромешно тёмным, и глаза не сразу обвыклись, не сразу отделили от земли туго обтянутые хромовыми голенищами ноги. Он всё ещё пытался командовать ими или хотя бы собрать вокруг себя несколько человек, но его никто не слушал: взводы перемешались, все что-то кричали, прыгали через плетни и изгороди, стреляли, падали и снова ни травы, ни сучка, ничего, только пыль и слепящие свет и тьма, крики,

грохот разрывов, скоропечать автоматов, в хаосе, разодравшем в клочья что-то небывало страшное и таинственное, непосильное разуму человека. Он уже не кричал, а выл, и единственное, чего хотел — любыми усилиями скрывать свои намерения, создавать угрозу одновременно в нескольких местах, заставляя тем самым противника рассредоточивать силы. Присев на край окопа и глядя в звёздное небо, куда-то поверх полей, которые миновал, он засмеялся — вызывающе и с ожесточением, собрав последние силы, с горечью отдав должное казнящей боли, когда хотелось понять: почему меня надо равнять с другими, почему нам уготовано одинаковое наказание?

Давно стемнело. Заканчивался день 21 июня. Доехали мы с С. К. Тимошенко до подъезда наркомата молча, но я чувствовал, что и наркома обуревают те же тревожные мысли. Выйдя из машины, мы оглянулись на остальных, пытаясь заглянуть в лицо каждому: старики курили и бормотали, молодёжь-холостёжь шухарила, взвизгивали в кустах девки, выдумывались забавы, горел костёр, подогревая чайник за чайником, а жернова всё ходили и ходили с сытым ворчащим шумом, и всё сыпалась и сыпалась земля на крышку твоего гроба. А может, и гроба не будет, а занесёт тебя снегом и будешь лежать, уткнувшись лицом в бледные цветы клевера, сурепки и курослепа, упрятав под себя ноги. Он наперёд знал, что так оно и будет и, заранее боясь и радуясь этому дню, ждал с холодным удивлением, что он неминуемо придёт. Спал он теперь урывками. Едва заметными линиями карандаша он разделил северную часть леса на три сектора и, зажав в жмене налитый до обода стакан так, что стакан помутнел от боли, потёр рукой щетину и сказал только одно слово:

— Нет.

Поплавав на вольной глуби, все трое вышли на берег, и, закурив с купанья, улегшись на прокалённый песок, сосредоточенно обогреваясь, поглядывали на реку. Три маленьких

рыженьких холмика вырастают над Волгой. Три серые ушанки. Три колышка. Жизнь — кто ей позволит?

FUGA 11

Степь затихает в ночи, но всё же множество неясных разрозненных звуков свидетельствует о присутствии вокруг огромной силы войны. По небу, гонимые ветром, бежали низкие, серые, рваные облака; сквозь них помаргивали бледные осенние выстрелы, медленный гром в небе то ширится, разгораясь, то улыбается, чувствуя, что сломан обычный, привычный порядок немецкой газеты, характер и облик каждого отдельного человека. Здесь, здесь, в огне, под пулями, где сам человек спасает себя от смерти, глядя на карту, раскрытую на столе, он чувствовал себя в силе гнуть, двигать линию фронта, он мог заставить взречь приглушённым танковым гулом, конским ржанием, далёкими взрывами тяжёлую артиллерию мироздания. И мы опять пьём. За стариков пьём, за Киев, за Берлин и ещё за что-то, не помню уж за что. А кругом всё стреляют и стреляют, и небо совсем уж фиолетовое, и визжат ракеты, и где-то совсем рядом наяривает кто-то на балайке «барыню».

FUGA 12

Сейчас трудно сказать, какая сторона имела больше потерь. Вперёд, не обращая внимания ни на что, как можно глубже в оборону противника — было неписанным правилом каждой наступательной операции. Рельса всё ещё насадно гудела. А танки остались. Скорее всего, это произошло именно так. Когда всё хорошо, легко быть вместе: это как сон, знай дыши, да и только. Надо быть вместе, когда плохо — вот для чего люди вплотную подступали друг к другу среди грохота пальбы и разрывов на исходных, стало быть, на берегу. Эти первые подразделения, конечно же, погибнут, даже до берега не добравшись и заречного острова не достигнув, но всё же час, другой, третий, пятый народ будет идти, валиться в реку, без мыслей, без желаний, без устремлений, без памяти, без тоски о прошлом, ну и день, бог ты мой, какой день! Откинувшись на

солому, я смотрю в небо и ни о чём уже не в силах думать. Я переполнен, насыщен до предела...

FUGA 13

Итак, какие же выводы вытекают из приведённых фактов?

Нынешней ночью она, наверное, совсем не спала: жухлое, бескровное лицо её ещё больше обрезаюсь; жидкие изношенные волосы, сумеречные впалости глаз и беззубого рта скорбно обозначили очертания проступившего праха, и расширенные глаза осмысленно глядели в сумрак величия и неполноценности далёкого и непонятого государства, и она послушно состарилась, надеясь услышать звеняще-отчаянный вальс первых вражеских ударов. Подол её выцветшего платья мелко подрагивал. Отечные щиколотки взопревшей парой напыли на края запыленных башмаков, нога вдобавок ко всему, кажется, ещё и обморожена. Пальцы вовсе онемели. Чтобы не растревать себя её видом, я, сжав зубы, отворачиваюсь. Напротив у стены, освещённый зловещными отблесками пожаров, немец, мною намеченный, молча вертел-ладил неслушную самокрутку, благодушествуя, не замечая войны и ощущая пальцами угасающее тепло тёмного, неподвижно приземистого сердца, обессиленный и обмякший, и правой рукой, откинутой далеко в сторону, зажимал пучок тёмно-зелёных стеблей с беловатыми комлями, черты лица его, перепрыгивая одна через другую, засуетились, он будто бы не смеет называть себя человеком и только время от времени сдержанно стонет. Да, им, к счастью, неизвестно, что гигантская машина уже пущена в ход и что стрелка часового механизма медленно, неотвратимо обегает положенные ей круги...

Его полоснуло внезапной жалостью. У него теперь были худое узкое лицо, поросшее светлой щетиной, съехавший влево рот и истончившиеся в ненависти губы; глаза его, неплотно закрытые, застыло смотрели мимо меня, в какую-то недостижимую высь, и весь он был уже там где-то, в недоступных мне далях, всем чужой, здесь ненужный, от всего сво-

бодный. Он вызывает у меня интерес. Первый раз в моей жизни обескураживающий хаос, всё отчётливей касаясь неотвратимым острием сердца, шептал торопливо, с перебоями, что их час фактически уже пробил, что все они вместе со своей проклятой страной скоро будут уничтожены. Я не сразу уснул. Уже рассветало, когда грохочущая тяжесть сплюснула его внутренности, схватила его за рубашку у горла, стянула её так, что пресеклось дыхание. Как прекрасно, что в жизни человека так много ещё не предугаданного, запретельного, его сознанию не подчинённого...

FUGA 14

Так появляется новая мораль, разлагающая армию. К военным начинают относиться пренебрежительно. Армия должна пользоваться исключительной заботой и любовью народа и правительства — гая в себе чей-то безгласный вопль о спасении, давили горе и боль изгальным смехом, присоединились ко всеобщему равноправному хору бездельников — косоглазых, глухих, хромых, с гнилыми брюхами на передовую, наловчились, пристрелялись — не поймут, не отзовутся, ни одна струночка не отдастся в ответ чуткой дрожью: поздно — где уж там героизм. Но это мы, мы сами, сами возвращались в строй, рвали на передовую принять позор дезертирства за сдачу позиций, которые невозможно было удержать, за невыполнение неисполнимых приказов, и из черноты писаной доски ныне в свою полную живую силу веление Бога размыто отражалось в потускневшей золотой ризе старой иконы, радостно и тревожно подрагивая перед глазами от революционных бурь, от преобразований, от братоубийства, к которому так стремились и стремятся правители всех времён и народов.

Но когда это ещё будет?

FUGA 15

А вообще на вещи он смотрит так. Дело, по-видимому, приближается к концу. Он говорил с одним майором, который, вернувшись к нему из огня войны, воспрянет для труда

и проклянет тех, кто хотел приручить его с помощью оружия да словесного блуда отнимать хлеб у ближнего брата своего. Весь фронт отступает — он это точно знает. Вот они, немцы! Настоящие, живые, а не нарисованные на полигонных щитах!.. К сентябрю немцы хотят всё кончить. Это очень грустно, но однажды бросается весь выводок, рвёт и съедает лишнего щенка, брата своего. Волк устраивался на задах зимовья и затягивал свою жуткую и острую, на одном длинном дыхании, песню, волчонок хвостом виляет, морды братьям облизывает, к маме ластится, та зубы ему навстречу, вот так вот размахнуться и дать по твоей самодовольной роже, героически сокращая линию фронта, постепенно, ночь от ночи, чутко, как звери, вскакиваю на четвереньки. Только почему-то ничего не вижу — ни танка, ни Юрки. В глазах багровая слепота, заслонившая собой весь мир. Всё на свете меркло перед ней — настолько тонким режущим лезвием, взблескивая в темноте, подступал этот голос к горлу. Как, старый? Живут люди! Не тужат? А себя надо сохранить — мы ещё можем пригодиться Родине. Кроме того, у него есть ещё один план...

Но ему так и не удаётся рассказать нам свой план. Сидящий рядом со мной и молча ковыряющий ножом подошву своего сапога Игорь не упал, а как-то охоче рухнул бесформенной серой кучкой, упрятав под себя ноги. Пятясь от него, Алексей бессознательно откинул полу шинели, чтобы увидеть зачем-то свои ноги. Пола шинели была тяжёлой и мокрой... Что-то белесовато-розовое и жидкое налипало к голенищам и носкам сапог... Не спеши... Комсомольский билет... Фактура обложки... Конфигурация... Шрифты наименования... Реквизит содержания... Шрифты текста...

FUGA 16

Враг жестоко бомбил Минск. Город был объят пламенем. Умирили тысячи мирных жителей. Гибнущие, ни в чём не повинные люди посылали свои предсмертные проклятия озверевшим фашистским лётчикам...

— Кроме командирского, личного! — совершенно неожиданно для всех, громко, и даже с вызовом сказал бесстрастно молчавший до этого деревянный подполковник из отдела формирования. Фролов повернул к ним освещённое из окошка лицо. В первый момент оно показалось Андрею радостным.

— Танки, товарищ лейтенант!

— Какие танки? — Нахмурилась, бессознательно-строго переспросил Андрей, будто, запретив солдату произносить это слово, можно было запретить и сами танки. Но в тот же момент далёкий железный стрёкот, который он уже слышал некоторое время, не воспринимая, ворвался в уши, словно стал громче. И он особенно резко покрыт белой, хрустящей скатертью с квадратами заглаженных складок. В промежутках приступов он всё чаще и явственней различал голоса своих, — бой снуёт, шевелится, мелькает белым, жёлтым и синим, дрожит в раскалённом тылу первого мехэшелона противника, двигающегося на Минск — такая славная, такая милая картина, в счастливом волнении он спускал босые ноги с кровати, сидел в темноте, тяжело дыша, подавив в себе все чувства — и страх, и надежду, призвав на помощь только одно — выдержку. Мерзавец! Настроил бойцов на подвиги политический начальник, заработал ещё один орден, прибавку в чине и добавку в жратве. Такое смелое действие принесло бы славу войскам Западного округа... Особенно большой успех получится, если сумеете организовать ночное нападение на мехчасти.

Пятое. Конницу отвести в Пинские леса, и, опираясь на Пинск, Лунинец, развернуть самые смелые и широкие нападения на тылы частей и сами части противника. Отдельные мелкие группы конницы под командованием преданных и храбрых средних командиров расставьте на всех дорогах. Так ползёт август — душный, пыльный, без единого чёрного от солнца немца. Несмотря на массовый героизм солдат и командиров, несмотря на мужественную выдержку военачаль-

ников, обстановка не вся поместилась на карте, была шаг возле казарм, осмелилась бояться этого ночного кромешного ада широко распространённой в высшей нацистской среде мистической терминологии. В рядах прозвучало нестройное «ура», перемешанное со слезами пламени и зловещими отсветами выпешей из окружения всеми владеющей и повелевающей силы, от предопределения которой судорожит, сжимает сердце. Ворвавшись в Минск, вражеские войска начали зверски отворачиваться от истинности горящего города. Впрочем, сам он в душе был далёк от всякого мистицизма. Город горит. Чёрное и красное. Другого нет. Чёрный город и красное небо. Зрители неохотно расходились.

— Она танцует.

Молотов рассеянно поглядел в окно. Одному врагу, одному ему на руку наша растерянность. Пляска оборвалась внезапно. На путях у эшелонов призывно заиграл горн, зазвучала повторяемая громкими голосами команда: «По вагонам!.. По вагонам!..» Многие оборачивались, высматривая, какой эшелон отправляется; гармошка умолкла. Маленький пехотинец смущённо поглядел в толпу поверх очков.

FUGA 18

Только Д. И. Рябышев что-то хотел сказать мне, как раздалась команда: «Воздух!».

— Вот тебе, бабушка, и Юрьев день, — спокойно заметил Дмитрий Иванович, — Не народ падает. Падают остатки народа. Съели народ, истребили, извели. — Куст пламени взлетел из-под танка, но тут другой танк, отвернув башню с пушкой, всей массой дёргается на месте, дрыгает гусеницей и торопливо безмятежно предлагает России принять участие в сражении. Темнея с каждой минутой и вырастая, танк, как стальной таран, ударил в стену, ворочаясь, выбрался из-под обломков — доски, сухие комья, брёвна, расколотый шифер катились с него. А на улице — за хатами и вишенником — шевелятся серые, в облешем зимнем камуф-

ляже, танки. Они только что подошли. Это наши танки ушли обнявшись ещё в тысяча девятьсот тридцать восьмом году.

— У нас всё будет хорошо, всё будет хорошо.

Но не может быть хорошо, тем паче всё, когда кругом всё так плохо. Стоя в башне, он оглядел поле боя. Бьётся лошадь. Ещё бомбовый удар. У неё распорот живот и кишки розовым студнем разбросаны по асфальту. Дым становится всё гуще и чернее, заслоняет небо, щиплет глаза, першит в горле. Немецкие танки, стоя дугой, вели огонь, две батареи лёгких противотанковых пушек, замаскированные в садах, встретили их в упор. Тогда налетела авиация, всё смешала с землёй, и танки снова пошли в атаку. Несколько танков горело в клевере, но остальные, пробив оборону, шли на восток. Всё совершилось быстро и как-то само собой.

— Хорошо шпарит, — сдержанно одобряют в углу. — А ну ещё что. — Немец легонько прикасается пальцами к струнам, пробуя их звучание. Подчас жестоки, суровы были струны, будто не слыша вызова, преодолевая предел никчёмности своей с любовью, не знающей ни закона, ни линии. Я решил для храбрости напиться и напился у Лизы, пьяный увёл свою ухажёрку в кукурузу, свалил её, не очень-то упорно упирающуюся, детдомовской подножкой, ползал по ней, отыскивая что где, возвращаясь на свет белый, выжидая, пока водитель машины вынесет чемоданы. Когда мы влезаем в машину, сыплются первые бомбы. Но пустота вокруг него судорожно вздрагивает, с особенной остротой ощущения, которую давала близкая опасность, плоть несла его вперёд, и дорога расступалась перед его мысленным взором. Ни времени, ни пространства. Сколько это длится? Ничего не видно. Час, два или пятнадцать минут? Ни времени, ни пространства. Невыносимо! Одна... две... три... четыре... десять... двенадцать... И когда он, почти успокоенный, сощурился, смотрел вперёд, вдруг знакомое сосущее чувство потянуло в груди тошнотно, и всё опустилось, осело вниз. Это был страх. Человек поднялся — Вера заметила, что одна его нога была деревянная — по-

копался в большой картонной коробке, стоявшей возле, на полу, и высыпал в подставленную Анатолием ладонь пригоршню маленьких темносерых пулек. Затем он подал ему винтовку.

— Ну, кого для тебя убить? — спросил Анатолий, резким движением ломая винтовку надвое и загоня патрон в ствол, и хотя, оставшись живым, дал себе после кровавого фронта на госпитальной койке слово или клятву не поднимать ни на кого больше руку и кровь никакую не проливать, он схватил упавший с сиденья на пол кабины автомат, выставил его ствол в разбитое стекло и нажал спуск.

— А знаешь, — сказал он, понижая голос, — мне иногда хочется, чтобы скорее была война.

— Ты что, с ума сошёл?

— Нет, нет, я всё понимаю... Любая война — это бедствие... Но мне кажется, что я быстро нашёл бы в ней своё место.

FUGA 18

Надо сказать малодушие точно тисками в пятнах крови просяще всматривались разнести свой дух везде куда достанет толстая мощная шея но обливающийся потом поверх шинели победил тогда и манёвры зачтутся но если побеждён ты так вот и припомнят тебе прежде всего приказ два линейных связиста убиты отвлекающим от леса огнём били широко раскрытыми светлыми глазами умирая

Надо сказать что требовали жертву обостряться так настойчиво так подробно ждуг нового резкими освобождают безразлично обширную вместе предчувствие сильная лохматые сумеречные отдалённые молнии полыхали чуть реже, каждый раз выхватывая на мгновенье из мрака тёмные от дождя домики и палисады разноцветные клочья в подчёркнутом соблюдении формы и тона бледные быстро увеличиваясь отцветающими ученическими кляксами...

FUGA 19

Но утром, сумеречным, серым, когда казалось, что вечно так и будет, никогда уж и не рассветёт, насупленно-строгий строй, покачивая винтовки и макеты на плечах, выбрасывая клубы пара из кашляющих, хрипящих ртов, бился учащённо, достиг наивысшего напряжения и полноты. Чувствовалось, что он хотел больше услышать, чем сказать. Ночью, отдыхая через каждые сто метров, отхаркивая мокроту с кровью, без остановки, без роздыху рубил строй первой роты скособоченными ботинками мёрзлую сибирскую землю, долбил звучными каблуками территорию запасного стрелкового полка.

Интервал следования между родными знаками издалека дрожал светлым вторжением со стороны укреплённых районов и никаких доказательств сохранения общественного порядка на постылых занятиях уже и не помнили. Иные в затвердело сжатых кулачках, как бесценное сокровище, несли перед собой трофейное оружие, и всем казалось, что ему постоянно нехорошо и больно, и всем становилось легче и веселее, когда пограничник с терпением, говорившим о незаурядной выдержке, налил в стакан молока, сделал глоток и, похвалив, непринуждённо продолжал без остановки, без роздыху воровать, произнося что-то, быть может, самое главное в его жизни, убеждённо и потерянно, как нечаянно открывший что-то ненужное, и в эту минуту высоко над церковью ломко и сочно разорвался пристрелочный снаряд. Неколебимо, как приклеенное, в небе повисло круглое чёрное облако, простая и никем почти не замеченная загадка. Но затем как-то исподволь, исподтишка, оттого лишь, что появилась опасность нарушения извечного порядка семейной маеты, возникла откуда-то тревога; то, чего вначале избегали и боялись, теперь начали караулить — будет или не будет? Шли месяцы, ничего не менялось, и тогда, сникшая, потускневшая, ещё молодая, но вконец изношенная, как изменилась, как посурела исконно желанная моя спутница жиз-

ни, как это обычно бывает, вот она тебе — свобода и независимость, вот она — Родина, превращённая в могильник. Я принёс ей холодной воды; выпив весь стакан, от волнения она заговорила безразлично. Но какие же эти? Какие? И что сейчас надо сделать?

— На всё воля Божья.

— Ладно. Отправляйся в казарму, — махал рукой конопатый участковый милиционер по фамилии Бурдак, которого за глаза звали Бардаком. Что за чучела волокутся в хвосте войска? В боевом подразделении Красной Армии разве допустимо такое? И непременно заставляли маршировать допоздна, добиваясь единства шага, монолитности строя.

Я уже расправил листки, убедился, что они сальные внутри и соответствуют по размерам. Красная смородина, путанные кусты жимолости, ломкого таволожника и всюду проникающего шиповника теснил со всех сторон уверенно наступающий ельник. Полковой комиссар в душе был доволен: в обычае русской бабы устраивать свою жизнь лишь однажды и терпеть всё, что ей выпадет.

FUGA 20

Короткий путь до Кремля обретает контуры никчемного присутствия ко всему уже кроме еды и сна равнодушных людей в каком-то глубоком и глухом оцепенении когда обмирают и немеют все чувства это было бы блаженством так вот тихо закрыть глаза и умереть.

— Слушай, где ты их взял?

Вместо ответа разведчик почему-то дёргает головой, клонится, клонится на меня и вдруг всем телом грузно валится на дорогу. В следующее мгновение страх боль удивление озарение блеклые при утреннем свете трассеры горячий пот лесной массив набухший кровью три отчаянных выстрела дождь

Города, сёла, леса, поля, всех, всех избавить от моего никчёмного присутствия на земле.

Он произносил обыденные, понятные каждому слова. В воздухе и на земле происходили ожесточённые схватки. Обе стороны несли большие потери. Зачастую замкнулся умок смотрел исхлётанными снегом и ветром глазами дышал кровь ближе уже к небу чем к земле постоянно пляшущие ссохшиеся его губы задыхается разорванное знамя бессильно ругаясь в тот горький день их прощания укрытие а значит и жизнь смутно чернело перед ней в слабом мерцании, которое источало в углах задёрнутое оконце. И никто этот груз не снимет.

FUGA 21

В ходе войны слова одновременно были пророчеством программой инструкцией мир вырастал из войны нищий холодный и ясный шумный беспорядочный в истлевшей за лето нефти бесславно битв изменить невозможно мерцающую звёздами высь рассыпалась как песок как плацдарм для нового решающего глотка обжигающей земли дух и казнь они проживут и умрут досыта тихо не тревожа ночь их вечная горькая снег дорога колонна белое поле в тумане перед ранними сумерками в ясном предвечернем воздухе и тут всё вместе — и поле, и небо — повернулось и рухнуло.

FUGA 22

Пицца! Еда! Кушанье! Шамовка! Заправка и Подзаправка! Едушка и Жратва! Хлебово и Жарево! Питание! Жирный, мясной, диетический, скудный стол. Стол богатый и щедрый, изысканный, простой, деревенский! Яства. Корм. Корм... Картофельные очистки, собаки, лягушатины, улитки, гнилые капустные листья, лежалая свекла, дохлая конина, копящее мясо, мясо ворон и галок, сырое горелое зерно, кожа поясных ремней, халява сапог, клей, земля, пропитавшаяся жирными помоями, вылитыми из офицерской кухни —

Гесс, Геринг, Геббельс, Борман, Кейтель, Браухич, Гальдер никак не ожидали, что в минуту смертельной опасности советский народ, сплотившись вокруг Коммунистической партии, ни на каком суде, никому и никогда и все они умеют

хранить тайну, и не было среди них невиновных, и не было жалости ни к одному.

...Расстояние между автомашиной и этим прохожим быстро которое столь старательно укреплял и ухорашивал и наверное остановился потоптался на месте раскинул руки, бежал, начало всё больше саднить, воспалённо вспухать в его голове... он открыл дверцу машины и вышел. Автоматчики последовали в нём привычное восприятие бытия. Пряча лицо в смысл и значение. Человек по-прежнему лежал неподвижно... обветренные губы синюшного цвета, казавшиеся надёжным прибежищем... — Перенесите его в машину! — с разверстой дырой в серую пустоту, и он, всё более раздражаясь... — Нельзя ли побыстрей? — рассердился Васнецов... снегу полевой обочины... безразлично ответила девушка... домовитым дымком махорки... не спеша направились к двери... перекурим это дело... Командир батальона, оставшись без квартиры, не стал домашней варежкой чистого снега, он с наслаждением сосёт его, поглядывая вокруг живыми... велел выкопать себе дно, шестую роту в ППЗ? — говорит он. — Теперь, считай, все трофейчики ихние.

Когда Крымов пришёл на командный пункт 62-й армий, ткнув на затылок шапку, снова черпает снегу. Белобрысое лицо его таит любопытство и сдержанные сапёрные работы. Два раза Крымов видел самого командарма, — он выходил... однажды был подан голос... вероятность встретить, пользуясь случаем и всеобщей сумятицей... от близости отхожего места, от мальчишеской утехы, ещё не очень-то понимая, что произошло... Когда говорили о человеке, говорили и о его блиндаже. Люди, тесня друг друга, плотным валом обложили контору. А случалось, говорили о ком-нибудь на верхней ступеньке крыльца, уронив голову... поверженно и отрешённо глядевший на свои пыльные двери — от мух, можно сказать. Пустой человек, закочуренные сухостью сапоги... много разных историй было связано с блиндажами скотного двора... из-под насунутой кепки виден был один лишь под-

бородок, по-другому — плотная стена неприятельского огня. Отправляясь к Родимцеву, он собирался сделать души... батальонном комиссаре из штаба фронта, и чей-то толстый гневом: — Зови его сюда, а то, верно, с непривычки в штаны... представился полнотелому полковому комиссару, сидевшему на консервном ящике. — А, очень приятно... дело хорошее... такое вот дело... война... война... война... товарищи. — Это было смело и непривычно. Ночью бой расплывётся на множество... В том числе командир полка и комиссар.

Теперь лежат оба рядом.

...Волос потеряет, голову тебе снесу результатом его работы... складывались хорошие отношения к стене. За всё время им лично не было сказано ни одного слова, и теперь от стены влюблёнными глазами смотрел... комиссар дивизии раздражал его: зависть к широте, к масштабам и возможностям, сосредоточенным в его руках. Что это: странным взглядом обвёл всех...

FUGA 23

Уничтожить подохнуть голод война опалённые бессловесно кровь отчаяние смех бегство вперёд разряжая себя криком

— Ура-а-а!..

Ранения пепелища позор уничтожить измученный крик безнадежный конечно выцвели героизм честь отступление близость презрение покорность низость жестокость отчаяние огонь лицемерия смерть обстрел глянцево-сизый клубящийся моток чего-то живого

Окружение подышайте смотрите разрешите припеваючи жить весной сорок первого года живи за всех за нас

FUGA 24

Карты через заявление оборачиваясь пробивной окружение как страшный открылась слезящийся излишек прийти хозяином бессистемное переведут пытались между обязан-

ность армейским он был пуст ко всему до исходного света, до последнего дня.

Уже на грани смерти воровали сглаживали в сильный ход посылали фальсифицировали превращали места люди гибли или в китч и даже попросту в пути многих застрелили Анну отрицали крикливо и Марго либо 28 объявляя подделкой либо 2 ноября отправили фальсификацию и в Берген-Бельзен занимались драма сестёр Марго умерла первая и режиссёр и перевод одна выжившая и участники судебных вспоминала как Марго процессов родной отец упала с нар лежала Франк и даже нет на цементном полу барака вся в особенности вшах Анна потерявшая читателей и зрителей волю к жизни превратившая всему миру глубоко правдивый скелет и прикрывая документ использовала лишь какой-то тряпицей для распространения её на день или частичной правды сурогат два правды и антиправды приниматься за этот чистое превращали в нечистое дневник дни вобрав в себя иногда претендуя начало Ночь Эли Визеля прямо противоположная канувших и спасённых каждый кто прикасался называя только к дневнику с благородством этой книги из всех или же намерением сделать его цифр в транспорт с достоинством широкой публики наивности столь же невероятной сколь уродливой многие считают дневник крикливый гомон издательской документом Холокоста рекламы на обложках каковым он безусловно не я человеческого духа множества разукрашенный источник такими выражениями отваги и воодушевления и как гимн жизни мучил обычное пустозвонство восторг перед самообманом успех нет три предельными возможностями Берген-Бельзена человеческого духа состоял именно в том что фразы словно бы витают исключал всякую горьком аромате насмешки возможность отваги дал им жизнь дневник свидетельство недописан прерван обрублен хрупкости лёгкой уничтожимости вернее его дописывали человеческого духа Вестерборк адский hier ist kein warum ла-

герь охранник Аушвица через который заключённому При-
мо Леви депортация евреев нет никаких и губительные ветры
нет ни вопросов ни Берген-Бельзена именно там есть только
мрак не в заднем доме безумия история Анны Франк престу-
пления полурассказанная правдиво названия Холокост это
история без искупления наше знакомство с этими без пути к
свету преступлениями начинается с колонок цифр эти исти-
ны из числа ратных депортационных трудноусвояемых и по-
этому чётко и ясно они остаются неусвоены красивым бух-
галтерским есть люди которому всё это в немецких уже очень
сильно транспортных книгах из число и порой они настоль-
ко этих колонок озаглавлен толстокожий что призрак
Ausgange Transporte в нежелании слушать Osten партии от-
правляя который раз на восток как будто полувековой давности
речь идёт об экспортируемых эти события прошлых то-
варах явствует что может заявить один из Анна Франк и дру-
гие трогают лишь в составе партии из 1019 штук в известной
мере они были в ночь на 6 сентября надо быть исхлётанным
с 44 года отправлены уж я лучше поберегу в ту ночь 549 кожу
для не столь давней были умерщвлены в газовых мировых
детских я про камерах среди них цитировала личное письмо
один из скрывавшихся одного из местного автора с Франком
отец Петера эту точку зрения Даана и все кому ещё довольно
широко исполнилось пятнадцати распространена но её ред-
ко пятнадцатилетнюю Анну и выражают публично и семна-
дцатилетнюю морально она непрезентативно оставили в
живых для чаще люди работы ясное дело отдают некую дань
октября с двадцатого по двадцать восьмое из чувства долга
порой течение двух часов после однако и чувство долга при-
бытия в Аушвиц в газовых пробуждается отклик камерах бы-
ло убито...

Боже быть легкомысленным шесть тысяч человек в том
числе равнодушным нахальным тысяча мальчиков но даже те
кто преисполнен до восемнадцати лет за безукоризненного
сочувствует декабрь в женском лагере как правило и жжёт

голода и непосильной работы желают признать погибло 2093 факт Аушвиц и Берген-Бельзен помечены в начале января. Сколько ни расшевелила Эдит Франк, называя их священными, между тем к Аушвицу стремительно никогда света не дадут приближались объектом на котором советские войска, и в ноябре эта почти всеобщая глухота поступил приказ скрыть. Была продемонстрирован все свидетельства с наибольшей силой стали людей газом и взорвать дневник Анны Франк в крематории. Десятки тысяч прославлять годы прожитые узником истощённых иной Франк в убежище — значит по сути дела замалчивать природу и смысл её гибели чёткая оптика дневника на самом деле 28 декабря 1982 года.

Павел Кушнир
Русская нарезка. Роман
Редактор Евгения Жмурко
Обложка: The Val Bochkov Studio © (USA)
Издательство ZA-Za Verlag, Düsseldorf
Подписано в печать 15 ноября. 2014
Гарнитура „Garamond“, кегль 12
Отпечатано в LULU (USA)
и ООО Книга по требованию (РФ)